ДЖОАН ДИДИОН

ЗАПИСИ ДЛЯ ДЖОНА

CORPUS

ОТКРОВЕННЫЕ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ АВТОРА "ГОДА МАГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ" И "СИНИХ НОЧЕЙ"

18+

Записи для Джона
Джоан Дидион

Аннотация
Джоан Дидион. Записи для Джона
Предисловие
29 декабря 1999 года
5 января 2000 года
12 января 2000 года
19 января 2000 года
2 февраля 2000 года
9 февраля 2000 года
16 февраля 2000 года
1 марта 2000 года
8 марта 2000 года
15 марта 2000 года
22 марта 2000 года
19 апреля 2000 года
26 апреля 2000 года
3 мая 2000 года
10 мая 2000 года
17 мая 2000 года
24 мая 2000 года
31 мая 2000 года
7 июня 2000 года

15 июня 2000 года
21 июня 2000 года
28 июня 2000 года
5 июля 2000 года
12 июля 2000 года
6 сентября 2000 года
14 сентября 2000 года
20 сентября 2000 года
27 сентября 2000 года
4 октября 2000 года
11 октября 2000 года
18 октября 2000 года
1 ноября 2000 года
8 ноября 2000 года
29 ноября 2000 года
6 декабря 2000 года
13 декабря 2000 года
20 декабря 2000 года
3 января 2001 года
17 января 2001 года
31 января 2001 года
7 февраля 2001 года
4 апреля 2001 года
3 июля 2001 года
26 декабря 2001 года
3 января 2002 года

9 января 2003 года

Аннотация

В ноябре 1999 года Джоан Дидион стала посещать психиатра, потому что, как писала она подруге, для ее семьи “последние несколько лет были тяжкими”. Она вела дневник для своего мужа Джона Грегори Данна, где подробно описывала беседы с врачом. Речь шла о депрессии, тревоге, чувстве вины и о сложнейших отношениях с дочерью, Кинтаной. Кроме того, у Дидион все чаще случались затяжные периоды, когда она не могла работать. Обсуждалось и ее детство – недопонимание, отсутствие контакта с матерью и отцом, рано возникшее ощущение надвигающихся катастроф. Эти записи – удивительно честный отчет, и мы видим те стороны Дидион, которые не были никому известны, но перед нами, безусловно, она – мучающая себя вопросами, но решительно отправившаяся в столь болезненное для себя путешествие.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Джоан Дидион
Записи для Джона

JOAN DIDION
NOTES TO JOHN

Перевод с английского
Любови Сумм

© Didion Dunne Literary Trust, 2025
© Annie Leibovitz, фото на обложке
© Л. Сумм, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

Предисловие

Вскоре после смерти Джоан Дидион в 2021 году в небольшой папке возле ее стола было найдено около 150 непронумерованных страниц. В этой папке она держала разные бумаги (записи консьержа в ночь 2003 года, когда умер ее муж, Джон Грегори Данн; экземпляр своей речи на свадьбе ее дочери Кинтаны; подтверждение брони отеля “Бристоль” в Париже; списки рождественских гостей; компьютерные пароли). Большинство страниц складываются в своего рода дневник, в котором Дидион отчитывается о встречах с психиатром; почти все они относятся к 2000 году. Эти записи адресованы Джону — “ты” в этой рукописи.

Эти 150 страниц сохранились, по-видимому, в единственном экземпляре, ныне хранящемся в архиве Дидион/Данн в Публичной библиотеке Нью-Йорка. Архив передали библиотеке наследники Дидион, дети ее покойного брата. Доступ неограничен.

Психиатра, Роджера Маккиннона, Дидион начала посещать 15 ноября 1999 года. После ше-

сти встреч с ним она начала делать записи для Джона. Дневник обрывается примерно через год после начала терапии. В него включена и запись о единственной сессии, в которой участвовал Джон, 7 июня 2000 года, поэтому напрашивается вывод, что цель этого дневника не сводилась к тому, чтобы держать Джона в курсе. Ведь его не требовалось информировать о том, что обсуждалось в тот день, когда он сам присутствовал.

Часть материала из этого дневника была использована в “Синих ночах”, последней написанной Дидион книге, размышлении о жизни ее дочери. К Маккиннону Дидион обратилась, когда Кинтана сказала своему психиатру, что мать в депрессии и ей нужно с кем-то поговорить. Этот психиатр считал отношения матери и дочери основным источником проблем Кинтаны — проблем, с которыми он не слишком успешно справлялся — и потому призвал на помощь Маккиннона. От сессии к сессии Маккиннон побуждал Дидион к размышлениям о ее собственных отношениях с родителями, с чувством вины, удочерением, алкоголизмом, о своих страхах и неуверенностях и о связи между ее личной жизнью и работой.

В компьютере Дидион сохранилось письмо

старому другу в Калифорнии от марта 2001 года, в котором она описывает последние “трудные несколько лет” с Кинтаной. “Даже я ходила к психиатру, — пишет она, — что стало необычным опытом для меня и помогло мне стать намного более открытой, чем, как мне представляется, я была когда-либо ранее”.

29 декабря 1999 года

По поводу отказа от приема золофта я сказала, что примерно час после приема ощущаю себя так, словно утратила организующий принцип, примерно как после “плантаторского пунша” перед обедом в тропиках. Я сказала, что пыталась отделаться от этой мысли, поскольку разумом сознаю, что такого не может быть, ведь согласно “Настольному справочнику врача” даже вдвое большая доза не может вызвать подобного эффекта в первые несколько часов, а пиковый эффект наступает после 3–5 дней постоянного приема. Я осознала, что у меня имеется очень точно откалиброванное представление о собственном хорошем состоянии, я очень боюсь утратить контроль, моя личность организована вокруг определенного уровня мобилизованности или тревоги.

Далее я сказала, что пыталась продумать ту тревогу, о которой говорила на нашей последней встрече. Я сказала, что хотя я связывала ее с работой (встреча в Лос-Анджелесе и т. д.), обсуждая это с тобой, я поняла, что тревога была сосредото-

чена на Кинтане.

— Разумеется, так и было, — ответил он.

Затем мы поговорили о моих тревогах насчет Кинтаны. В основном о том, что ее депрессия может дойти до опасной черты. Постоянно настороже, звонки посреди ночи, попытки измерить ее эмоциональную температуру при каждом телефонном разговоре. Я сказала, что в каком-то смысле это кажется оправданным, а в других — нечестным по отношению к ней, потому что она чувствует нашу тревожность, как мы чувствуем ее.

— Полагаю, она особенно остро ощущает вашу тревожность, — сказал он.

Я ответила: очевидно, так и есть. Она говорила об этом не только нам, она упоминала это и доктору Кассу. Хотела, чтобы именно я обратилась к психиатру, а не ты. Он сказал, что, по его предположениям, она считывает тревожность нас обоих, но что-то в отношениях между ней и мной побуждает ее чувствовать мою тревожность более остро, побуждает подключаться к ней.

— Люди с определенными невротическими паттернами подключаются друг к другу, у людей со здоровыми паттернами подобного не происходит. Между вами и ею несомненно существует

очень сильная взаимозависимость.

Он хотел знать, сколько было Кинтане лет, когда она оказалась у нас, расспрашивал, как проходило удочерение[1]. Мы достаточно подробно поговорили об этом, и я сказала, что всегда боялась ее потерять. Когда наблюдали за китами. Гипотетическая гремучая змея в плюще на авеню Франклина. Он сказал, как все приемные дети испытывают глубокий страх, что их отдадут обратно, так и все приемные родители испытывают глубокий страх, что ребенка у них отнимут. Если не разобраться с этими страхами в ту пору, когда они к тебе приходят, то ты их искажаешь и одержимо фиксируешься на тех опасностях, которые можешь контролировать — на змее в саду, — лишь бы не на той опасности, которую ты контролировать не можешь.

— Очевидно, тогда вы не разобрались с этим страхом. Вы отодвинули его в сторону. Это ваш паттерн. Вы идете вперед, вы прорываетесь, вы контролируете ситуацию благодаря своей работе и своей компетентности. Но страх никуда не делся, и когда этим летом вы обнаружили, что ваша дочь в опасности и вы не можете ничего

---

[1] Примечания: 1

Кинтана была удочерена в 1966 году, сразу после рождения.

контролировать или изменить, страх прорвался через ваши защитные барьеры.

Я сказала, что, возможно, слишком ее опекала, но никогда не думала, что она так меня воспринимает. На самом деле она однажды описала меня как “слегка отстраненную” мать.

Доктор Маккиннон:

— Вы не думаете, что она воспринимала вашу отстраненность как самозащиту? Когда она сама прибегает к отстраненности ради самозащиты? Разве вы только что не говорили мне об этом? Она никогда не оглядывается назад?

С этого момента мы говорили о Кинтане и Стивене[2], Кинтане и Доминик[3]. Он спросил меня, буду ли я против, если он обсудит некоторые моменты, возникавшие в наших беседах, с доктором Кассом, поскольку ему представлялось, что они пригодятся и в беседах доктора Касса с Кинтаной. Я сказала, я согласна, чтобы он обсуждал все, что сочтет полезным.

Вернувшись к вопросу о том, почему моя тре-

---

[2] Примечания: 2

Стивен Данн, младший брат Джона Грегори Данна, покончил с собой в 1980 году, в возрасте 43 лет.

[3] Примечания: 3

Доминик Данн, племянница Джона, была убита бывшим бойфрендом в 1982 г. Доминик и Кинтана очень дружили.

вожность больше беспокоит Кинтану, чем твоя:

— В вас есть нечто — и это возникло задолго до ее рождения, — что побуждает вас думать, будто вы не заслуживаете ничего хорошего. Я уверен, что вы считали огромным везением, что вы удочерили Кинтану, и я также уверен, что вы считали себя недостойной этого, считали, что в каком-то смысле вы заслуживаете того, чтобы ее потерять. Это ненормальный паттерн мышления, и именно из-за него ваша вполне естественная в данной ситуации тревожность оказывается настолько острее, чем у вашего супруга. Она выходит за собственные пределы, она связана с чем-то другим. По какой-то причине вы росли, ожидая худшего. Вы не рассчитывали, что случится что-то хорошее. Каким-то образом вы росли без гена, отвечающего за отказ.

5 января 2000 года

Доктор Маккиннон сказал, что не знал о моем знакомстве с Хилари Калифаро[4] и надеется, что меня не огорчила встреча с ней. Я ответила: огорчить не огорчила, но возник вопрос, что здесь делают две более чем взрослые женщины — две женщины, которые живут в этом мире и имеют какие-никакие системы защиты.

— Большую часть времени имеют, — сказал он, — но порой в жизни происходят такие события, которые прорываются через самые прочно сконструированные системы защиты.

Я сказала, это возвращает нас к тому, что он говорил на прошлой неделе и что заинтересовало меня: я с самого начала использовала работу и компетентность как защиту от страха потерять Кинтану. Я сказала, мне приходило в голову, что мои тревоги насчет работы и денег — которые становились особенно выраженными по мере того, как лето переходило в осень, — в какой-то мере… (тут я прервалась).

---

[4] Примечания: 4

Хилари Калифано (1939–2022) — жена политика Джозефа Халифано (пик карьеры — министр здравоохранения в 1970-х годах).

— Симптом, — сказал он. — Совершенно определенно.

Но не только симптом, сказала я. Отчасти эта тревога основана на реальных вещах.

— Разумеется. Мир меняется. Становятся значимыми другие ценности.

Вот именно. Однако мир всегда менялся, и я с этим всегда справлялась. Но в это лето, возможно, впервые в жизни, я начала чувствовать, что могу и не справиться. Я думала, дело в моем возрасте. И отчасти так оно и есть. И все же эта тревога была слишком уж сильной. Что касается денег, у нас есть новый фильм, есть и возможности помимо этого. И что касается другой моей работы, единственная реальная проблема заключалась только в том, как найти для нее время. Но я была в ужасе.

— Так проявляется депрессия.

Которая проистекает из ситуации с Кинтаной этим летом.

— Точно.

Я сказала, что в этом отношении выходные у нас получились тревожные. С виду у Кинтаны все было в порядке, приехала ее близкая, понимающая ситуацию, подруга, мы даже шутили, когда мне пришлось ехать в больницу в связи с

инфекцией глаз, что мы проводим все праздники в приемном покое и наконец-то не из-за нее. А потом в воскресенье, около 12.30, раздался телефонный звонок. Я рассказала ему, как мы поехали к ней на квартиру.

— И что, по ее словам, произошло? — спросил он.

Я рассказала. Он спросил, обратилась ли она в полицию. Я сказала, что нет. Ты спросил, где ее участок, и она ответила, что не знает. Я сказала, мы оба старались не задавать ей лишних вопросов: она казалась слишком потрясенной, чтобы выдержать то, что могло быть воспринято как допрос.

— Вы не хотели показаться обвинителями, — сказал он.

Именно так, сказала я. Мы не были уверены, но нам обоим показалось, что она пила. Учуяли ли мы запах алкоголя, спросил он. Я ответила, что вроде бы нет, но окна были открыты. Трудно было определить: она повторялась, но речь звучала не смазано.

— Есть ли у вас альтернативный сценарий? — спросил он.

Я сказала, если бы мне пришлось продумывать альтернативный сценарий — а я это сделала,

чтобы понять противоречия той ситуации, — то вышло бы, что она рано рассталась с друзьями, пошла в бар и встретила кого-то, кто в итоге ударил ее, либо в баре, либо на улице, либо у нее в квартире.

— Где была кровь? — спросил он.

Я сказала, что на полу, между изножьем ее кровати и ванной.

— То есть не у входа в квартиру, — сказал он.

Я понимала, к чему он клонит.

Затем я сказала, что один из моментов, который тревожит и тебя, и меня в связи с АА[5] — не с АА как идеей, но с АА в его наиболее жестком варианте, — это то, что подобного рода драматический провал как бы встроен в систему. Все или ничего. Тебе хочется выпить, ты сдаешься, и последствиями будет не просто похмелье и вина за то и за се, как в реальной жизни, — нет, ты очнешься в канаве или снимешь в баре незнакомца, который тебя изобьет.

— То есть вы считаете, что дело в выпивке, — сказал он.

Нет, сказала я. Я не считаю, что дело в выпивке. О том и речь.

---

[5] Примечания: 5
Анонимные алкоголики.

Я сказала, что ты и я обсудили это и хотели поговорить об этом с Кинтаной. Но возник ряд препятствий. Она занята или не хочет проводить вне дома два вечера подряд, так что мы не сумеем повидаться до выходных, да и тогда я не удивилась бы, если бы появились новые препятствия. По телефону тем временем она казалась в полном порядке, была исполнена энтузиазма. Я даже получила сегодня готовый бланк на возмещение медицинских расходов, все нужные документы подготовлены, осталось только отправить. Так что я не знаю, будет ли продуктивно или контрпродуктивно поднимать этот вопрос столько дней спустя.

— Вам, очевидно, придется действовать наощупь. Вопрос в том, чего она ожидает от вас. Некоторые взрослые дети — полагаю, у нас один из таких случаев — обладают способностью ставить родителей в почти невыносимые положения. Если заговорить об этом прямо, подсознание сообщит такому ребенку, что вы ему никогда не доверяли, так чего и стараться, проще поступать так, как хочется, и врать. Если же не заговорить, то же самое подсознание заявит, что это доказывает: вы не любите своего ребенка и не заботитесь о нем. Так ведут себя маленькие дети.

Ты видишь, как я играю на улице, и тебе все равно, что меня может переехать машина, заявляет ребенок, но стоит выбежать за ним на улицу, и он скажет, что вы мешаете ему взрослеть. Я бы хотел понять, какая версия у нее сложилась о том, как вы и ее отец выражаете свою любовь к ней, — нуждается ли она в вашей гиперопеке? Нуждается ли в том, чтобы вы ее обвиняли, ругали? Таково ли ее единственное представление о том, что значит быть любимой? Дети часто думают именно так, но в нормальном развитии наступает момент, когда они это преодолевают.

— Я знаю, это одна из задач, которые доктор Касс ставит для Кинтаны, и одна из причин, по которым он отправил вас ко мне — сломать паттерн, в котором она провоцирует вас на определенную реакцию, и вы так и поступаете. Поэтому, думаю, вам стоит поговорить с ней не напрямую. Вы могли бы сказать, что хотите знать, как, по ее мнению, выражается ваша любовь к ней. Потому что, если она считает, что вы выражаете свою любовь замечаниями, обвинениями или излишней опекой, вам нужно поговорить с ней, а ей нужно поговорить об этом с доктором Кассом. Мы подозреваем тут наличие паттерна, и этот паттерн мы хотим переломить.

Как же это делает большинство детей? — спросила я.

— Они вырастают.

И тогда я спросила: как?

— Доверие. Они научаются верить, что родители им доверяют.

12 января 2000 года

Я сказала, что в конце сессии на прошлой неделе он говорил что-то насчет доверия или недостатка доверия между матерями и детьми — чувство, что тебе доверяют, служит ключом к сепарации, к взрослению, — и я отмахнулась от этого как от нерелевантного, незначимого для меня.

Я сказала, что это все же застряло у меня в мозгу, и позднее в тот же вечер или на следующий день я припомнила запись, которую сделала, когда писала заметки для своего последнего романа. По-видимому, я сделала эту запись вскоре после смерти отца — смерть отца стала одним из импульсов для написания этого романа, — но запись была не об отце, а о матери. Я нашла ее, и она оказалась интересной, поскольку указывала на некоторое недоверие или непонимание между матерью и мной.

Я протянула ему эту запись. Ну да, сказал он. Вот оно. Замечательный инсайт.

Замечательный или нет, сказала я, он не очень-то помогает попросту продолжать жить. Он даже

контрпродуктивен, учитывая, что матери уже 89 лет. Едва ли мы решим какие-то проблемы, разбираясь с этим.

— Это ведь касается не столько вашей матери — как вы думаете? Разве речь не о том, чтобы исправить ваш способ общения с дочерью? Поскольку мы все носим в себе небольшие осколки наших отцов и матерей, нет ли вероятности, что вы воспроизводите что-то из этого паттерна в свою очередь уже с дочерью?

Я сказала, что накануне за ужином заговорила с ней об этом. Она вроде бы заинтересовалась, но беседа сместилась с личного к обсуждению политических настроений 1950-х.

— И все же это хорошее начало, — сказал он. — Вы сможете вернуться к этому в другой раз. Чем больше вы будете говорить друг с другом, тем ближе к этому подберетесь.

Я сказала, в настоящий момент мы совершенно не понимаем, что у нас с ней происходит. Некоторое время — когда она перестала пить — Кинтана казалась очень открытой, а сейчас кажется вновь закрытой, сопротивляющейся. Например, однажды она попросила меня сходить с ней на собрание АА, и я пошла. Сначала мы отправились в церковь, потом на собрание, потом встретились

с тобой за ланчем, и это был хороший, открытый день. Потом мы ушли в подготовку к праздникам, а она была очень занята, и когда я недавно ее спросила, стоит ли мне снова пойти с ней на собрание, она воспротивилась. Сказала, что приводить людей со стороны не очень правильно. Честно говоря, я не знаю, собирается ли она сама пойти.

— Вы хотите знать, как побудить ее пойти на собрание? — спросил он. — Сходите сами на собрание Ал-Анон[6]. Сходите несколько раз. Вам придется найти группу людей, соответствующих вашему интеллектуальному и социоэкономическому уровню, но на Манхэттене это не проблема. Если она будет знать, что вы это делаете, вероятность того, что она будет ходить сама, повысится до 90 процентов. И я думаю, что ей нужна программа. Одного только психиатра в ее случае недостаточно.

Я сказала, у меня проблемы с Ал-Анон.

— Конечно, а у нее проблемы с АА, — сказал он. — И вы собираетесь сказать, что она-то алкоголичка, а вы нет. А я отвечу, что вы — мать алкоголички, и она не удержится в программе,

---

[6] Примечания: 6

Связанные с АА группы для людей, чьи близкие страдают алкоголизмом. — *Прим. перев.*

если решит, что вы этой программе не доверяете. Я бы даже сказал, что у вас, конечно же, есть проблема с Ал-Анон, у вас проблема с группами, вы не доверяете им — вы не знаете, какая у них повестка. Вам это ничуть не напоминает о вашей матери?

Я сказала, это кажется натяжкой, но я об этом подумаю.

— Я дам вам домашнее задание, — сказал он. — Я начинал с традиционного анализа по Фрейду, но был неудовлетворен результатами и потому включил кое-какие техники бихевиористов. Бихевиористы используют домашние задания для ускорения процесса. И вот ваше домашнее задание. Покажите дочери ту запись, которую вы показали мне. Не рассказывайте о записи, а покажите ей, потому что это настоящий документ. Скажите, что показывали ее мне. И если она спросит, что я сказал, скажите, что я спросил, не отражается ли в вашем недоверии к Ал-Анон присущее вашей матери недоверие к другим людям. Послушайте, что она ответит. Думаю, вас может удивить, что при этом откроется.

Я сказала, посмотрим.

— Думаю, то, что я слышу сейчас в вашем голосе, в точности совпадает с тем, что вы слышите

в голосе вашей дочери, когда спрашиваете ее про АА.

Тогда я сказала, что также хотела показать ему стихотворение, которое Кинтана написала в шесть лет, на пляже. Я показала ему. На него произвело сильное впечатление, как она выражает свои чувства, словно “прирожденный писатель”. Я сказала, что меня в этом стихотворении поразило одиночество, потому что в прямом общении с ней этого никогда не проступало. Она уже тогда скрывала свои чувства.

— Значит, у нее имелась чрезвычайная причина так поступать.

Я сказала: вы имеете в виду удочерение, но случились и другие события, которые могли ее травмировать, в особенности смерть Хуана Карлоса, о которой она никогда не говорила, но ей снилась смерть, фигура, приходившая забрать ее — “но я повисну на заборе”. Я рассказала ему, как приехала в Нью-Йорк с Кинтаной и Рози осенью после смерти Хуана Карлоса. И Рози отправилась домой, а к Кинтане приходили сменные няни из агентства. Позднее она упомянула, что миссис такая-то была злая, и я спросила, почему ты мне тогда же не сказала. И она ответила: “Я думала, твоя обязанность работать на мистера Премин-

гера[7], а моя обязанность — сидеть с миссис такой-то”.

— То есть в некоторых отношениях она не думала о себе как о ребенке, — сказал он. — Она смотрела на себя как на человека с настоящими взрослыми обязанностями.

Я сказала, что мне тоже так кажется, а также, что я считала это естественным или настолько естественным, насколько это возможно в относительно необычной ситуации: мы оба работали дома, она была единственным ребенком, так что не возникало ситуации “взрослые отдельно, дети отдельно”, мы все были заодно.

Я рассказала о том, как она впервые сходила в агентство Уильяма Морриса в три года, рассказала и развязку[8].

— Она беспокоилась о деньгах, — сказал он. — Она беспокоилась о чем-то, на что не могла повлиять, о том, что относится к взрослым делам.

---

[7] Примечания: 7

Отто Людвиг Премингер (1905–1986) — австрийский и американский режиссер. — *Прим. перев.*

[8] Примечания: 8

В “Синих ночах” ДД рассказывает, как предупредила дочь, что надо сидеть очень тихо, поскольку от этого разговора зависит, получит ли она работу. Кинтана честно выдержала долгий взрослый разговор, но под конец спросила: “А когда вы маме денежки заплатите?” — *Прим. перев.*

Я спросила, имеет ли он в виду, что мы недостаточно ограждали ее от проблем нашей повседневной жизни. Я сказала, что как раз это нам нравилось в нашей семейной жизни: что мы все трое вместе.

— Учитывая ситуацию, — сказал он, — я бы предположил, что на нее обрушивалось больше, чем ей было по силам. Она была ребенком, а вы взрослыми, но какая-то часть ее разума явно начала чувствовать ответственность за вас.

19 января 2000 года

Я сказала, что выполнила домашнее задание. Вечером в понедельник, когда Кинтана пришла к нам на ужин, “после тяжелых выходных, о которых я расскажу потом”, в кухне я сказала ей, что показала доктору Маккиннону записи о моей матери, и он задал мне вопрос, который я хотела бы обсудить с ней. Затем я показала ей записи и сказала, доктор Маккиннон спросил, не думаю ли я, что недоверие моей матери к группам, к возможным “повесткам” других людей, как-то влияет на мое нежелание присоединиться к Ал-Анон, которое мы обсуждали ранее. Я сказала, что в этот момент ты (Джон) вошел в кухню и разговор ушел в сторону, но затем Кинтана сказала: “Погоди, я хочу вернуться к тому, что говорила мама”. К моему удивлению, она перефразировала мой вопрос и передала его в такой форме: “Ты имеешь в виду, связано ли твое сопротивление Ал-Анон и мое сопротивление АА?”

— Замечательно, — сказал доктор Маккиннон. — Всем пятерка. Что вы ответили?

Я сказала, что да, наверное, я это и имела в виду.

Она ответила: да, возможно. Она сказала, что в последнее время пропускала собрания АА — по-видимому, она разочарована из-за Молли, своего спонсора, но поняла, что ей их недостает, и планирует пойти на собрание в ближайший вечер.

— Так найдите другого спонсора, — сказал доктор Маккиннон.

Я ответила, что то же самое сказал и ты и что мы пару минут обсуждали "спонсоров" с Кинтаной, а затем она вновь вернула разговор к моему первоначальному вопросу. Она хотела знать, о чем я спрашиваю на самом деле.

Я сказала, я предполагаю, что спрашиваю, считает ли она, что ей будет на пользу, если я пойду к Ал-Анон.

Да, сказала она, думаю, это может помочь. Я сказала, в таком случае я пойду, мы с тобой уже планировали пойти на собрание после выходных.

— Это очень позитивно, — сказал доктор Маккиннон. — Очень хорошо.

— Давайте продолжим с этого места. Вы упомянули, что ваш муж участвовал в разговоре. Это подводит нас к тому, что обсуждал со мной доктор Касс.

По мнению доктора Касса — "И помните, я пе-

редаю то, что, по мнению доктора Касса, говорит ему Кинтана, так что здесь есть несколько уровней неточности или возможной ошибки", — у Кинтаны сложилось убеждение, что, общаясь с вами и вашим мужем, она общается с одним человеком, что никто из вас, в особенности вы, никогда не займет независимую позицию, что вы защищаете друг друга против нее.

Я сказала, по-моему, именно так родители и должны представляться детям. Я также сказала, что, наоборот, как я уже говорила доктору мимоходом в каком-то другом контексте, за эти годы я много раз чувствовала, что каким-то образом оказываюсь между вами двумя, обоих вас умиротворяя и удерживая от конфронтации.

Он сказал, что помнит, как я это говорила, и передал это доктору Кассу, и тот был удивлен.

Я сказала, вот что по крайней мере правда: лишь однажды, насколько я помню, я рассердилась на тебя в присутствии Кинтаны, и она отреагировала с такой тревогой, что я больше никогда так не поступала. То был знаменитый эпизод с яичницей, после которого, когда я была с ней в душе, пытаясь вымыть ее волосы и остановить ее вопли "Я его ненавижу", я сказала, мы больше не будем жить с ним, мы уедем в Сакра-

менто этим же утром, а дальше я подумаю, как нам быть. И тогда она расплакалась: “Не надо, не надо, что скажет папа, что папа будет делать, я не поеду с тобой, пожалуйста, не уезжай” и т. д.

— Вы неправильно поняли, — сказал доктор Маккиннон. — Она не хотела его терять, она лишь хотела безопасно выразить свой гнев.

Вопрос: А я ей помешала? Я перенесла гнев в опасную зону? Этот паттерн — одна из причин, почему ей трудно выражать гнев?

Он сказал, Кинтана, по-видимому, чувствует, что не может провести отдельный разговор с кем-то из нас, поскольку другой всегда тоже присутствует. Я сказала, это наш образ жизни, мы с тобой всегда вместе.

— Думаю, вам нужно выделить время побыть с ней наедине, — сказал он. — Отправьтесь в небольшое путешествие.

Я сказала, ты ездил с ней вдвоем несколько лет назад в Долину монументов, и поездка оказалась настолько удачной, что с тех пор ты уговаривал меня тоже съездить с ней, но из-за ее расписания и из-за моего это так и не осуществилось.

— Вы должны планировать в соответствии с ее расписанием, — сказал он. — Просто сделайте это.

Я сказала, наверное, будет хорошо, если мы с ней поедем вдвоем на свадьбу Лори[9]; мы собирались поехать все трое, но это будет ближайшая вполне естественная возможность нам с ней поехать вдвоем.

— Отлично, возьмите несколько дополнительных дней, пусть она отвезет вас в Биг-Сур, куда угодно, куда вам обеим захочется, погуляйте по пляжу, вы сами не заметите, как разговоритесь, и для нее это не будет чем-то навязанным. Думаю, вы убедитесь, что эта небольшая поездка, от которой вы уклонялись, принесет большую пользу вам обеим.

Я сказала, что ты будешь беспокоиться о том, как моя семья воспримет твое отсутствие.

— У вас, вашего мужа и Кинтаны сейчас есть проблемы посерьезнее, чем что ваши родственники подумают или не подумают и, скорее всего, не подумают.

Я сказала, у нас были тяжелые выходные — у тебя, у меня, у нее. Я передала рассказ Ника по имейлу, звонок в четверг, звонок в субботу и затем более-менее разрешение проблем за ужином

---

[9] Примечания: 9
Лори — племянница Дидион.

вечером понедельника[10].

— Труднее всего было вашему мужу, — сказал он. — Он убедил себя, что может доверять брату, а потом увидел, что был неправ, допустил ошибку и из-за этого чувствовал себя ужасно виноватым.

А еще он сердился, сказала я.

— Он сердился, потому что чувствовал себя виноватым. Об этом стоит помнить. Родители детей, переживающих эмоциональные неурядицы, обычно отчаиваются, чувствуют себя виноватыми — что они сделали неправильно, что можно было сделать по-другому, в какой момент все начало рушиться, — и порой это проявляется в форме гнева. Когда человек сердится, слетает с катушек, обычно он чувствует себя виноватым, злится на самого себя, мол, ему бы следовало знать, подумать получше и т. д.

Разумеется, сказала я. В любом случае к тому времени, как мы в понедельник поужинали, все более-менее разрешилось. Каждый сказал то, что ему или ей требовалось высказать, что у нас троих не всегда получается.

— Вы становитесь намного более открытой. Я думаю, по мере того как вы открываетесь, вы об-

---

[10] Примечания: 10

Доминик (Ник) Данн — старший брат Джона. У братьев много лет были напряженные, даже враждебные отношения.

наруживаете, как и люди вокруг тоже становятся более открытыми. Мы с вами разговариваем, вы с мужем разговариваете, вы с дочерью разговариваете — в подобных ситуациях очень часто бывает так, что опосредованно получает лечение вся семья.

Я сказала, весь этот опыт — с июля — многому научил нас обоих.

— Конечно, вы многому учитесь, — сказал он, — а учиться тяжело, порой это причиняет сильную боль, вы вынуждены открывать то, что предпочли бы забыть. Если для вашего мужа это станет слишком болезненным, доктор Касс или я можем порекомендовать специалиста, с которым он мог бы разговаривать так, как разговариваем вы и я.

Я сказала, что подруга затронула этот вопрос за ужином в воскресенье, а ты ответил так, как ты всегда говоришь: “Я католик, у нас есть исповедь”, и она спросила: “А когда ты в последний раз был на исповеди?”

Кажется, это сильно позабавило доктора Маккиннона. Он рассмеялся и сказал, что может посоветовать католического священника-психиатра, иезуита, он сам его обучал, и тот теперь имеет приход на Манхэттене и кабинет на Пятой авеню, а в этом году вдобавок станет президен-

том клуба “Лотос”[11], так что он играет на всех площадках (это все еще смеясь). Все, что требуется от вашего мужа, — сказать “да”.

— Однажды во время практики он проводил контрольную беседу с пациенткой, страдавшей депрессией, и управился за пять минут. Он провел беседу так, словно принимал исповедь, и это сработало. Представьте, как ему завидовали остальные практиканты, он словно владел магией, которая была им недоступна.

Я сказала, порой мне кажется, все, что нам обоим требуется для прекрасного самочувствия, — разговор или ужин с Кинтаной, когда она в хорошем настроении.

— Это доктор Касс тоже упоминал, — сказал он. — Он сказал, что Кинтана, по-видимому, ощущает, что вы оба действуете заодно и давите на нее, ждете, что она будет навещать вас, ужинать вместе, находиться рядом.

Я сказала, доктор Касс говорил с нами об этом, и с тех пор мы старались не уговаривать Кинтану приходить к нам на ужин. До такой степени, что даже в субботу вечером, когда у нас ужинали четыре ее кузины, мне было несколько неловко

---

[11] Примечания: 11

Один из самых старых литературных клубов Нью-Йорка. — *Прим. перев.*

звать ее. И на самом деле мы ее не позвали. Это сделала ее кузина.

— Она все еще чувствует давление, — сказал он.

Но как же мы можем не хотеть видеть ее, сказала я. Мы беспокоимся о ней. Только поддерживая контакт с ней, мы можем убедиться, что она в порядке.

— Вам придется отключиться, — сказал он. — Не беспокойтесь. Мы продвигаемся к этому.

2 февраля 2000 года

Мы начали с преимуществ Канил-Бэй/Сен-Барт[12]. Затем я сказала, что мы побывали на собрании Ал-Анон, в группе для родителей, и это оказалось нелегко. Я объяснила почему: сосредоточенность на себе, истории “успеха”. Единственное, что было нам созвучно, сказала я, и то мы услышали случайно, уже на выходе — женщина сказала: “Я не могу работать, я не могу думать, я понятия не имею, употребляет он или нет”.

— Я как раз надеялся, что вы услышите нечто в этом роде, — сказал доктор Маккиннон. — Именно это вам требовалось получить на собрании. Вам нужно очень конкретно определить, о чем вы хотите говорить, что вам нужно от группы.

Я сказала, формат группы, как мне кажется, исключает реальный разговор.

— Так найдите другую группу, — сказал он.

Я сказала, что более ценной во всех отношениях оказалась случайная встреча с Джулией. Я рас-

---

[12] Примечания: 12

Два любимых Дидион и Данном курорта. В этот период они вновь собирались отдохнуть на Сен-Бартелеми. — *Прим. перев.*

сказала о ее проблеме и о том, как она приняла решение, которое вынесло ее на другой берег — решение, к которому она не пришла в Хазелдене или в других рехабах, не пришла и с помощью АА. По-видимому, это решение она приняла самостоятельно — пришла к осознанию, что соскальзывает в никуда, и если хочет жить своей жизнью, надо за эту жизнь ухватиться. Я сказала, по-моему, к такому решению должна прийти и Кинтана, чтобы выжить, но я не знаю, как именно человек к такому решению приходит.

— Требуется внутренняя сила, — сказал он. — Некоторые люди находят в себе ресурсы и могут сами себя вытащить.

Я спросила, видел ли он статью в *Times* об исследовании депрессии как дарвинистской адаптации, механизма выживания: если ее не лечить, депрессия в какой-то момент подскажет, что пора менять свою жизнь. Он видел статью и знаком с этой теорией.

— Проблема в том, — сказал он, — что почти все проведенные исследования сосредотачиваются на провалах. Слишком мало исследуются успешные случаи.

Я сказала, что обсуждала статью со знакомой [Кэти Рейлли], социальным работником. Она ска-

зала, что полностью согласна: депрессия может послужить мотивационным стимулом для таких людей, как она и я. “Но если речь идет о человеке с зависимостью, живущем в Ред-Хук, у которого нет ресурсов изменить свою жизнь, лучше дать ему таблетки”.

— Надо смотреть по ситуации, — сказал он.

Он сказал, что восемнадцать лет руководил психиатрической клиникой в Калифорнийском Тихоокеанском медицинском центре — “вы знаете, что это за район”. Он знал всех пациентов, которых вели практиканты, и таким образом “видел больше пациентов, чем мог бы увидеть за целую жизнь, работая как частный врач”.

— Все это были трудные случаи, и все же я был поражен тем, как часто мы видели: человек как будто просто собирался, принимал решение быть здоровым. Как только пациенты не называли такое решение. И “родиться заново”, и “обрести Христа”, и так далее. Но все сводится к этому решению — один Бог знает, откуда оно берется, мы уж точно не знаем, — к решению ухватиться за жизнь.

Я сказала, что последние несколько лет я неоднократно, когда Кинтана впадала в отчаяние по поводу своей ситуации, пыталась объяснить, что

ей надо принять решение быть счастливой. Что “сделать счастливое лицо” уже явно помогает. Я сказала, я была рада слышать, что кое-что из говорившегося в Хазелдене было этому созвучно — теория “хорошо выглядеть, чтобы хорошо себя чувствовать”, вести себя “так, словно”. Суть в том, чтобы поступать “так, словно” веришь в их лозунги, и внезапно обнаружишь, что действительно веришь. Я сказала, что рассказывала ей в качестве примера, как в двадцать с чем-то лет решила, будто оказалась в тупиковой ситуации, и в конце концов пришла к сознательному решению изменить ее — в данном случае, порвать отношения с деструктивным человеком и жить дальше своей жизнью.

Доктор Маккиннон захотел узнать, в чем заключалась деструктивность этих отношений. Я объяснила, что этот человек был очень умен и меня тоже считал очень умной, что было ценно в тот период моей жизни, когда я была не уверена в себе, но этот человек был очень деструктивен по отношению к самому себе, слишком много пил и пребывал в такой депрессии, что не мог работать и даже заботиться о самом себе и т. д. Доктор Маккиннон спросил, был ли этот человек намного старше меня. Я ответила, что он был старше,

но не так уж намного — лет на восемь-девять. Доктор Маккиннон спросил, был ли он алкоголиком. Я сказала, в то время я не использовала бы такое слово, но, вероятно, так определял себя он сам, поскольку впоследствии он отправился в рехаб и, насколько я понимаю, с тех пор не пил. Я сказала, что достоверно не знаю, поскольку мы давно не общаемся — мы оставались друзьями и после того, как я вышла за тебя замуж, но потом он пытался подать на меня в суд из-за персонажа в моем романе.

— Он послужил прототипом для этого персонажа? — спросил доктор Маккиннон.

Я ответила, более-менее да, однако проблема заключалась не в сходстве персонажа с ним, а в том, что персонаж в романе сделал нечто, что этот человек сделал в реальной жизни и не хотел, чтобы об этом узнали. Доктор Маккиннон спросил, что именно. Я сказала, мой персонаж избил женщину примерно в таких же обстоятельствах, в каких этот человек избил знакомую мне женщину.

— Он когда-нибудь бил вас? — спросил доктор Маккиннон.

Я сказала, да.

— А родители вас били?

Я сказала, они меня даже никогда не шлепали. Однажды мама дала мне пощечину, но это было вполне оправдано.

— Так не было ли для вас сотрясением всех основ, когда этот человек вас ударил?

Я сказала, что так и было, но в тот момент я ухитрялась извинять это или дистанцироваться, считать это “реальной жизнью”, примером романтической деградации.

— Вы винили себя?

Определенно нет, сказала я. Я винила его. Я винила его, или алкоголь, или что-то еще, но не себя. Я, естественно, задавала себе этот вопрос, потому что все, что доводилось читать о домашнем насилии, опирается на концепцию, будто жертва всегда винит себя. Я себя не винила.

— И все же вы оставались друзьями после того, как вы вступили в брак?

Я пояснила, что мы все дружили и мы с тобой даже познакомились через посредство этого человека.

— Ваш муж не возражал против этой дружбы?

С какой бы стати, сказала я.

— Большинство людей испытывают собственнические чувства к тем, с кем вступили в брак. Вы бы не были против, если б с ним продолжала

общаться бывшая возлюбленная?

Не была бы, сказала я. На самом деле твоя бывшая возлюбленная на протяжении многих лет оставалась — хотя мы редко виделись, поскольку она живет в Англии — одной из наших лучших подруг. Я даже однажды звонила ей с просьбой (она работала на “Бритиш эруэйз”) достать Кинтане билет на рейс из Ниццы в Хитроу.

— Вы, кажется, и правда не понимаете, о чем я говорю, так?

Нет, сказала я. О чем вы говорите?

— Вы как будто существуете в ином измерении. Может быть, потому что вы из индустрии развлечений.

— Если вы подразумеваете, что я знаю многих людей, которые вступали в брак многократно и оставались в хороших отношениях с бывшими женами и мужьями, то вы правы.

— Так поступает лишь очень небольшой процент людей. Во всем остальном мире люди относятся к своим женам и мужьям собственнически.

— Мне это кажется нездоровым.

В качестве компромисса я признала, что у твоих родителей был единственный брак, у моих родителей был единственный брак, мой брат был

женат сорок лет, и мы с тобой женаты 36 лет.

— Так что мы не вполне подчиняемся правилам индустрии развлечений.

— Несколько недель назад вы упоминали, что у вашего отца была депрессия.

Я сказала, так и есть. Несколько недель назад я просматривала письма, которые он оставил в сейфе для меня и моей матери. Мать передала мне их сразу после его смерти, сказав, что не в силах читать свое, “так что забирай все”. Было также письмо для моего брата, но его я никогда не видела. Когда я получила письма, сразу после его смерти, я один раз прочла их и убрала в коробку — я не хотела сосредотачиваться на них. А несколько недель назад я достала их из коробки и перечитала, и заметила кое-что — раньше я этого не замечала, — что меня шокировало. Письмо матери было датировано 1953 годом, а мое 1955-м. Письмо ко мне начиналось с того, что происходят разные вещи, из-за которых есть основания полагать, что он недолго еще протянет, а письмо матери хотя и не говорило об этом прямо, но подразумевало то же самое.

— Вы думаете, он тогда только что узнал что-то плохое о своем здоровье?

Я сказала, если он получил какие-то тревожные

сведения о своем здоровье, то врач сильно ошибся: отец прожил еще сорок лет.

— Тогда что вас шокировало?

Я сказала, эти письма были похожи на записки самоубийцы.

— Прощальные записки. Да. Несомненно, именно на это они и были похожи. Очевидно, у вас имелось некоторое представление о его душевном состоянии на тот момент.

Я сказала, разумеется, знала, что у него была депрессия. Он часто ложился в Леттерман[13]. Он питался исключительно сырыми устрицами. Мама приезжала по воскресеньям из Сакраменто, подхватывала меня в Беркли, и мы вместе ехали в Сан-Франциско повидаться с ним. Мы забирали его в больнице, ехали куда-нибудь — куда угодно, — затем шли есть устрицы. Потом он просил, чтобы мы высадили его подальше от больницы. Больница находилась в Пресидио. Вы знаете Сан-Франциско? — уточнила я.

— Я работал в Морском госпитале Окленда в те же годы, о которых вы рассказываете, — сказал он. — Так что да, я знаю эту больницу.

Хорошо, сказала я. Он всегда хотел, чтобы мы

---

[13] Примечания: 13

Военный госпиталь (с 1967 г. Армейский медицинский центр) Леттермана в Сан-Франциско. — *Прим. перев.*

высадили его на берегу поблизости от парка Золотых ворот.

— Люди там погибают, — сказал доктор Маккиннон. — Сильный прибой, опасное отбойное течение. Наверное, это приходило вам на ум, когда вы его там оставляли, зная, насколько глубока его депрессия.

Я сказала, что не припоминаю таких мыслей. Я просто думала о том, каким печальным он выглядел, когда махал нам на прощание.

— Люди в глубокой депрессии, на грани самоубийства, говорят своим близким как бы пустяки — маленькие незначительные пустяки, — сознание их не регистрирует, но где-то они все же регистрируются. Например, заканчивают разговор словами: “Конечно, для меня это не будет иметь значения” и тому подобное.

— Вы утверждаете, что на каком-то уровне я знала, что он склонен к самоубийству?

— Не знаю, как вы могли этого избежать. И не думаю, чтобы то старое непроговоренное знание могло не вернуться вновь в игру сейчас, когда вы чувствуете такой же страх за дочь.

9 февраля 2000 года

Доктор Маккиннон спросил, как я себя чувствовала на этой неделе. Я сказала, что, как он сам знает, в прошлый раз мы заговорили о суициде и это меня обеспокоило, но в целом я думаю, что в текущей ситуации мне полезно присмотреться к некоторым вещам, которые прежде мне удавалось более-менее успешно оставлять без исследования.

— В том-то и состоит наша цель, — сказал он.

Я сказала, в начале семидесятых я предприняла несколько попыток написать книгу под названием “Волшебные сказки” и рассмотреть некоторые калифорнийские мифы применительно к своей семье. Но при каждой попытке не продвигалась дальше тридцатой страницы. Проблема, как я думала тогда и до сих пор так думаю, заключалась в том, что я неспособна исследовать свою семью — о Калифорнии я могла писать довольно легко, но ставила себе задачу рассмотреть калифорнийскую мифологию в пересечении с мифологией моей семьи, и на это я оказалась совершенно неспособна.

— Вы имеете в виду, что вам пришлось бы присмотреться к некоторым приемам, к которым вы, вероятно, прибегали, корректируя свою личную историю, — сказал он. — Это было бы слишком больно?

Я сказала, что дело никогда не доходило до того, чтобы над этим задуматься. Я просто двигалась дальше, двигалась прочь, двигалась мимо. Я сказала, на самом деле я позаимствовала такую стратегию у этих самых калифорнийских историй о пионерах. Историй о том, как пересекали равнину, как хоронили детей в пути.

— Для пионеров это был вопрос выживания, — сказал он.

Я сказала, вероятно, для меня тоже.

— Ну да, — сказал он. — Другой вид выживания.

— А теперь, — предположил он, — вы находитесь в ситуации, когда ваша стратегия выживания работает не столь успешно.

Я сказала, что со всей очевидностью не могу двигаться дальше мимо Кинтаны, так что да, эта стратегия не работает. Я сказала, что обратила внимание на его слова, дескать, доктор Касс видит у Кинтаны существенный прогресс. Я сказала, что мы тоже вроде бы наблюдаем у Кинтаны

некоторый прогресс. Я рассказала ему про ужин в пятницу вечером в “Четырех сезонах”, когда она показалась нам обоим — и тебе, и мне — немного отстраненной, отдаленной или настороже. Ты заговорил об этом после ужина и сказал, что, хотя для нас это болезненно, такое отстранение как раз то, к чему ей следует стремиться.

— Так и есть, — сказал он. — Совершенно верно. Но вы ощущаете это иначе?

Я сказала, что отнеслась к этому так же, как ты, но наши позитивные выводы из этого были практически полностью уничтожены ее телефонным звонком поздно вечером в субботу. Поводом для звонка было письмо от девушки, с которой она дружила с детства, старшей сестры подруги, умершей от героина, — с сообщением, что она сама, эта старшая сестра, пыталась покончить с собой. Я сказала, мне показалось, что Кинтана выпила. Она повторялась, речь была смазанной. Мы пытались удержать ее у телефона, расспрашивая, как прошел день, а затем угодили в повторяющуюся диатрибу насчет плохой технической поддержки, насчет интернета и ее мобильного телефона, а также современной жизни в целом, в ходе которой она попросила у меня на время мой мобильный телефон. Я, разумеется, согласилась.

Она сказала, что в понедельник пришлет за ним человека. Я сказала, было бы хорошо за выходные разобраться с проблемами с интернетом, а телефон мы можем оставить у ее консьержа по пути в центр.

— Оставить у консьержа? Вы не собирались зайти к ней?

Я сказала, в тот момент интуиция говорила мне, что она не будет рада визиту. Я не хотела давать ей повод считать, что вообще-то мой мобильный не так уж ей нужен.

— Вы предполагали, что она не захочет, чтобы вы ее увидели?

Я сказала, думаю, да.

— Вероятно, у вас сложилась какая-то идея, что именно она не хотела вам показать? Что вы могли бы увидеть, если бы поднялись к ней в квартиру?

Я сказала, по моему предположению, мы бы увидели нечто в том же роде, как прошлым летом.

— Квартиру в полном беспорядке? Бутылки повсюду?

Я сказала, я совершенно уверена, что она убрала бы все бутылки, если бы знала, что мы собираемся к ней. А что касается беспорядка, то даже в

самые яркий период *этого* квартира оставалась в безупречном состоянии. В этом смысле она почти компульсивна.

— Интересно, знает ли доктор Касс, что она пьет, — сказал он.

Я сказала, не знаю. Учитывая ее историю, он, конечно, следит за любыми признаками. Если мы их заметили, безусловно, их заметит и он. Но когда она собранна, она очень собранна. Отчасти и поэтому мы гадаем, что именно он имел в виду, хваля ее прогресс.

— Иногда это очень трудно определить. Я не веду пациентов с зависимостями именно по этой причине. Врач вкладывается, у него возникает заинтересованность, чтобы у пациента наступило улучшение. Когда имеешь дело с пациентом с зависимостью, эта личная заинтересованность может помешать увидеть то, что очевидно для кого-то со стороны. Задавать прямые вопросы такому пациенту нельзя, он включает защитный механизм. Почти любой вопрос истолковывается как обвинение. Такие люди не доверяют другим. Они доверяют только той субстанции, которую они могут контролировать. Поскольку они не доверяют другим людям, они крайне склонны к обману. Им кажется, что это необходимо.

Я сказала, что, пожалуй, больше всего меня огорчает именно этот момент, утаивание. Я часто ловлю себя на желании вернуться в пору до Хазелдена, до того, как вся эта проблема получила имя и началось лечение, и она решила, что должна это скрывать.

— Она и до того неплохо справлялась с утаиванием, правда?

Я сказала, по-видимому, это правда. Конечно, так. Я просто иногда мечтала.

— Наверное, пошло бы на пользу, если бы я сказал об этом доктору Кассу, — сказал он. — Не думаю, что вам следует говорить с ним, но всегда находятся способы что-то упомянуть, поделиться информацией, которая пригодится в процессе лечения.

Я сказала, на мой взгляд, это может оказаться плохой идеей. Это может вернуться бумерангом. Меня это пугало.

— Потому что она так уязвима, — сказал он.

Вот именно, сказала я. А доктор Касс сейчас, как мне кажется, одна из немногих ее опор в жизни. Если она решит, что он в чем-то противостоит ей и обличает, она может уйти, прекратить встречи с ним.

— Он не станет ее обличать.

Или, сказала я, он сам может отказаться от нее, решить, что она неизлечима.

— Не думаю, — сказал он.

Я не могу так рисковать, сказала я.

— Я ничего не стану говорить, — сказал он. — Но подумайте об этом. Если вы сочтете это хорошей идеей — я так считаю, но, разумеется, решать вам, — просто дайте мне знать.

Я сказала, я дам знать, если мое мнение изменится.

— Значит, выходные выдались нелегкие, — сказал он.

Я сказала, да. Рассказала, что не могла прозвониться, и про облегчение, когда в воскресенье звонок прошел. А потом мы оставили сообщение, и никто не перезвонил до утра понедельника. К тому времени ты признался, что уж думал, возможно, тот, кто ее убил, положил трубку обратно на телефон.

— Но сами вы не думали, что кто-то ее убил, — сказал он.

Нет, сказала я, я думала, она сама убила себя. Тем более что основной темой субботнего разговора была попытка самоубийства другого человека.

— Ваш муж и вы, вы оба живете в аду, — ска-

зал он. — Как бы вы ни поступили, это не будет правильно в ваших собственных глазах. Если вы зайдете к ней в квартиру, чтобы отдать мобильный телефон, вы вторгнетесь в ее пространство. Если не зайдете, вы бросите ее на произвол судьбы. Вы даже не знаете, как она к этому относится. Вы можете только любить ее. Вы не можете ее спасти. Вы получили ее вместе с ее генетическими предрасположенностями, возможно, негативными. И вы не можете их контролировать. Зависимость часто идет рука об руку с депрессией, а в депрессии есть генетическая составляющая. Среда многое определяет, но далеко не все.

Я сказала, что не могу в это поверить. Я сама вошла в жизнь с целым набором того, что он назвал бы негативными генетическими предрасположенностями — см. наш разговор на прошлой неделе, — и я смогла от них уйти.

— Вам потребовалось много усилий, чтобы преодолеть эти предрасположенности, стать тем, кто вы есть. Ничто из того, что вы рассказывали мне о своей жизни, не выглядит давшимся легко, даже когда вы утверждаете обратное. Подозреваю, что и вашей дочери придется проделать такую же работу.

Я сказала, именно это и разбивает нам сердце, когда мы видим, как она старается изо всех сил. Мы пытались облегчить ей жизнь, и нам не удалось. Я не имею в виду “облегчить жизнь” в общепринятом смысле, дать ей хорошее жилье, хорошие школы и т. д. Я имею в виду облегчить в том смысле, чтобы освободить ее и от нашей истории, и от ее собственной. Это ведь одно из ключевых обязательств, которые ты берешь на себя, удочеряя или усыновляя ребенка: ты отделишь этого ребенка от его или ее истории.

— Я знаю, — сказал он. — У меня приемная внучка. Ей шесть лет. Я все время забываю, что она приемная. Она просто одна из нас. Для меня было бы очень огорчительно, если бы ее история разрушила это “мы”. Это один из источников той боли, которую вы сейчас переживаете. Кинтана уже знает, что вы ее любите, и я думаю, все, что вы можете сейчас сделать, — это верить в нее. Верить, что ей станет лучше. Доверять ей. Свое естественное недоверие приберегайте для меня. Вы должны верить, что ей может стать лучше, даже если доказательства свидетельствуют об обратном. Не сосредотачивайтесь на доказательствах. Это фундаментальный принцип “12 шагов”.То, что они называют высшей силой или

как угодно. Это все, что у нас есть.

В Хазелдене принцип “как если бы”, сказала я.

— Так они говорят — они все.

16 февраля 2000 года

Я сказала, я не вполне помню, на чем мы остановились. Доктор Маккиннон сказал: почему бы не начать с того, где вы сейчас. Я сказала, что и насчет того, где я сейчас, я не очень уверена, жизнь как-то фрагментировалась, Кинтану мы не видели, но говорили с ней, и по разговору она казалась в целом в хорошем настроении, довольно бодрой. И все же я чувствовала, что тревожусь и жду дурных новостей. Я думала о том, что он сказал на прошлой неделе — что я должна иметь веру, верить, что все обернется к лучшему, — но мне это трудно дается, и мне пришло в голову, что моя склонность предчувствовать худшее в какой-то мере передается ей и тревожит ее до такой степени, что превращается в самосбывающееся пророчество.

— Я думаю, вам нужно исследовать, насколько давно в вашей жизни появилась склонность предчувствовать худшее. Потому что, чем дальше в прошлое уходит этот паттерн, тем выше вероятность, что она давно уже его перенимает.

Я сказала, я знаю, что это уходит очень дале-

ко в прошлое, в раннее детство. Например, все говорят, что маленькие девочки воображают себя невестами. Принцессами в белых платьях. Я никогда так не делала, и первый мой образ “замужества” был связан с представлением о том, как я получаю развод, выхожу из здания суда в южноамериканском городе, на мне темные очки, и тут меня фотографируют.

— Вам это не кажется необычным? Я никогда не сталкивался с детской фантазией о разводе.

Я сказала, да, мне это кажется необычным, потому-то я об этом и упомянула. С другой стороны, это ничему не соответствует в моем реальном опыте — на тот момент никто из наших знакомых не разводился.

— Это отражает мою привычку с малолетства читать всякую ерунду.

— Почему вы читали массовую литературу? Вы ведь были умным ребенком, разве вы не ходили в библиотеку?

Я сказала, я была слишком мала, чтобы самой ходить в библиотеку. Рядом с нашим домом была детская библиотека, и мама водила меня туда. Но я не любила детские книги, они наводили на меня скуку.

— А ваша мать не осознавала, насколько вы

опережаете сверстников? Не видела, что вам требуется нечто посложнее?

Я сказала, я уверена, что она все замечала, но, вероятно, не хотела это поощрять.

— Она не хотела, чтобы вы сталкивались с тем, с чем едва ли можете совладать?

Я сказала, наверное, что-то в этом роде, не знаю. Так или иначе, началась война, мы уехали, и вопрос о библиотеках был закрыт до той поры, пока мы не попали домой.

Я сказала, моя реакция на войну — еще один пример, как я понимаю в ретроспективе, моей излишней напряженности в ожидании беды.

— Не могли бы вы подробнее описать эту реакцию?

Я сказала, отчасти это (война) началось для меня с рождения моего брата в декабре 1939-го. Мама провела в больнице две недели. Детей в больницу не пускали. Я чувствовала себя совершенно одинокой, отделенной от всех.

— Покинутой, — сказал он.

В каком-то смысле, сказала я. А потом она вернулась домой, все стало немного не так, как раньше, и я это приняла плохо. Мы с отцом были очень близки — свои первые пять лет я провела, разъезжая вместе с ним в машине, навещая

родственников, бывая на ранчо и так далее, — а когда появился брат, все изменилось. К тому же на горизонте все время присутствовала война. Я слышала, как папа рассуждал, не пойти ли ему в армию. И он так и сделал прямо перед тем, как объявили войну. Он уехал, и я долго грустила. Я перестала расти, педиатры объясняли это “внутренним неблагополучием” и советовали матери поехать к отцу, если это возможно. Это было возможно, он находился тогда в Форт-Льюисе, и мы присоединились к нему. Потом мы поехали в Дарем, потом в Колорадо-Спрингс.

Довольно-таки беспорядочное время с точки зрения ребенка. Постоянные трудности с поездами. Помню, в поезде из Нового Орлеана до Дарема не нашлось мест, и мы стояли в тамбуре, где соединялись два вагона. И с жильем были постоянные трудности. Первый из немногих случаев, когда я видела, как мама плачет: мы выходили из офиса по размещению семей военных то ли в Такоме, то ли в Дареме. В Дареме отца разместили в Дьюке, а мама, брат и я жили в доме баптистского священника, в одной комнате, но кухней нам пользоваться разрешали. Эта семья казалась мне странной, экзотической. Дети усаживались под лестницей черного хода и ели грязь. Позднее я

узнала, что это обычно для бедных районов Юга, последствия недостаточного питания.

— Но ваш отец получал жалованье. Почему же вам пришлось жить так?

Я напомнила, что это был 1942 год. Повсюду, где расквартировывали военных, не хватало жилья. Проблема заключалась не в деньгах, а в том, что негде было жить.

— Должно быть, вы боялись, что вашего отца отправят за океан, что он может погибнуть.

Я сказала, да, так и было. Он все время говорил о том, как отправится за океан. Казалось, он стыдится того, что ему снова и снова поручают канцелярскую работу в безопасных местах. В особенности остро он это чувствовал в Колорадо-Спрингс, поскольку там была база и размещались люди, постоянно рисковавшие жизнью, — летчики из Петерсена то и дело разбивались, но он-то не был летчиком. Когда его перевели из Петерсена в Кливленд, а затем в Детройт, мы поехали домой. Вот только дома у нас больше не было, его продали, так что мама, брат и я жили с бабушкой, пока папа не вернулся, и тогда они построили дом, но на поиск участка и строительство дома ушло еще около года, и мы продолжали жить с бабушкой. Для папы это было трудное время. За

время его отсутствия мать вроде бы выстроила вполне удовлетворявшую ее совместную жизнь со своей матерью.

— А ваш дед уже умер?

Нет, сказала я, но он отсутствовал со второй половины воскресенья до вечера пятницы. Она жила в Сакраменто, он работал в Мэрисвилле. Такой у них был образ жизни. Так что до папиного возвращения домом управляли женщины.

— Наверное, возникло напряжение. И вы его чувствовали.

Я сказала, было напряжение, и даже, как я позднее узнала от матери, был период, когда они подумывали о разводе.

— На каком-то уровне вы это должны были знать. Вспомните вашу фантазию о разводе.

Я сказала, может, на каком-то уровне я знала это или нет, но на самом деле фантазия о разводе возникла намного раньше, до войны.

— Я предполагаю, что напряжение не возникло внезапно в 1945 году. Что вы ощущали его намного раньше, даже до войны. Чувствительные дети чрезвычайно восприимчивы к напряжению в доме, к тому, что они слышат за обеденным столом.

Я сказала, я считаю, что так восприимчивы все

дети. К тому же они не умеют правильно истолковывать то, что услышали. Они понятия не имеют о приливах и отливах во взрослых отношениях, о расхождении взглядов.

— Дети по-разному справляются с этим. Одни дети отгораживаются, отказываются это слышать и впоследствии ничего не помнят.

Я сказала, мой брат ничего не помнит о нашем детстве. Мне нипочем не удавалось вовлечь его в разговор о его жизни до колледжа. Разумеется, тогда ему было всего четыре года, но вспоминая о Колорадо-Спрингс, он абсолютно уверен, что мы уехали из-за того, что он увидел в коробке с вещами паука.

— Это немного похоже на вашу уверенность в том, что напряжение в семье возникло после того, как война закончилась.

Я ничего не ответила.

— Я думаю, вы росли в ощущении близкой катастрофы. Со страхом потерять отца. Думаю, вы всю жизнь предчувствовали утрату отца. До тех пор, пока он не умер. Вот почему, я считаю, вы восприняли его смерть тяжелее, чем отдавали себе отчет.

Допустим, чисто теоретически, что это верно, сказала я. Несомненно верно, что я всегда жила в

предчувствии беды. Причины такого моего состояния, возможно, не так важны, как сам факт, что у меня было такое предчувствие. Но вот чего я не понимаю: какое отношение это имеет к Кинтане? Что переходит от меня к ней и тревожит ее? Я согласна с тем, что она что-то такое от меня получает, она говорит об этом доктору Кассу — вот почему я обсуждаю это с вами.

— Очень простое сообщение. Она видит, что вы встревожены, настроены на худшее, возможно, чего-то боитесь. Дети, которые ощущают постоянную тревогу одного из родителей, с очень раннего возраста не чувствуют себя в безопасности. Они понятия не имеют, из-за чего тревожится их родитель, и потому ожидают наихудшего исхода, какой только могут вообразить. Они боятся, что родитель перестанет справляться, возможно, не сумеет о них заботиться. Этот страх они несут с собой во взрослую жизнь. Вот что она прорабатывает с доктором Кассом. И ей нужно почувствовать, что с вами все в порядке.

1 марта 2000 года

Я сказала, как сожалела о том, что не увиделась с ним на прошлой неделе, и что ты на свой лад тоже был огорчен. Нас обоих удручало то, что казалось упущенной возможностью установить легкий контакт с Кинтаной, и ты гадал, не играем ли и мы, и она в “кто первый свернет”.

— Что это значит? — спросил он.

Я сказала, это значит, все мы играем свои роли в выстраивании “дистанции”, неадекватно оценивая возможную опасность.

— Вы думаете, она в опасности, — сказал он.

Я сказала, мы не знаем. Некоторые моменты нас настораживают. Например, что она не перезвонила Сюзанне[14]. Я рассказала про ее отношения с Сюзанной, это всегда были отношения, в которых ей ничего не угрожало. И все же она не перезванивает в ответ на ее звонки.

— Очевидно, — сказал он, — у вас имеются какие-то надежные критерии, по которым вы определяете, находится ли она в опасности или

---

[14] Примечания: 14

Сюзанна Мур — писательница и педагог, дружила с Дидион и Данном, они общались в Лос-Анджелесе, а позже в Нью-Йорке.

просто хочет побыть одна.

Я сказала, мы всегда думали, что у нас есть надежные критерии. Но события последнего года продемонстрировали нам — весьма драматически — что наши критерии были ошибочными. На самом простом уровне: были события, которые мы истолковывали определенным образом, но, когда она стала раз за разом попадать в больницу, мы поняли, что она воспринимала их совершенно иначе.

Например, каждый раз, когда ее госпитализировали, мы все больше слышали о том, насколько катастрофическим и судьбоносным для нее было путешествие в Гонконг, а мы-то считали это позитивным опытом преодоления джетлага и культурного шока. Так что теперь мы не доверяем своим критериям.

— То есть теперь, если она забудется и чихнет при вас, вы тут же спросите, не заболела ли она.

Наверное, да, сказала я. А еще буду настойчиво советовать ей лекарства. А потом не стану звонить. У нас запланирован семейный ужин в пятницу, это ее день рождения, но дело дошло до того, что мы боимся даже пригласить ее на ужин в ее день рождения.

Есть большая разница, сказал он, между тем,

чтобы рассчитывать каждую неделю заполучить ее в гости, манипулируя ее чувством вины, и тем, чтобы дать понять: мы здесь, если ты захочешь к нам заглянуть, дверь открыта, а если у нас вдруг будут другие планы, мы предупредим.

Я сказала, я всегда думала, что мы так это и формулируем. Но потом мы обнаружили, что она воспринимала это по-другому, что у нее в самом деле было чувство вины. Не знаю, откуда оно взялось. Может быть, это чувство сходно с тем, которое я ощущала по отношению к своим родителям, может быть, оно появилось без причины или существовало только в ее голове.

— Не думаете ли вы, — сказал он, — что это составляет часть того, над чем она работает вместе с доктором Кассом?

Я сказала, по-видимому, так и есть.

— Иногда, — сказал он, — ребенок говорит: она все время зазывает меня к себе, она не оставляет меня в покое, и тут же, в следующей фразе: ей до меня и дела нет, она никогда не звонит. Я одна, а ей все равно.

Думаю, это про нас, сказала я.

— Я тоже думаю, что это про вас, — сказал он.

Но я этим не хочу сказать, что подозреваю ее в манипуляторстве, сказала я. Она никогда не была

склонна к манипуляциям.

— Сказанное вами следует понимать в том смысле, что она никогда не прилагала к этому усилий. Но она совершенно явно манипулирует вами и отцом и довела вас до того, что вы уже не знаете, куда ступить.

Я сказала, я думаю, что на тебе весь этот период сказался тяжелее, чем на мне. Я сказала, ты привык действовать прямо, а тут ничего не получается прямо.

— У вас есть преимущество — есть, с кем поговорить об этом.

Я сказала, ты и я подробно обсуждаем все, что он говорит.

— Это хорошо, — сказал он, — но с точки зрения вашего мужа это знание из вторых рук, пассивное. Его собственные чувства не включаются в этот расклад.

Смена темы. Я сказала, когда я была у него две недели назад и мы говорили о Второй мировой войне, он что-то заметил насчет того, как матери во время Второй мировой войны брали на себя сверхзадачу защитить детей от страха потерять отцов. Им приходилось расходовать дополнительные ресурсы, чтобы помочь детям вырасти не парализованными страхом. Я сказала, я дума-

ла об этом и хотела понять, считает ли он, что моя мать оказалась неспособна защитить меня — или что это мне она казалась неспособной.

— Я задавал этот вопрос, да, — сказал он. — Ответа я не знаю. Очевидно, я хотел, чтобы вы об этом подумали.

Я тоже не знаю ответа, сказала я. Не помню, чтобы когда-либо думала, что мама неспособна меня защитить. Единственный раз на моей памяти, когда я в детстве ощутила отсутствие ее защиты, пришелся на время войны, мы ехали через всю страну в Сакраменто. Мне было около восьми лет, брату три. Я проснулась. Было темно. Мы с ним сидели в машине, а мать и папа ушли. Машина была припаркована на жилой улице, не знаю где, думаю, в Рино, потому что это был следующий город на нашем маршруте перед тем, как я заснула. Помню, я решила, что произошло нечто срочное, неотложное и они за нами не вернутся. Я продумала, как поступить: мать укрыла нас своей норковой шубой, и когда рассветет, я возьму брата и шубу и пойду в центр. Мы продадим шубу и на эти деньги купим билет на автобус до Сакраменто. Главная проблема заключалась в том, как объяснить все это моему брату в такой форме, чтобы уговорить его действовать заодно

со мной, а не вогнать в панику.

— Наверное, вам было очень страшно, — сказал он.

Я сказала, не помню, чтобы я была испугана. Помню, что была наэлектризована — готова сделать то, что надо сделать.

— Значит, вас часто оставляли одну.

Кажется, никогда. Если бы родители часто уходили, я бы не вообразила в первую же секунду, что произошло нечто из ряда вон выходящее, верно?

— Вы поговорили с родителями об этом, когда они вернулись к машине?

Когда они вернулись, я спала.

— На следующий день? Вы упомянули об этом?

Нет. Мы добрались до Сакраменто. Шла война. Всякое случалось.

— Я читал книгу Джона Маккейна, — сказал он. — Она очень интересно передает это чувство: каково расти в военной среде, перемещаться с места на место.

Его это тревожило?

— Очень сильно, — ответил он. — Как же это могло его не тревожить? Подростки, которых перемещают с места на место, обычно выражают гнев и чувство утраты, но дети помладше нет

— они загоняют их внутрь. Они постоянно опасаются оказаться новенькими в незнакомой школе, изгоями. Это препятствует социализации. Они в большей или меньшей мере остаются недостаточно социализированными в процессе роста.

Я сказала, мы нередко перевозили Кинтану с места на место в ее детстве. Не то чтобы “перевозили”, но брали ее с собой туда, куда на долгий или короткий срок ехали по работе. Я упомянула слова Ника: “Она поразительно хорошо адаптируется, особенно если учесть, что каждый раз я встречаюсь с ней в другом городе”. Я упомянула о том случае, когда вернула ее в детский сад как раз перед Рождеством и она, разумеется, не успела выучить песни к празднику. Всегда казалось, что она вполне уживается с этими внезапными переменами, но, может быть, они до некоторой степени отразились на ее социализации. Впоследствии она, кажется, всегда чувствовала себя изгоем, отделенной от сверстников.

Я замолчала. Он спросил, чувствую ли я грусть или депрессию.

Я сказала, нет.

— Значит, вы устали?

Немного устала, сказала я, и немного несобранна. Я сказала, что работаю над фильмом со

сложным сюжетом. Стараюсь удержать в уме все ниточки. Иногда забываю какие-то из них. Ниточек так много, что порой я пугаюсь, не начинается ли у меня Альцгеймер.

— Вы этого боитесь?

Как и все, разве не так?

— Некоторые люди боятся этого больше, чем другие. В зависимости от семейной истории.

Я сказала, трое из четырех моих бабушек и дедушек, проживших достаточно долго, не заболели. У моей матери в 89 лет есть остаточное повреждение мозга после субдуральной гематомы и операции, но никакой деменции. Отец проявлял признаки деменции уже в 1984 году, когда забыл, в какой из двух больниц оставил мою мать всего час назад. Но, с другой стороны, отец много пил, особенно в последние 30 лет своей жизни. И к тому времени, когда он умер, то есть в начале 1990-х, он сбивался ненамного больше, чем в 1984 году. Так что не думаю, что у меня есть причины серьезно беспокоиться насчет Альцгеймера. Я просто сейчас несобранна.

— Порой бывает трудно думать еще и об этом, когда беспокоишься из-за работы, — сказал он.

Думаю, я сейчас именно в таком положении, сказала я.

8 марта 2000 года

Я сказала, я напечатала на машинке кое-что, что хотела ему показать. Я нашла записи, которые сделала после двух встреч с психологом из Университета Калифорнии в 1955 году. Один ряд записей на вырванной из блокнота странице, другой был напечатан и добавлены пометки от руки. Читая их, сказала я, я поразилась, как точно они направлены как раз на те проблемы, которые мы сейчас обсуждаем, и была огорчена ничтожным прогрессом за эти 45 лет.

Он прочел записи, сделанные в январе и марте 1955 года (приложены).

— Очень хороший психолог, она сразу попала в яблочко, — сказал он. — Почему вы побывали у нее только дважды?

Я сказала, я была у нее не два раза, я ходила к ней по меньшей мере семестр, а то и дольше. Это было одним из условий: ходить к ней, чтобы мне разрешили уйти из “Трех дельт”[15]. Один ряд записей относился к моему ощущению себя аутсайдером.

---

[15] Примечания: 15
Женское студенческое братство. — *Прим. перев.*

— Военные годы, частые переезды, обычное дело, — сказал он. — Некоторые дети, очень уверенные, воспринимали переезды иначе — с каждым переездом перед ними открывался новый мир. Вы, очевидно, переживали это иначе.

Второй набор записей относился к моим страхам, что отец умрет. Это было в 1955-м, в том самом году, когда отец написал мне прощальное письмо, так и лежавшее в сейфе, когда он умер.

Значит, в ту пору какой-то страх о том, что с ним может что-то случиться, проник в меня, сказала я.

— Разумеется, так и было, — сказал он. — Мы это знаем. Мы это обсуждали.

— Почему я не смогла понять это тогда? — спросила я. — Почему совершенно забыла об этом на столь– ко лет?

— Вы не могли себе позволить понять это в то время. Вы находились на той стадии жизни, когда вам хотелось свободы. Основная причина, по которой вы вообще беседовали с психологом, заключалась в том, что вы сделали первый шаг к свободе. Разумеется, вы сопротивлялись психологу. Вы ощущали эти визиты как наложенное на вас ограничение, как способ удержать вас в зависимости. Вы хотели свободы, а вам говорили,

что вы нуждаетесь в помощи, что вы безусловно больны.

Я сказала, я прочла на этой неделе стихотворение, от которого никак не могу отделаться. Размышления о нем помогли мне кое-что понять. Поэт, Розанна Уоррен, обращается к читателю. Поэтический прием заключается в том, что читательница, “Лилли”, созерцает триптих жизни. “Ты хочешь взять центральную панель, Лилли, но ты не можешь взять только ее”, говорится в стихотворении, и далее: “Нет, ты не можешь взять только центральную панель, с королем и королевой, могущественными и радостными на открытой лодке, где младенец сулит свободу и сеть полна рыбы, сверкающей в благословенном изобилии…” и далее: “потому что у гребца завязаны глаза, потому что коронованный рыбарь повернулся к нам спиной, потому что открытая лодка не отплывает под парусом от наших берегов и не отплывет, пока мы живы”.

— Вы все еще хотите получить эту центральную панель, — сказал он.

— Вот именно, — сказала я. — Я все еще хочу воспринимать себя как королеву в этой открытой лодке. Могущественной и радостной. И не хочу видеть гребца, гребец — это Харон. Конец сти-

хотворения — смерть. Я поняла, что, возможно. часть моей нынешней проблемы в том, что я не подготовилась — как-то совсем упустила момент подготовиться — к тому, сколько мне уже лет, какой стадии жизни я достигла. Я начинаю думать, не было ли у меня потребности удерживать Кинтану в роли младенца, в зависимости от меня, чтобы удержать собственный образ молодой и могущественной.

— Это очень сильный инсайт, — сказал он. — И тут есть кое-что еще. Не только вы заинтересованы в ее зависимости. Она тоже в этом заинтересована.

Я сказала, мы уже давно — по крайней мере уже несколько лет — признаем ее зависимость от нас, но мы всегда считали это в первую очередь "ее" проблемой, а "нашей" проблемой лишь то, что она от этого страдала, а мы не сумели это предотвратить, не справились с задачей вытолкнуть ее из гнезда.

— "Вытолкнуть" — значимое слово. Большинство детей не приходится выталкивать из гнезда. Им самим не терпится в полет. Они делают попытки, оглядываются на мать. Видят, что все в порядке, — и летят.

Я сказала, я не знаю, в какой момент Кинтана

стала бояться полета. Ребенком и подростком она была настолько физически бесстрашна и независима, что мы бы рассмеялись при малейшем намеке, будто она может быть зависима от нас. Круглые санки на озере Тахо. Уехала на “вольво” в 14 лет.

— Она явно пыталась полететь. Как вы думаете — она оглядывалась на вас и понимала, что это не ОК?

Я сказала, этот вопрос предполагает, что я постоянно была сосредоточена на ней.

— А это не так?

Я сказала, нет, вовсе нет, большую часть времени я работала и, даже когда физически находилась рядом, часто была поглощена работой.

— Я думаю, даже во время работы вы были сосредоточены на ней. Вы чувствовали себя виноватой, вы недостаточно ей давали, не хватало времени. Вы сами мне говорили, как огорчились, когда ее подруги цитировали излюбленные фразы своих матерей, и она сказала, что от вас чаще всего слышит: “Почисти зубы, расчеши волосы, не шуми — я работаю”.

Это правда, сказала я. Также правда, что все художественные тексты, что я написала в пору ее детства, можно прочесть как попытку

проработать сепарацию от нее прежде, чем это произойдет. Так почему же я не смогла осуществить сепарацию?

— Сепарация тесно связана с вовлеченностью, — сказал он. — Вам с трудом дается вовлеченность. Возможно, вы и с ней соблюдали дистанцию.

Я сказала, я соблюдаю дистанцию со всеми.

— Безусловно, соблюдаете, — сказал он. — Так вы воспитаны.

Он снова заговорил о книге Джона Маккейна.

— Мне удается читать ее лишь небольшими отрывками, — сказал он. — Она слишком…

— Слишком что? — спросила я.

Он ткнул в себя пальцем.

— Слишком близко.

Я сказала, что прочла часть книги и понимаю, о чем он говорит. Я узнавала себя в том, что автор рассказывал о своей семье, о своем детстве.

— В американских семьях определенного типа не поощряли открытое выражение чувств, — сказал он. — Он вырос в одной из таких, и я, и вы тоже. Вам трудно разговаривать с человеком лицом к лицу. Вас этому не учили.

Я заплакала.

— Некоторые люди, воспитанные таким об-

разом, настолько чувствительны, что не могут говорить с другими людьми без слез, — сказал он.

Как видите, сказала я.

После паузы я спросила, считает ли он, что мне надо поговорить о чем-то из этого с Кинтаной.

— Я действительно думаю, что вам следует поговорить с ней о своих проблемах, — сказал он.

Я не хочу, чтобы она думала, будто у меня проблемы из-за нее, сказала я.

— Нет, конечно, нет. Я имею в виду проблемы, которые у вас возникают при необходимости общаться с другими людьми. Это никак не связано с ней, но может помочь ей понять некоторые вещи о вас и себе. Она, вероятно, очень боится, что вы чувствуете себя одинокой. И у нее есть для этого основания. Вы явно очень близки с мужем, но что будет с вами, если с ним что-то случится?

Я сказала, она и вправду этого боится. Она признавалась в этом. Меня это удивило. Я бы скорее ожидала, что она будет волноваться о том, что будет с тобой, если со мной что-то случится.

— Так поговорите с ней об этом. Вам следует начать разговор о таких вещах. Могу себе представить, как трудно вам было прийти сюда и заговорить со мной. Так же трудно, как в 1955 го-

ду разговаривать с той женщиной-психологом в Беркли. Целый час, лицом к лицу, без четко заданной темы. Важные для вас темы против вашей воли выходили наружу. Тогда, в 1955-м, вы не были готовы обсуждать это. Думаю, сейчас вы готовы.

20–01–55

Начала говорить о том, что никогда не бываю достаточно хорошей, чтобы угодить. Доктор предполагает, человек рано узнает, что другим угодить невозможно. Подумала об отце, но пропустила это. Заговорила о том, что никогда не принадлежала к группе, хотя внешне вроде была принята и родственники не игнорировали — некоторое недопонимание между мной и доктором насчет того, что значит “игнорировать”. В качестве примера я рассказала, как чувствовала себя изгоем на собственном дне рождения в шестом классе, хотя это был сюрприз, подготовленный моими друзьями. Я не могла объяснить почему. Доктор настаивала, как будто я знаю и не хочу ей сказать. Наконец сказала ей: другие остались на ужин, а я нет. Отчасти это была неправда. То есть фактически — это было то, о чем я тогда думала, но ретроспективно я не видела никакого смысла в том, чтобы они устроили мне празд-

ник лишь затем, чтобы не пригласить на ужин. Доктор заговорила о том, почему я чувствовала отчуждение в компании сверстников. Я сказала, я думаю, это из-за частых переездов, а также из-за денег — сказала ей, я всегда думала, что мы на грани бедности: пример, как напряженно относился отец к деньгам, дом 500 по Готорн-роуд, “никакого бассейна” для меня и Джимми и “помогать в саду” для меня. Не могла справиться со своими чувствами по этому поводу, хотя чувства — крайнее огорчение — не имели рационального основания.

Доктор выдвинула идею, что я, по-видимому, все еще сильно нуждаюсь в одобрении отца — что я, возможно, так же мало одобряю себя, как он мало одобрял меня.

Я сказала, что так быть не должно. Она утверждала, что, тем не менее, это было так, и сказала, что я “передала ему большую власть”.

Власть над моей собственной жизнью? То, о чем я раньше и не помышляла. Меня это слегка вывело из равновесия.

Обсуждали умение одобрять себя. Доктор определяет это как способность чувствовать себя в ладу с собой. Я сказала, для меня это была бы способность принимать решения, будучи уверенной,

что хотя бы один из вариантов выбора правилен. Я сказала, к примеру, что не вижу хорошего выбора в вопросе выхода из “Трех дельт”. Если не выйду, застряну в невыносимой ситуации. Если выйду, расстрою отца, у меня отнимут значок и т. д. Может быть, лучше всего просто сдаться, вернуться домой в университет Сакраменто.

— Основной вопрос тут, по-видимому: чего хотите вы?

Мне пришлось признаться, что я не знаю. Каждый путь омрачен сомнением.

Она затронула вопрос о том, что значит “отнимут значок”. Я пояснила эту процедуру и сказала, что хотя мне это кажется смехотворным и, разумеется, на рациональном уровне я не могла беспокоиться о том, есть ли у меня значок “Трех дельт”, в этом есть что-то — схожее с исключением из группы, к которой и принадлежать-то не хотела, — что вызывает у меня страх, не возымеет ли это некий эффект впоследствии.

— Я бы предположила, что последствия будут.

Это меня ошарашило. Я ничего не ответила.

— Это похоже на день рождения, правда? Все остальные вместе садятся ужинать.

Я заплакала, и на том встреча закончилась.

29–03–55

Сначала: “Я не знаю, о чем говорить”.

— Почему бы вам не сказать, о чем вы думаете?

— Я думаю только о том, что не знаю, о чем говорить.

— Возможно, это само по себе должно быть высказано.

— Есть одна вещь, о которой я думала: в конце прошлой встречи вы сказали, признать, что о чем-то сожалеешь, — это роскошь. В тот момент я думала, что понимаю, но теперь нет — то есть я *знаю,* что это была бы роскошь, но не понимаю почему. Несколько ночей назад я лежала в постели и никак не могла отделаться от фантазии, что мой отец умер. Я очень расстроилась оттого, что не могла рационально преодолеть чувство интенсивной вины за то, что не примирилась с ним во всем, пока не стало слишком поздно. Очевидным решением было бы — когда мы увиделись — сломать барьеры и сказать, что я сожалею об этом. Но это решение кажется очередным уходом от ответственности с моей стороны.

— Почему так?

— Потому что это такое… Такая отчаянная эмоциональная капитуляция. Невозможно. Это невозможно сделать.

— Почему?

— В моей семье такое просто не принято. Да и ни в чьей. Но мне так хотелось сделать это, пока не стало слишком поздно.

— Похоже, это чувство вы испытываете в отношении многих вещей. Мне это напоминает вашу реплику в начале встречи, когда вы не знали, что сказать: вы хотели использовать свое время, остро сознавали, что время уходит. Вы, по-видимому, ощущаете это во многих ситуациях: чувствуете, что скоро станет поздно делать что-либо, то есть что вы, в каком-то смысле, не справляетесь.

— Да. Именно это. И здесь — что время уходит, я трачу ваше время. И дома то же самое — я постоянно ощущаю, как время уходит, а я ничуть не продвинулась к тому, чтобы исправить ситуацию. И все же, каждый раз, когда отец задает мне вопрос, я могу отвечать лишь односложно… Я хочу всем сказать, что я прошу прощения, сама не зная за что. И сделать это, разумеется, не могу.

— Я хочу, чтобы вы поняли: ни я лично, и никто из нас здесь не будет разочарован, если вы не сумеете облечь свои мысли в слова. Но, видимо, это большое разочарование для вас самой?

— Я это знаю. Но, наверное, я чувствую, что вы чего-то ждете от меня, даже если понимаю, что

никто в итоге не в проигрыше, только я сама.

— *Только?*

— Ну, больше никто другой.

— Давайте поставим вопрос так: если бы — по какой-то причине — это было бы личным огорчением для меня, какая вам разница? Вы никогда не соглашались проговаривать со мной ваши мысли. И я об этом не просила, даже если мы допустим, что я могла этого ожидать.

— То-то и оно. Невысказанные ожидания — им никогда не удается соответствовать, потому что их невозможно понять до конца. Всегда остается вероятность каких-то еще больших ожиданий.

— По-видимому, вы исключаете возможность, что, даже если бы вы знали, чего от вас ждут, и даже если могли бы это осуществить, вы могли бы этого не захотеть.

— Я могу иметь дело с небольшими ожиданиями — высказанными. Я могу им соответствовать или отказаться соответствовать. Но другие — те, чьих причин даже не знаешь, — им надо соответствовать. От них я отказаться не могу. Они сделались необходимостью

— Я могу это понять.

15 марта 2000 года

На прошлой неделе, сказала я, я осознала, что я в некоторой степени заинтересована в том, чтобы Кинтана от меня зависела. Если Кинтана зависит от меня, я все еще молода, все еще обладаю властью, все еще ее мать. Я подумала, когда говорила, что это, должно быть, связано с моим старением, потребностью почувствовать, будто я все еще нахожусь на более ранней стадии жизни. Я подумала над этим, сказала я, и теперь мне кажется, что я всегда — даже когда была намного моложе — была заинтересована в ее зависимости от меня.

— Мне это кажется очень понятным, — сказал он.

Это ли он имел в виду, спросила я, когда в прошлый раз сказал: разумеется, я всегда работала. Он подразумевал, что ее зависимость от меня снижала мое чувство вины за то, что я все время работаю?

— Продолжайте, — сказал он.

Это меня не очень убедило, сказала я. Потому что на самом деле я никогда не чувствовала вины

за то, что работаю.

— Я не говорил, что вы чувствовали себя виноватой за то, что работаете, — сказал он. — Я сказал, вы чувствовали себя виноватой, и я сказал, что вы работали. Я предоставил вам соединить эти два факта любым подходящим вам способом.

— Связь есть, — сказала я. — Я чувствовала себя виноватой за недостаточную вовлеченность, за то, что недостаточно присутствовала эмоционально. Работа, как вы однажды сформулировали, была моим способом не подключаться эмоционально.

— У вас было другое вполне подходящее место, где вы могли укрыться, — сказал он. — Вы создали такое место, где вам не требовалось вовлекаться. Создали другой мир. И были за это вознаграждены. Я бы предположил, что в этом альтернативном мире вы обретали убежище от той поры, когда сами были маленьким ребенком.

У меня был кабинет, сказала я. Помню, как я уходила в кабинет в разгар вечеринок у нас дома. Не работать. Я просто уходила в кабинет и сидела за письменным столом, чтобы побыть в одиночестве. Я сказала, в нашей семье мы все любим побыть в одиночестве. В том числе и Кинтана.

Даже когда она была совсем маленькой, она начинала беспокоиться, если вокруг слишком надолго собиралось много людей. Но стоило отправить ее в комнату в постельку, и она становилась жизнерадостной, как птичка, — не спала, а болтала и играла с самой собой. И потом тоже. До сих пор. Она не может остаться у друзей или пригласить к себе подругу больше, чем на одну ночь. У нее явно есть потребность в одиночестве.

— У вас у каждого была своя комната, — сказал он.

Я сказала, вся эта проблема пространства, отдельных комнат, стала для меня очень напряженной в последнюю неделю. Я обнаружила, что поездка в Калифорнию с Кинтаной вызывает у меня большие опасения. Для начала она сказала, она рассчитывает, что у каждой из нас будет отдельная комната. Я сказала, конечно, так и будет. Я забронировала сьют с соседней спальней. Потом я начала волноваться — соединяются ли между собой эти комнаты? Наша помощница проверила: они не соединяются. Я чуть с ума не сошла. Моя реакция была совершенно непропорциональной, пока наконец не удалось устроить так, чтобы у нас были две комнаты — отдельные, но соединяющиеся между собой.

— Вот именно, — сказал он. — Весь вопрос в том, чтобы жить отдельно, но соединяться. К этому вы обе стараетесь прийти, верно? К той точке, где вы будете отдельно, но сможете соединяться? Каждая из вас свободна от другой, но каждая имеет связь с другой?

Я вижу этот вариант истолкования, сказала я, но тут было и кое-что еще. Я рассказала ему о спектакле с “предсвадебным ужином”. Сказала, я не думаю, чтобы это расстроило меня, если б я ехала туда одна, но это усилило мои дурные предчувствия насчет поездки.

— Вас бы не расстроило, что ваша мать не сочла, что ваш брат должен относиться к вам как к члену семьи?

Как ни странно, думаю, что не расстроило бы, сказала я. Единственное, что волновало меня, — я хотела, чтобы все сложилось идеально для Кинтаны. И если поразмыслить, я даже не знаю, почему меня так это тревожит. С виду у нее все очень хорошо. Она спокойна, она открыта, она, кажется, справилась с черными полосами, через которые проходила, она записалась в тренажерный зал и после работы фанатично тренируется — думаю, чтобы заполнить время, когда прежде самым естественным делом для нее было бы вы-

пивать, — она регулярно посещает небольшую группу, организованную главой Смизерса[16]. Все это, как нам кажется, выглядит очень обнадеживающе.

— Выглядит очень обнадеживающе, — сказал он. — Думаю, когда она нагонит свой возраст, с ней все будет хорошо.

Я не знаю, что именно вы хотите этим сказать, но меня это заинтересовало, сказала я. Меня это заинтересовало, потому что я всегда думала, что она немножко отстает от сверстников. Она никак не могла сориентироваться в старшей школе, вплоть до выпускного класса. В тот год она была на вершине — а потом поступила в колледж и все пошло наперекосяк. В последний год в Барнанде она наконец-то стала со всем отлично справляться — но потом выпустилась, и снова все наперекосяк. Думаю, она до сих пор не научилась быть взрослой. Вы думаете, все это время я ей мешала, удерживала в зависимости?

— Нет, — сказал он. — Ваша заинтересованность в ее зависимости (или отсутствие такой заинтересованности) не означает, что она сама не была изначально зависимой. От воспитания зави-

[16] Примечания: 16

Центр Смизерса при Колумбийском университете (Нью-Йорк), оказывает помощь людям с зависимостями. — *Прим. перев.*

сит многое, но не все. Есть области, в которых мы, несомненно, генетически запрограммированы вести себя определенным образом, справляться или не справляться, и тут уж что ни делай… Я не связываю это с удочерением. Каждый раз, когда сперматозоид соединяется с яйцеклеткой, возникает уникальный набор генетических потенциалов.

ДД: Я не понимаю, как вы можете утверждать это и при этом утверждать, что Джон Маккейн полон гнева, подразумевая, что он испытывает вину из-за того, что никогда не мог соответствовать ожиданиям, в которых его растили. Вы говорите, что Джон Маккейн реагирует, как он реагирует, в силу своего воспитания — тогда вы не можете тут же все перевернуть и сказать, что Кинтана реагирует так, как она реагирует, в силу генетической запрограммированности.

РМ: Разумеется, воспитание также играет свою роль. Я лишь говорю, что так выпали кости. К примеру, мы ничего не знаем о братьях и сестрах Маккейна. Они не попали в сферу нашего внимания. Что наводит на мысль, что их, вероятно, не мотивировали те импульсы, которые мотивировали его. Одни и те же родители — разная запрограммированность. В семьях такое наблю-

дается на каждом шагу.

С этого момента мы говорили о семьях, о моем брате и мне, моем брате и его отношениях со своими детьми, отношениях Кинтаны с его детьми. Я сказала, я думаю, этих детей растили, поощряя видеть друг в друге потенциальную угрозу, и это распространилось на Кинтану, поэтому они никогда не дружили. Я сказала, она всегда держалась гораздо ближе к твоим племянницам и племянникам, особенно к Доминик. Я снова заговорила о ее настойчивом желании продолжать ходить в школу в ту неделю, когда Доминик лежала на ИВЛ, отказе участвовать, по сути, в бдениях у смертного ложа[17].

— Она не могла с этим справиться, — сказал он.

Очевидно, сказала я. А нам пришлось погрузиться в это, мы не могли сосредоточиться на том, чтобы помочь ей пройти через это. Да, на следующий день после похорон мы отправились с ней вместе на Гавайи и там смогли поговорить об этом. Но вот о чем я никогда не говорила с ней

---

[17] Примечания: 17

Доминик Данн отключили от аппарата ИВЛ через пять дней после того, как ее задушил ее бывший бойфренд, которого впоследствии обвинили в предумышленном убийстве и судили. Родственники Доминик считали, что приговор недостаточно суров. Ее отец, Ник Данн, написал об этом статью в *Vanity Fair.*

— о том, повлияло ли это на ее отношение к мальчикам, мужчинам, бойфрендам. Не сделалась ли она в какой-то мере недоверчивой.

— Не кажется ли вам это вероятным?

— В шестнадцать лет вряд ли, — сказал он. — К шестнадцати годам обычно уже знаешь, как ты относишься к противоположному полу. Это отношение определяется гораздо более ранним опытом.

А дальше было еще много неприятного. Я рассказала про суд, про обсуждавшееся соглашение о признании вины, о том, как это воспринял Ник, как разозлился на нас.

— Вы думали, что на суде может выясниться нечто неблагоприятное, — сказал он. — А он думал, все выйдет, как он того хотел.

Да, сказала я. Пояснила, что Кинтану и меня включили в список свидетелей, а я отослала Кинтану, и сами мы уехали.

— А он хотел, чтобы вы остались там и дали показания, поскольку ошибочно полагал, что это поспособствует осуждению убийцы[18].

Я сказала, он хотел, чтобы даже его неустойчивый средний сын давал показания, несмотря

---

[18] Примечания: 18

Джон Суини был осужден за убийство в состоянии аффекта, из 7,5 лет отсидел 2,5 года и получил УДО. — *Прим. перев.*

на то что эпизод, о котором он должен был сообщить, происходил на его глазах в тот уикенд, когда его ненадолго отпустили из Сильвер-Хилл, где он проходил лечение от параноидальной шизофрении.

— Представляю, как вы негодовали, — сказал он.

22 марта 2000 года

Я сказала, в эту неделю меня более всего занимал разговор, который мы начали с Кинтаной за ужином в четверг и продолжили за воскресным ланчем. Я пояснила: она сказала, что заговорила об этом раньше, чем планировала, потому что получила или ожидала получить предложение сменить работу, перейти в другой журнал на ту же должность, но с более высокой зарплатой. Это подтолкнуло ее задать себе вопрос, в самом ли деле она хочет и дальше заниматься тем же делом и не настало ли время самостоятельных поисков, попытаться заняться только фотографией.

— Прежде всего, — сказал он, — тут проступают две отдельные проблемы. Она может отказаться от новой работы и все равно счесть, что еще не настало время для самостоятельного поиска. Это не взаимосвязанные решения, она может принимать их или отклонять каждое по отдельности.

Я сказала, мы пытались объяснить нечто в этом роде. Сказала, что, хотя мы оба поддерживаем ее желание самостоятельно заниматься фотографией, мы несколько сомневаемся насчет идеи

заняться этим прямо сейчас. Она уже пыталась прежде, через несколько лет после окончания университета, и тогда она работала на фотоагентство, но через год устроилась в журнал. Я сказала, за ужином я напомнила, что задним числом именно этот период и оказался тем, когда началась ее проблема с выпивкой, а она сказала, нет, тогда проблема заключалась не в выпивке, проблемой был Деннис. Я рассказала про отношения с Деннисом. Сказала, что на самом деле выпивка составляла значительный элемент этого: он требовал, чтобы она оставалась в Ривердейле до начала новой недели, а она считала это вредным для своей работы — и совместное времяпрепровождение включало в себя обильную выпивку. По ее собственным словам, сказанным в то время, больше ничем он в выходные и не занимался.

— Ему требовался товарищ, чтобы пить вместе, — сказал он.

Что-то в этом роде, сказала я. Это подтвердилось прошлым летом, когда она находилась на детоксе в Миллстайне и наткнулась там на него. “Полагаю, мы оба знали, что к этому все и шло”, — передала она его слова.

— Насколько, по-вашему, ей пошло на пользу это ваше замечание? — спросил он.

Я сказала, задним числом я поняла, что оно было не очень-то полезно. Она приняла его достаточно благодушно, однако я бы не произнесла этого вслух, если бы в тот момент не подумала, что ей следует обратить внимание, быть настороже, чтобы этот аспект не ускользнул от нее.

— Каким вам видится подтекст всего разговора? — спросил он.

Я сказала, для меня это был разговор о зависимости. Очевидно, хотя это и не обсуждалось, ее уход из журнала повлечет финансовую зависимость от нас. Я очень опасалась, что это обострит ее ощущение зависимости, из-за которого она в первую очередь и оказалась в нынешней своей ситуации.

— Верно, в основе разговора таилось именно это, — сказал он. — Очень трудно обговаривать, очень трудно даже представить себе финансовую поддержку без соответствующих ограничений и контроля. Лишь немногие очень удачливые люди, выросшие у каких-то необычайных родителей, по-видимому, способны выйти за пределы этих ограничений. Но большинство из нас их ясно видит. Вам предстоит обсудить это, но деликатно. Вам предстоит найти способ сказать, что деньги у нее в любом случае будут. Насколько я понимаю,

ваше финансовое положение это позволит?

Я сказала, что позволит. В любом случае, в ближайшей перспективе не это для нас главное.

— Может, стоит заговорить об этом так: послушай, однажды эти деньги все равно будут твои, мы отдаем их тебе сейчас, потому что они именно сейчас нужны тебе.

Определим это как инвестицию, предложила я

— Ну да, но не совсем. От инвестиции мы ждем отдачи. А вам следует ясно дать понять, что любая отдача, какую вы ожидаете, нематериальна. Вы хотите отдать ей деньги при жизни, чтобы порадоваться тому, как она использует их для своего роста.

Я сказала, в этих двух разговорах меня также встревожило то, что я истолковала как своего рода регресс или сопротивление. Мне показалось, она больше сосредоточена на том, чтобы покинуть свою нынешнюю работу, чем на том, чтобы перейти к чему-то конкретному. Мы обсуждали, как это сделать пошагово, что ей нужно сделать, как собрать портфолио, сколько времени это займет, ей надо составить списки людей, с кем следует повидаться — агентов, редакторов и т. д. Чем дольше мы говорили, тем меньше она участвовала.

— Потому что вы ее инфантилизировали, — сказал он. — Она же не маленькая девочка, только что после учебы, кому приходится напоминать о необходимости портфолио. Она знает, что ей надо собрать портфолио. Она знает этот бизнес изнутри. Она разбирается в нем намного лучше, чем вы.

— Так почему же она до сих пор этого не сделала? — спросила я.

— Не знаю. Она когда-нибудь устраивала выставку своих фотографий?

Я сказала, нет, она так и не сделала подборку. Наш друг [Эрл][19], владелец галереи, посмотрел некоторые ее фотографии и предложил ей сделать более обширную подборку, тогда он проведет выставку, но она так и не собралась. Некоторые наши друзья, хорошо известные профессиональные фотографы, неоднократно предлагали ей обратиться к ним, но она этого так и не сделала.

— Как вы думаете, почему она этого не сделала? — сказал он.

Я сказала, я думаю, что она боится показывать

---

[19] Примечания: 19

Эрл Макграт (1931–2016) был одним из ближайших друзей Дидион. Он был харизматичной личностью, был широко известен в художественных и музыкальных кругах. Они подружились в Лос-Анджелесе и продолжали дружить, когда переехали в Нью-Йорк.

свои работы. Она боится отвержения, боится, что кому-то это не понравится. Я сказала, что вполне могу это понять. Я рассказала ему, как в Беркли я получила письмо от Роберта Лешера[20] и не ответила на него. Я никак не могла ответить, потому что он предлагал посмотреть мою работу, а я боялась: если я покажу ему и он скажет, что это плохо, с моей маленькой тайной мечтой стать писателем будет покончено.

— Думаю, вам следует рассказать Кинтане эту историю, — сказал он. — Полагаю, для нее она будет иметь большое значение. Разговор, который вам следует провести с ней, должен быть не о том, почему она не сделала это, не закончила то. Суть того, что вы скажете, не должна сводиться к “почему ты никогда ничего не доводишь до конца” — этот разговор должен быть обращен к ее скрытым страхам. Если она узнает, что вы чувствовали то же самое и сумели с этим справиться, ей это может принести большую пользу. Ей нужно многое понять. Ей нужно понять, что творчество включает в себя необходимость показывать свою работу, рисковать. Она должна понять, что, если кому-то ее работа не понравит-

[20] Примечания: 20

Роберт Лешер (1929–2012) был известным нью-йоркским издателем и литературным агентом.

ся, это не конец света.

Я сказала, на мой взгляд, она уже давно должна понять это, ведь она всю жизнь видела, как мы подвергали себя риску, и читала плохие отзывы о нас.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Вы думаете, что она воспринимает вас так, как вы сами себя воспринимаете — как человека, преодолевшего множество страхов, чтобы достичь того, что вы достигли. Предположу, что вы и ваш муж также считаете себя редкими счастливчиками, ведь каждый из вас обретает в другом поддержку, если идет на риск, и это смягчает риски. Она видит вас совсем иначе. Она видит вас как некие высшие, сверхталантливые существа. Она думает, вы такими и родились, с момента зачатия были запрограммированы на успех. Я думаю, вам надо поговорить с ней о той поддержке, что вы с мужем получаете друг от друга, о той, которую вы получаете от издателей или кого-то еще, о том, что вы переживали, читая первые отрицательные рецензии, как боялись не справиться. Расскажите ей ту историю про литературного агента.

Я сказала, я думаю, ей бы очень помогло, если бы она нашла профессионального наставника, того, кому она старалась бы угодить, кто ожидал

бы от нее определенных результатов.

— Несомненно помогло бы, — сказал он. — Причем постороннего для семьи. В данный момент эту роль играет доктор Касс. Идеальный перенос. Потом она, вероятно, станет ему сопротивляться. Да, безусловно, я думаю, вся эта сфера предоставляет ей великолепную возможность для роста. Вопрос к вам, разумеется, в том, как вы проведете ее через этот процесс.

19 апреля 2000 года

Я сказала, благие последствия пяти дней, проведенных с Кинтаной, все еще сохраняются: я стала меньше о ней тревожиться, не так переживаю, если какое-то время ее не вижу и она не звонит, мне легче смириться с тем, чтобы позволить ей разбираться самой.

— Она не пытается вычеркнуть вас обоих из своей жизни, — сказал он. — Надеюсь, вы начинаете это понимать. Она очень нуждается в этих отношениях, она жаждет их. Но ей нужно и время в одиночестве, ей нужно свое пространство, ей нужно смотреть в зеркало и видеть себя не вашими глазами и не глазами вашего мужа. И я подразумеваю это не просто как метафору — это и буквально так. Вам ведь знакома ситуация, когда вы видите себя по телевизору или слушаете в магнитофонной записи и думаете: “Это не я! Я выгляжу иначе, мой голос звучит иначе”. Затем вы привыкаете к себе и все в порядке. Она еще не знает, как она выглядит и как говорит. Она работает над тем, чтобы это узнать.

Я сказала, мы осознали, что она склонна вос-

принимать наши вопросы ей как выпытывание или попытку контролировать и это вызывает у нее защитную реакцию.

— Она совершенно определенно истолковывает вас — вас обоих — таким образом. Она думает, что вы задаете вопросы, потому что не доверяете ей. Она думает, вы не верите, что она сделает то, что должна сделать. И автоматическая защита — не делать того, что предлагаете вы. Она бы себе нос назло отрезала, если бы вы запретили это. Я говорю это не потому, что знаю конкретно ее, — я говорю это, потому что такова типичная динамика между родителями и выросшими детьми, которые еще не достигли здоровой сепарации. Я, наверное, говорил это вам в той или иной форме уже раз пятьдесят, но вы должны увидеть это сами.

Я сказала, что в течение пяти дней, которые мы провели вместе, я впервые приложила сознательные усилия к тому, чтобы не задавать те вопросы, которые могли бы вызвать защитную реакцию. И она стала более открытой, даже сообщила мне добровольно то, о чем я избегала ее спрашивать.

— Она все поняла. Она признала, что вы затеяли эту поездку не с целью прорваться за ее очень хрупкие защитные барьеры, и она ответи-

ла вам благодарностью. Надеюсь, ваш муж тоже начинает это осознавать, потому что вам обоим следует ослабить свою привязанность к ней. Речь идет не о той привязанности, которая говорит о вашей любви, но той, которая подсказывает вам управлять ее жизнью, потому что сама она с ней не справится.

Я сказала, что ты понимаешь это, хотя и без дополнительного преимущества, которое дали мне эти пять дней наедине: я чувствую, что для меня это было настоящим освобождением. Я почувствовала, как растворяется значительная часть тревог и смятения.

— Если ваш муж по-прежнему испытывает тревогу, приведите его с собой. Я думаю, вам обоим важно помнить, что сейчас любое давление на Кинтану будет во вред. Она должна разобраться, кто она, прежде чем научится справляться с давлением.

Я сказала, мы стараемся избегать всего того, что вызывало у нее в прошлом стресс. Например, в прошлом году идея отправиться на Сен-Барт на День благодарения стала для нее, по словам доктора Касса, источником некоторого стресса. Я тогда поговорила с ней об этом, стараясь ослабить давление, объяснить, что для нас это

непринципиально, мы знаем, что у нее сейчас, вероятно, много работы, все, что нам нужно, — это ее решение в ту или другую сторону за четыре недели до отъезда, чтобы мы успели отменить бронь на ее номер. Затем я напомнила ей об этом за четыре недели, и она сказала, что подумала и решила, что хочет поехать. А потом мы не поехали из-за урагана, и в некотором смысле это стало облегчением — некоторая неоднозначность по-прежнему присутствовала, и мы не хотели, чтобы она проявилась, когда мы доберемся туда или же впоследствии.

Итак, в этом году мы решили отправиться в Париж, тут мы могли бы отменить ее номер и в последний момент, у нее было бы больше автономии и т. д.

— Зачем вообще брать ее с собой?

Это же праздник, сказала я. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя покинутой.

— Почему она должна чувствовать себя покинутой? Разве у нее нет собственной жизни? Не пора ли ей начинать жить самой? Вы же не сбегаете вдвоем на каникулы, бросив пятилетку одну в Рождество, правда?

Я сказала, я просто не хотела, чтобы ей было одиноко.

— Что заставляет вас думать, будто ей станет одиноко? Вы бы чувствовали себя одинокой в ее возрасте, если бы ваши мать и отец отправились в поездку на День благодарения без вас?

Разумеется, нет, сказала я. В ее возрасте я была замужем и у меня уже была она. Мы проводили праздники сами по себе. Изредка мы ездили к твоим родственникам или моим, но скорее по обязанности, чем потому, что нам в самом деле этого хотелось.

— Я знаю, вы росли в большой, разветвленной семье. Полагаю, и ваш муж тоже. Как и я, как и большинство из нас. Но времена изменились.

Я сказала, времена изменились для тех из нас, кто уехал. Большие разветвленные семьи продолжают жить более-менее по-прежнему. Например, на свадьбе Лори все мои кузины требовали, чтобы мы в этом году приехали на Пасху, потому что следующее поколение поддерживает традицию, и мы все должны появиться. И дело не в том, что все они до сих пор живут в Сакраменто — они рассеялись до самого Нью-Джерси, — но они все собираются на Пасху у “Ниффера”. И еще много таких семейных мероприятий. Они обедают в “Клифте” в последнюю субботу перед Рождеством, собираются на Пасху и т. д. Я сказала, Кинтану это

озадачило, потому что мы живем совсем иначе. Ее отец и я — мы оба отделились.

— Физически вы отделились, да, но как вы только что сказали, дело не в этом. Одна из ваших кузин живет в Нью-Джерси и все равно приезжает на Пасху. Она участвует в рождественском обеде в “Клифте”. А вы нет.

Я сказала, я отделилась также и эмоционально. И ты тоже.

— Почему вы отделились? — спросил он. — Вам казалось, что ваши семьи каким-то образом покушаются на вашу свободу? Вы чувствовали, что, если вы от них не оторветесь, они попытаются контролировать вас?

Я сказала, не знаю. Предполагаю, в какой-то мере да.

— Вот что интересно: вы оба отделились, но затем вы, по-видимому, создали семью того же типа.

— В значительно меньшем масштабе, но, вероятно, да.

— Вы не думаете, что меньший масштаб увеличивает возможность контролировать?

Я сказала, что он прав.

— Предоставьте ей пространство. Уважайте ее. Позвольте ей увидеть себя такой, какая она есть.

Чем больше она будет смотреть на себя собственными глазами, тем больше ей будет нравиться то, что она видит. Нужно учиться смотреть на себя собственными глазами. Я бы очень удивился, если бы услышал, что публичные выступления не были для вас поначалу крайне мучительны. Но вы привыкли к этому. Вы научились — вы стали себе нравиться.

Я сказала, в целом да, я привыкла к этому. Лишь иногда, ни с того, ни с сего, на меня накатывает страх перед сценой, вплоть до оцепенения, до тошноты. В остальное время я вполне могу делать это, справляться с этим и даже получать удовольствие.

— Поразмыслите над всеми теми случаями, когда вы не справлялись. Есть ли в них что-то общее?

Я подумала об этом, пока шла купить хлеб. Публичная лекция в Беркли в 1975 году. Потом чтение в ПЕНе здесь, в помещении театра. И наконец лекция, которую я как-то раз читала в Дэвисе. Пока я ждала, чтобы мне завернули хлеб, я сообразила. Ключом послужила та лекция в Дэвисе, незначительное мероприятие, совсем не обременительное. В каждом из этих случаев — и только тогда — присутствовал кто-то из моих

родителей или они оба.

26 апреля 2000 года

Доктор Маккиннон спросил, как прошла Пасха. Я сказала, было по-настоящему хорошо, в понедельник и утром вторника я чувствовала себя подзаряженной, даже слегка эйфорически.

— И что же произошло потом? — спросил он.

Я рассказала, что произошло. Начиная со звонка Шэрон[21], затем о звонке из Святой Моники, и о твоей встрече с ней, и как мы говорили об этом вчера вечером и сегодня утром. Что она не ела три дня и не спала последнюю ночь. Что она сказала, она больше не выдержит врать всем. Что она разорвала связи с людьми, которые заботились о ней — потому что боялась, что они вмешаются, “поместят ее в психушку”, — и общалась исключительно с людьми, которые совсем о ней не думают.

— И это побуждает ее ненавидеть себя, считать себя никчемной, — сказал он.

Да, сказала я. До такой степени, что она несколько раз повторила, ей было бы лучше не существовать вовсе. Это кажется нам крайне опасным.

---

[21] Примечания: 21
Шэрон Либерман, секретарь и помощница Дидион и Данна.

— Это крайне опасно, — сказал он. — Существует заметная корреляция между хроническим алкоголизмом и суицидом. Я должен сказать вам очень настойчиво: вы должны пустить в ход все козыри, разыгрывайте карту вины, разыгрывайте ее без зазрения совести — скажите ей, что у вас не будет в жизни больше ни одного хорошего дня, если с ней что-то случится. Если существует верный момент, чтобы заставить ее почувствовать, что она должна заботиться о вас, защищать вас, — то он настал прямо сейчас. Я лечил суицидальных пациентов, я видел это изнутри, я знаю, как они мыслят: они ухитряются убедить себя, что всем, кого они любят, без них станет лучше — переживут это, и им станет лучше, когда больше не надо будет беспокоиться. Вы должны самым недвусмысленным образом разубедить ее в этом.

Я сказала, мы старались сделать это. В какой-то момент, когда она сказала, что ей было бы лучше вовсе не существовать, я ответила ей, что, если ее не станет, я тоже не смогу жить. Тут ты вошел в кухню, где мы с ней обнимались и плакали, и я рассказала тебе, о чем мы говорили. И ты сказал, чтобы разрядить ситуацию: “А со мной, конечно, все было бы в порядке”, и она рассмеялась и сказала: “О да, ты бы справился без проблем”.

— Это звучит ободряюще, очень здоровый разговор, — сказал он.

Я сказала, что мы с ней поговорили о докторе Кассе. И в Калифорнии, и прошлым вечером она говорила, что доктор Касс, кажется, отстраняется от нее. Прошлым вечером я выяснила, что она сказала доктору Кассу, что это ей не помогает и она намерена посещать его лишь раз в две недели. Я спросила, знает ли доктор Касс, что она пьет. Она сказала, нет, “он меня никогда об этом не спрашивает”. Я предположила, что это может быть причиной того, что она представляет как “отстранение”. Что в каждом их разговоре присутствовал этот секрет, который она не желала ему доверить, и он вполне мог ощущать некое препятствие. “Теперь, когда ты это сказала, — сказала она мне, — конечно же, совершенно очевидно, это так и есть”. В таком случае, я думаю, тебе следует ему признаться, сказала я. Это будет частью решения больше не врать. Она согласилась.

— Я предлагал вам однажды, что могло бы принести пользу, если бы я упомянул об этом доктору Кассу, и вы мне не разрешили, — сказал он. — Теперь вы изменили свое мнение?

Я сказала, я так не думаю. Возможно, я отнесусь

к этому иначе, если она сама не расскажет ему до следующего раза. Но я видела смысл именно в том, чтобы она сама рассказала ему, — в ее честности, а не в моем вмешательстве, которое отнимет у нее шанс быть честной.

— Согласен, это мудро, — сказал он. — Посмотрим, что произойдет при следующей их встрече.

Я пересказала ему спор по поводу родительской недели в Хазелдене. Сказала, что мы, конечно, были заняты, но и, откровенно говоря, присутствовало просто нежелание ехать туда. Не хотелось оказаться в ловушке на пять дней (она говорила, три, но мне помнится, пять, что больше соответствует родительской “неделе”), среди людей, которых мы не знаем и не очень-то хотим делиться с ними своими заботами. Я вполне могу все почитать сама, могу разобраться, не выслушивая лекции. Это как одно бесконечное собрание Ал-Анон, и не сбежишь.

— Суть этой программы не в том, что вы узнаете (или не узнаете) об алкоголизме, хотя вас в этом и заверяют, — сказал он. — Суть в заявлении: своим присутствием вы сообщаете дочери не просто, что вы принимаете ее проблему всерьез — это заявление вы уже сделали, отвезя ее туда, — но что вы принимаете всерьез это конкретное решение

проблемы. Вы фактически легитимизируете его. Это может быть в высшей степени значимо для той, кто всю свою жизнь ждет от вас подсказок.

Я сказала, возможно, мы совершили ошибку, но мне трудно с этим согласиться после того, как я узнала вчера вечером, как они давили на Кинтану, чтобы зазвать нас туда — “разве ты не сердишься на родителей за то, что они отказываются?” — и спрашивали, не алкоголик ли ты, когда она сказала, что не представляет себе, как бы ты ужинал в шесть вечера без двух порций скотча.

Это вызвало у него смех.

— Все же, вам, возможно, стоило поехать, — сказал он. — Но, разумеется, вчера вечером она завела этот разговор отчасти и затем, чтобы переложить вину на кого-нибудь другого.

Я сказала, такова была твоя реакция, как и по поводу Николя, и рассказала о Николя.

— Быть честным с самим собой и вообще-то нелегко, а для алкоголиков в особенности, поскольку ложь глубоко интегрирована в их структуру личности. Предстоит много работы. Но в целом я бы истолковал это как очень позитивное развитие: она пытается бороться, она обратилась к правильным людям, вы поддержали ее, все

участвуют в разговоре. Вот когда она пойдет на попятную — перестанет разговаривать, — тогда вы снова окажетесь в беде.

Я сказала, что вчера вечером она дала мне “Большую книгу”, и я читала ее и начала видеть смысл в некоторых шагах, например, в четвертом шаге, который включает составление списка своих обид и необходимость проанализировать каждую обиду в поисках угрозы, которую она скрывает.

— Она видела, что вы читаете книгу? Она знает, что вы ее читали?

Я сказала, да. Я прочла ей некоторые разделы оттуда сегодня утром за завтраком, и мы обсудили их. Она была озабочена, потому что не выполнила “домашнее задание” к встрече по “Большой книге”, которое включало осуществление четвертого шага, после которого, согласно Билли У.[22], “вы проглотите большие куски истины о себе”. Я сказала ей, что в прежнем ее состоянии она никоим образом не была готова к тому, чтобы глотать большие куски истины о себе. Я сказала ей, что теперь она, возможно, готова и что об этом стоит поговорить с человеком из Смизерса. Мы

[22] Примечания: 22

Уильям (Билл) Гриффит Уилсон (1895–1971) — основатель “Анонимных алкоголиков”. — *Прим. перев.*

также обсудили последовательность шагов. Мне казалось, что эта последовательность неверна — что до “высшей силы” (шаг 2 или 3) можно добраться, поняв следующие шаги, но в том месте, где этот шаг находится, это обреченный прыжок веры. Я не понимаю, почему их надо выполнять строго последовательно, однако она сказала — обязательно.

— Нет, не обязательно. Можно выполнять их в любой последовательности, какая подходит вам. Однако для нее этот разговор был очень полезен. Видеть, что вы читаете, впитываете, воспринимаете это всерьез. Чем больше у вас будет подобных обсуждений, тем сильнее надежда, что она сможет пройти этот процесс. Но кое-что вам следует принять во внимание. Ей может понадобиться детокс. Возможно, она не сумеет самостоятельно перенести воздержание. Вам следует наблюдать за этим и обсуждать с ней. Потому что, когда уровень алкоголя в крови упадет, у нее может возникнуть потребность к выпивке. И тогда, без помощи, она окажется там же, где была. Вам следует быть начеку, потому что, если сейчас она не пьет, это может случиться очень скоро.

Я сказала, мы будем за этим следить, и есть еще один конкретный вопрос, по которому мне

нужен его совет. Как мы уже обсуждали, несколько недель назад она выразила сильное желание уволиться и работать самостоятельно как фотограф. Мы реагировали на это позитивно. Однако никаких действий не предпринималось, и, по очевидным причинам, прошлым вечером мы этого не касались. Спросить же я хотела вот что: учитывая ситуацию в том виде, как она раскрылась прошлым вечером, будет ли с нашей стороны неправильно — если в ближайшие недели этот вопрос возникнет вновь — отговаривать ее от этого шага?

— Нет, вы будете вполне правы. Сейчас для нее совершенно неподходящий момент, чтобы просыпаться каждое утро одной и заново пересобирать свою жизнь. Вероятно, и она понимает это, потому-то и не предпринимала никаких действий, но, если она этого не осознает, вам придется найти способ ей это сказать. Полагаю, вы уже поговорили с ней о тех вещах, которые мы обсуждали, — о необходимости, если она выберет такой образ жизни, принимать риск подвергнуться критике? Принять тот факт, что ей придется подставлять под удар свое эго?

Я сказала, мы поговорили об этом довольно подробно в Калифорнии. Только один раз она

перешла в оборону и сказала: “Значит ли это, что вы не станете меня поддерживать?”, но я сумела пройти с ней через это, и в итоге у нас, как мне кажется, получился хороший разговор.

— Думаю, когда — и если — это вопрос возникнет в ближайшем будущем, вам придется поставить ей определенные условия. Разумеется, объясните ей свою озабоченность. Но не привязывайте свои условия к некоему идеалу трезвенности, до которого ей пока далеко. Скажите, что она будет готова справляться с жизненными вызовами, когда выполнит какое-то профессиональное задание, которое — учитывая ее страх перед критикой, воспринимаемой ею как провал — потребует от нее определенного риска “подставиться”. Например, если она подготовит выставку своих работ, это покажет, что она готова, потому что тем самым она примет риск подвергнуться критике.

3 мая 2000 года

Я сказала, что я очень удручена. Сказала, что, по-видимому, ни ты, ни я не можем сделать ничего, чтобы помочь Кинтане. Когда я приходила к нему в прошлый раз, мы находились в кризисной ситуации, но мы тогда — по крайней мере до середины того дня — разговаривали откровенно.

— А потом она ушла в себя, — сказал он.

Да, сказала я. И теперь, просматривая составленную мной хронологию событий с прошлого лета, я вижу тут определенный паттерн. Каждые четыре-шесть недель кризис, откровенность и затем уход в себя, отстранение.

— Но это естественно, — сказал он. — Именно этого и следовало ожидать. Вы разве не видите?

Я сказала, я начинаю ощущать, что она подстраивает так, чтобы мы реагировали определенным образом.

— Так и есть. В этом состоит природа ваших отношений. Это мы и пытаемся переломить. Мы пытаемся научить вас не реагировать так, как она ожидает. Она приходит к вам за помощью, вы предоставляете помощь, она ее отвергает, вы

проявляете разочарование. Так разыгрывается и нынешняя ситуация.

Я сказала, более-менее так. Рассказала о звонке Роберту[23]. Сказала, что мы обсуждали, сможет ли она поговорить с ним в период этого кризиса, и она вроде бы не отвергала эту идею. Но мы решили не звонить, пока не обсудим с ней это еще раз вечером воскресенья.

— Почему? — спросил он.

Я сказала, недавно был случай, когда мы предложили ей с кем-то поговорить, она согласилась, мы позвонили и договорились, но она так и не объявилась.

Это стало своего рода проблемой, по крайней мере для нас, если не для нее.

— Можете мне поверить: если проблема существует для вас, то существует и для нее. Ее нежелание довести дела до конца в прошлый раз довольно ясно указывает, что ей кажется, будто на нее оказывают давление, не оставляют свободы.

— Но в прошлый раз она согласилась, чтобы мы позвонили.

---

[23] Примечания: 23

Роберте Фокс (род. 1952) — британский театральный и кинопродюсер. Был недолгое время женат на английской актрисе Наташе Ричардсон. Их свадьба состоялась в квартире Дидион и Данна в Нью-Йорке.

— Потому что так было проще? Потому что она не хотела спорить?

Задним числом, сказала я, стало очевидно, что дело именно в этом. Вот почему теперь, во второй раз, мы хотели быть абсолютно уверены, что она действительно хочет, чтобы мы сделали этот звонок. Ты спросил ее, (а) хочет ли она поговорить с Робертом (ответ был: “Я была бы рада”), и (б) предпочитает ли она в таком случае позвонить сама или хочет, чтобы предварительно позвонил ты. На это ответ был: она хочет, чтобы сначала позвонил ты. Итак, утром в понедельник ты позвонил, затем оставил сообщение на ее автоответчике. Но к утру вторника она все еще не позвонила, а когда мы спросили об этом вчера вечером, сказала, что звонила. Но они разминулись. Затем она перешла в оборону и довольно ясно дала понять, что ощущает давление. Мне кажется, она несправедлива по отношению к нам и нечестна с самой собой.

— О справедливости тут и речи не идет, — сказал он. — Да, алкоголики врут сами себе, этим и определяется болезнь. Приходится обходить это — нужно как-то перехитрить алкоголика, чтобы вовлечь его в процесс его собственного выздоровления.

Я сказала, это мы и пытаемся сделать. Пото-

му-то и переспрашивали, чтобы подтвердить ее заинтересованность. Я спросила, как бы он провел этот разговор.

— Прежде всего я бы предложил, чтобы в этих переговорах с ней участвовал только один из вас — или вы, или ваш супруг. Это помешало бы ей сразу же прийти к тому выводу, который у нее всегда наготове: что против нее выступает единый фронт, и вы двое заодно, и ее друзья, и доктор Касс, и всякий, кто в тот или иной момент проявляет заботу, — все пытаются управлять ее жизнью. Далее я бы предложил вести переговоры именно вам. Дочери в нашей культуре склонны воспринимать мать как менее контролирующую силу, чем отца. Сыновья, наоборот, воспринимают отцов как потенциально менее контролирующих, чем матери. Эти представления могут быть верными или ошибочными, но я убедился, что они довольно распространены в семейной динамике. В-третьих, я бы предложил зайти в этом разговоре намного дальше, чем до сих пор. Вы дошли до того, что спросили, хочет ли она сама сделать первый звонок или предоставит это вам. Когда она ответила, что хочет, чтобы это сделали вы, я бы затем спросил, хочет ли она быть рядом во время этого звонка. Если бы

она ответила: нет, я спросил бы ее совета — что следует сказать, как это сказать. А если бы она сказала, что ей все равно, как и что вы скажете, я бы рассмеялся, отмахнулся от этого, отшутился, сказал бы что-то вроде: “Если я правильно тебя понял, тебе все равно, что и как я скажу, потому что ты потом в любом случае не перезвонишь?”

Я сказала, все это тяжело сказывается и на тебе, и на мне. Почти невозможно делать какую-либо существенную или даже несущественную работу: посреди разговора о работе кто-то из нас сворачивает на разговор о Кинтане.

— Это очень плохо. Поскольку работа — чрезвычайно эффективное средство от тревожности. Вы безусловно применяли ее в таком качестве всю жизнь, и вам это помогало. Сейчас ваша тревожность в значительной мере связана с тем, что вы не работаете.

Я сказала, да, конечно. И в нашей рабочей жизни было немало досадного и трудного. Например, очень плохо составленный контракт.

— Разве у вас нет агентов, которые могли бы заниматься этим вместо вас, учитывая, что вам и без того хватает, о чем беспокоиться?

Я сказала, агенты этим на самом деле не занимаются. На протяжении десятилетий этим

занимался наш юрист, но ему уже далеко за восемьдесят, его жена больна, он не мог полноценно вникать в ситуацию, а другие люди из его конторы не настолько хороши.

— То есть вам пришлось самим принимать решения, и вы не чувствуете готовности их принимать?

Вот именно, сказала я. Но придется нам их принимать, потому что всякая надежда на то, что наш юрист примет решение за нас, более-менее исчезла, когда перед Рождеством его фирма распалась и он основал новую.

— Вам сейчас приходится со многим справляться. Я бы предложил вам попробовать другой антидепрессант. Думаю, надо помочь вам вернуться к продуктивной работе.

Затем он спросил, волнуюсь ли я все еще по поводу возможного суицида. Я сказала, да, настолько, что немного опасаюсь даже уезжать на эти выходные в Вашингтон, всего на одну ночь.

— Тогда не стоит ехать, — сказал он.

Я сказала, ехать нужно, и в любом случае, даже если я не поеду, возможно, мне все равно не удастся на протяжении выходных поговорить с Кинтаной, и в итоге я рассержусь на нее за то, что она портит мне жизнь,

— Вы напрасно думаете, что дело в Кинтане. Это не так. Дело в вас. Никакие и ничьи поступки или упущения не могут помешать человеку нанести себе вред, если он твердо вознамерился это сделать. Все, что вы можете сделать, — избавить себя от излишнего чувства вины. Убедитесь, что вы сделали все, что могли. Если вы действительно думаете, что можете ее спасти, отказавшись от поездки в Вашингтон, — откажитесь от поездки. Если же вы можете искренне признать, что от этого ничего не зависит, — тогда поезжайте.

Я сказала, я могу искренне признать, что от этого ничего не зависит, и в любом случае, если что-то случится, будет полно других причин, чтобы чувствовать себя виноватой.

— Это правда. Люди чувствуют вину даже за те события, которые никак не могли бы контролировать. Зачем я отпустила ее в эту поездку. Зачем она взяла именно эту машину. Зачем мы обзавелись бассейном, зачем поехали на озеро.

Я сказала, на этой неделе я не могу отделаться от назойливой мысли, о которой я упоминала ему раньше, что ее чувство вины и ложь насчет выпивки могут оказаться лишними и ненужными, результатом того, что ее склонность выпивать была “определена” как проблема.

— Я считаю ее склонность выпивать несомненной проблемой. Мне не доводилось видеть настоящего алкоголика, способного соблюдать умеренность в питье.

А если это ситуативно, предположила я. Может быть, ее ситуация изменилась бы и она стала пить меньше, если бы никто никогда не называл ее алкоголиком. Кто может отличить “настоящего алкоголика”?

— Что ж, определение АМА[24], вероятно, применимо к 50% населения нашей страны и к 100% французов. Но в целом мы определяем алкоголизм как выпивку исключительно в целях унять тревожность, успокоиться, побороть депрессию, уснуть. Существуют две наиболее распространенные формы. При первой человек начинает пить с утра, чтобы унять тревогу, — он никогда не бывает пьян, но и не делает больших перерывов между выпивкой. Вторая форма — запой.

Я сказала, я прикидываю, так ли уж отличается ее манера выпивать от моей в двадцать с чем-то лет, до того как я вышла замуж и у меня появился ребенок. Я выпивала за обедом, отправлялась на коктейльные вечеринки и там пила, продолжала

---

[24] Примечания: 24
Американская медицинская ассоциация. — *Прим. перев.*

пить за ужином и после ужина — если вечеринка вообще предусматривала ужин. Потом моя жизнь переменилась, и я просто обнаружила, что стала пить меньше.

— Это было в ту эпоху и в той культуре, где все пили так же. Вы пили не больше, чем окружавшие вас люди. Помню, когда я в молодости служил во флоте, опоздавшего на вечеринку заставляли сразу выпить две-три порции, чтобы нагнать остальных. Но сейчас другое время. И пьет она по-другому.

10 мая 2000 года

Я сказала, что я не смогла проглотить велбутрин, вместо него стала принимать золофт и отметила некоторый прирост концентрации и общего благополучия.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему вам трудно глотать? — спросил он.

Не очень, сказала я. Мой отец не мог глотать таблетки. Я читала, что примерно каждый третий не может.

— Верно, — сказал он, — но с этим можно что-то сделать, и, в отличие от простуды, тут есть какая-то причина. Вам в детстве давали таблетки?

Я сказала, не помню. Однако, подумав, вспомнила. Мне дали аспирин, чтобы сбить температуру, и отец посоветовал не пытаться проглотить, просто разжевать, так легче.

— Было ли это для вас проблемой? — спросил он.

Нет, сказала я. В отличие от еды. Еда превратилась в борьбу между мной и матерью. Она не разрешала мне вставать из-за стола, пока тарелка не опустеет. В итоге я подолгу сидела за столом.

Подумав: моя еда превратилась в борьбу и между матерью и отцом. “Не заставляй ее есть, если она не хочет, — говорил отец. — Она же не мусорное ведро”. Эти споры бывали порой весьма ожесточенными.

— Некоторые матери настолько склонны это контролировать, что скармливают ребенку за следующей трапезой то, что осталось недоеденным в прошлый раз.

Я сказала, моя мать действительно так поступала, но я раньше не думала о ней как о “контролирующей”.

— Почему?

Я сказала, она — полная противоположность тому образу, который приходит на ум при слове “контролирующий”. Не проявляла никакой компульсивности по отношению к своему дому или своей внешности.

— Она даже постели не заправляла. В детстве я иногда убирала дом, потому что просто не могла больше терпеть этот разгром. Она всегда говорила: не заморачивайся, жизнь слишком коротка, давай займемся чем-нибудь приятным, давай устроим пикник. Помню, я стыдилась фотографии, сделанной на одном из таких пикников, потому что в то утро она не удосужилась расче-

сать мне волосы — как я встала после сна, так и ходила лохматой. Позже, когда я увлеклась шитьем, она считала меня перфекционисткой, считала, что я слишком озабочена тем, чтобы все делать правильно. О многих таких занятиях она говорила, что я зря трачу время. Она до сих пор считает, что я вкладываю слишком много усилий в малозначимые вещи.

— И вы не рассматривали это как контроль? Не истолковывали ее реакцию, неодобрение ваших усилий, как требование, чтобы вы делали это на ее лад?

Я сказала, возможно, но это была скрытая форма контроля. Я сказала, что в подростковом возрасте я в самом деле считала, что она недоверчива и чересчур критична — по отношению к моим друзьям, к тому, как я одевалась и т. д. На самом деле она и сейчас такая, но я перестала это замечать. Кинтана заметила это, когда мы были в Калифорнии, и заговорила об этом со мной. Сказала, что я, наверное, многим не делилась с моей матерью. Я ответила, я рассказывала ей все до определенного момента. “Когда ты стала независимой”, — сказала Кинтана.

— Вернемся к проблеме с едой. Она беспокоилась о вашем здоровье?

Я сказала, предполагаю, что да. Я всегда была слишком худая, в начале Второй мировой войны я на два года перестала расти.

— Вас осматривал врач? Поставили диагноз?

Я сказала, врач назвал это “задержкой роста” и сказал, что я грущу, я скучаю по отцу, и если мать хочет, чтобы я хорошо ела, нам следует воссоединиться с отцом.

— Иными словами, у вас был эпизод детской депрессии.

Я сказала, если у детей бывают эпизоды депрессии, тогда я полагаю, что это был он.

— О, несомненно бывают. Это очень распространенный случай у детей, которые считают, что не сумеют угодить критически настроенному или контролирующему родителю.

Я сказала, я не понимаю, где заканчивается потребность защищать и начинается потребность в контроле. У родителя они кажутся одним и тем же.

— Да, вероятно, с этого начинается. Вам нужно защищать это совершенно беспомощное существо. Идеальная ситуация, когда мать ощущает растущие способности ребенка — и поверьте мне, ребенок растет рывками — и предоставляет ребенку принимать собственные решения. Роди-

тели, сами выросшие в контролирующих семьях, склонны пропускать эти сигналы или пугаться их. Поэтому их защита выходит за пределы необходимого.

Я сказала, мы понимаем, что порой старались излишне защищать Кинтану.

— До такой степени, что она стала понимать это как контроль, — сказал он.

Я сказала, мне очень трудно с этим разобраться. Потому что она явно до сих пор нуждается в защите.

— Вы больше не можете ее защищать. Это физически невозможно. Это вне вашей компетенции. Вы не можете, да и она в этом не нуждается. Что ей нужно от вас, так это ваше доверие, ваша уверенность, что она способна принимать правильные для себя решения. Это совсем другое.

Я рассказала ему сон, который мне приснился на этой неделе: Кинтана и я спали в одной комнате, и каждый раз, когда я просыпалась, она была не в кровати — она сидела у окна и все больше пьянела. И я ничего не могла с этим поделать. Она не видела, что я за ней наблюдаю.

— Самая трудная вещь на свете для любящего родителя — отречься от мысли, что он или она могут защитить свое дитя. Думаю, вам следует

проводить больше времени вдвоем с Кинтаной. И вам, и вашему мужу, каждому в отдельности, но более всего ее беспокоят отношения в паре дочь-мать. Очень проницательное замечание она сделала насчет вас и вашей матери. Тут она вас заметно опередила. О таких вещах вам нужно поговорить с ней вдвоем.

17 мая 2000 года

Я сказала, в пятницу 12 мая я перестала принимать золофт, поскольку в четверг, съев таблетку, я чувствовала себя одурманенной и это продолжалось еще утром в пятницу. После того как в пятницу я не стала его принимать, к середине дня туман рассеялся, но вместе с тем мне не хватает этого лекарства, поскольку за неделю приема у меня заметно улучшились сосредоточенность и общее состояние. А теперь я снова ощущаю уныние, тревогу, дурные предчувствия.

Он предложил возобновить прием, сократив дозу вдвое. Либо по четверти таблетки ежедневно, либо по половине через день. Он сказал, я и так принимала меньше клинической дозы, но и это явно было для меня слишком много.

Я сказала, что прочла в утренней газете о новом лекарстве от алкоголизма, проходящем испытания и еще не одобренном в США. Испытания показали, как описывалось, очень хорошие результаты у пациентов, которые действительно хотели перестать пить.

Он сказал, что утром слышал об этом по радио.

Ключевой пункт, как подчеркивалось, в том, что хорошие результаты отмечены у людей, которые хотели бросить пить.

Я сказала, я не думаю, что Кинтана действительно хочет бросить. Что она хочет не получать "плохих результатов", но не достигла той точки, когда бы она захотела просто не пить.

— Это, несомненно, правда, — сказал он. — Тут вопросов нет, она пьет. Доктор Касс знает об этом. Сейчас он выбрал такой курс: работать с ней над тем, чтобы отделить случаи, когда невозможно не выпить, от тех, когда сравнительно легко или, по крайней мере, возможно не пить. И добиться, чтобы она подумала о том, чем эти ситуации отличаются. Что делает их для нее разными.

Я сказала, в воскресенье вечером мы ужинали вместе с ней, и она упоминала, что говорила с доктором Кассом о чем-то подобном. Что он спросил ее, в какие моменты ей хочется выпить, и она сказала, она жаждет выпить каждую минуту каждого вечера. Я сказала, у тебя и меня этот вечер вызвал разные реакции. Ты сосредоточился на том, что она стала более откровенной, чем казалась в несколько прежних наших встреч. Я же, с другой стороны — и это показало мне, что я снова впадаю в тревожность, — сосредоточи-

лась на самом факте: я думаю, что она пьет. И некоторые ее реакции я стала распознавать как алкоголические. Например, зависть к Кендалл, которая путешествовала по Французской Вест-Индии, при том что она вполне могла сделать это и сама, если бы проявила инициативу — в последний раз, когда мы с тобой ездили на Сен-Барт, поездка уже была намечена, но еще не спланирована, и я предлагала ей полететь с нами или отдельно от нас, отправиться на другие острова, присоединиться к нам или не присоединяться, как она захочет, но она не поговорила об этом с Мэриан[25].

— Она все еще не приняла решение насчет смены работы?

Об этом она ничего не говорила, сказала я. И мы не заговаривали с ней об этом.

— Хорошо, — сказал он. — Конечно, если она вернется к этой теме, поговорите с ней. Но инициатива должна исходить от нее.

Я сказала, я читала книгу о методе рационального самовосстановления. Многое показалось мне применимым к ситуации Кинтаны и ее реакции на АА, в особенности отрицание меди-

---

[25] Примечания: 25

Мэриан Макэвой была редактором *Elle Décor*. Она взяла Кинтану на работу и поощряла ее занятия фотографией.

цинской модели алкоголизма. В отчаянии она много раз повторяла: почему я должна считаться больной до конца моей жизни? И каждый раз я отвечала: ты вовсе не должна, ты не больна сейчас и безусловно не должна оставаться больной до конца жизни. Она же говорила: я больная, я алкоголик, я всегда буду такой, я больна. И при чтении литературы АА я увидела, что эту идею ей внушили АА, и она ее очень беспокоит.

— Знаю, знаю, — сказал доктор Маккиннон. — У меня однажды был пациент, успешно бросивший пить, он прошел АА, не пил уже десять лет и все равно определял себя как "выздоравливающего алкоголика". Однажды я не удержался и спросил его: "Когда же, если не сейчас, вы сочтете себя «выздоровевшим»?" — "Никогда, — ответил он, — алкоголики никогда не выздоравливают". В результате долгой и упорной работы я наконец убедил его смотреть на себя как на выздоровевшего, а не больного, оставить это позади, но я понимаю, какие трудности испытывает она.

Я сказала, некоторое время назад я говорила Кинтане, что заказала книгу о рациональном самовосстановлении. Она слышала про это движение и выразила желание прочесть книгу. Но после того, как я ее прочла, я так и не дала ее

Кинтане и даже больше не упоминала, хотя книга напрямую обращена к основному источнику ее сопротивления, — потому что книга очень враждебна АА, буквально утверждает, что АА промывает мозги, а я все еще надеюсь, что она сумеет найти свой путь с помощью АА. И все же я думаю, что принятая АА медицинская модель алкоголизма — большая ошибка: она обеспечивает извинение для пьянства, настаивая, что “болезнь” сильнее тебя, вне твоего контроля.

— Медицинская модель не вовсе бесполезна. Появилась она, конечно, лишь как способ дестигматизировать алкоголизм. Ты не ничтожный пьяница в канаве, у тебя болезнь, такая же, как другие болезни, это не твоя вина. А недавно появились некоторые доказательства генетической составляющей алкоголизма. Братья и сестры, выросшие в очевидно несхожих приемных семьях, проявляют генетическую предрасположенность к одним и тем же болезням, в том числе и общую склонность к алкоголизму. Однако большую часть генетических предрасположенностей можно контролировать. Можно корректировать свое поведение. Диабет — генетическое заболевание, но, если снизить вес и следить за диетой, можно его избежать. Если у вас гены, предрас-

полагающие к раку легких, не надо курить. Если у вас есть генетическая склонность к алкоголизму, не надо пить. Вот что ей нужно сделать: разобраться с паттернами своей потребности в алкоголе и попытаться устранить или преодолеть те обстоятельства, которые провоцируют эту потребность.

Я сказала, перед свадьбой Лори говорила мне, как боится, что подобное праздничное мероприятие может оказаться очень трудным для Кинтаны. И мне показалось, что она совершенно не понимает, почему Кинтана пьет. Она же пьет не ради приятного времяпрепровождения.

— Нет, конечно, нет, — сказал он.

Но я упомянула об этом Кинтане, и та сказала, что и в самом деле свадьба далась ей очень трудно, что она мечтала выпить, даже придумала, что заказать — ром с колой, чтобы все думали, будто это чистая кола. Единственное, что помешало ей исполнить это желание, — каждый раз, когда она заглядывала в бар, там сидел ее кузен Стивен.

— Светские мероприятия действительно становятся для большинства людей источником стресса. Нам так трудно общаться друг с другом, что требуется алкоголь, чтобы это перетерпеть. Даже сейчас, когда состояние здоровья большин-

ства моих сверстников не позволяет им пить, я вижу, как на коктейльных вечеринках они цепляются за стаканы с “Перье”, словно за спасительную соломинку. Коктейльные вечеринки на самом деле очень напряженные события.

Я сказала, одна из прелестей жизни в Калифорнии заключалась в отсутствии коктейльных вечеринок. Расстояния столь велики, а жизнь настолько “по-швейцарски”, что люди ездили в гости на ужин к 7.30, уходили в 10.30, ложились спать и рано вставали.

— Идеально, — сказал он.

Я сказала, что Кинтана уехала из Калифорнии еще подростком, поэтому так и не вошла в этот ритм. В воскресенье вечером она пожаловалась на друга, который позвонил ей по пути в город с ночного рейса, и ее недовольство, по-видимому, главным образом было вызвано тем, что он ее разбудил, хотя потом она сказала, что ей вредно с ним общаться, он принимает наркотики и т. д. Меня это несколько обеспокоило — показалось примером того, как она отрезает себя от людей, которым она небезразлична, и мне пришло в голову высказать предположение, что он, возможно, звонил не потому, что эгоистичен, и не потому, что ему до нее дела нет, а как раз потому,

что она ему небезразлична и он хочет поддерживать контакт.

— Чего вы надеялись добиться, высказав эту мысль?

Я сказала, не знаю, потому-то я и не высказала ее вслух, но, вероятно, я высказала бы ее, чтобы она поняла: она не всегда бывает мишенью, и другие люди, которые, как ей представляется, специально досаждают ей, может быть, по-своему заботятся о ней.

— У алкоголиков очень часто проявляются параноидальные паттерны мышления. Как вы догадываетесь, у меня большой опыт работы с клинической паранойей, и, можете мне поверить, нормальные люди, застрявшие даже в умеренном паттерне параноидального мышления, реагируют точно так же. Они обращают свою паранойю на каждого, кто осмелится предположить, что они не являются мишенью. Вы таким образом принижаете их способность к восприятию. Вы утверждаете, что их когнитивный процесс нарушен. Самое большее, что мне когда-либо позволялось сказать невозбранно, было что-то вроде: “Не представляются ли вам возможными какие-то альтернативные истолкования?” Параноидальное мышление принимает

множество форм. Застенчивость — одна из форм паранойи: человек думает, будто все внимание сосредоточено на нем…

Я сказала, поначалу я была крайне застенчивой. Но и в самом деле мне однажды указали, насколько глупо предполагать, будто все меня замечают, — и это мне помогло, это меня освободило. Произошло это в раннем подростковом возрасте. Дженни Клифтон и я нарядились — чулки, обувь на высоких каблуках, — чтобы отправиться на ужин с ее мамой в Сан-Франциско. В машине я обнаружила на чулке спустившуюся петлю и пришла в отчаяние. Мать Дженни высмеяла меня, и это было прекрасно.

— Возможно, если угадать верный тон и еще самый точный момент, но это так трудно осуществить…

На прошлой неделе, сказала я, мы обсуждали Уильяма Стайрона[26], и ты говорил, что он очень гневный. Ты сказал, большинство депрессивных людей очень милые, потому что свой гнев направляют на самих себя, но депрессивные ал-

---

[26] Примечания: 26

Уильям Стайрон (1925–2006) — американский писатель. После многолетнего употребления спиртного у него развилась непереносимость к алкоголю, а отказ от выпивки привел к тяжелейшей депрессии, от которой писателю удалось избавиться лишь после пребывания в психиатрической клинике. — *Прим. перев.*

коголики склонны направлять гнев на других. А я сказала, я вижу это в Кинтане — много пошедшего вкривь гнева, на коллег, на прохожих и так далее. Затем я сказала: “Не знаю, что я имею в виду под «пошедшим вкривь». Не знаю, куда он должен быть направлен”. Тогда ты заговорил о моих отношениях с родителями, вроде бы сменил тему. Позднее я подумала: не считаешь ли ты, что, когда Кинтана выплескивает свой гнев на кого придется, она тем самым отводит его от тех людей, на кого она в самом деле сердится? То есть от Джона и меня?

— Да, — сказал он. — Дети сердятся на родителей. И если им не удается вырасти, они продолжают сердиться. Но они не могут дать волю своему гневу, потому что они нуждаются в вашей любви и не уверены, что не могут ее утратить.

Я рассказала ему, как Пегги Трэйлор позвонила мне и рассказала, что Кинтана ужасно расстроилась, когда Сьюзен[27] за обедом сказала Пегги: “ненавижу тебя”. Пегги поговорила об этом с Кинтаной, уверяла ее, что все в порядке, но Кинтана никак не успокаивалась. Пегги советовала мне объяснить Кинтане, что говорить матери “я тебя

[27] Примечания: 27

Сьюзен Трэйлор — подруга детства Кинтаны. Они вместе учились в школе в Калифорнии и с тех пор дружили.

ненавижу" нормально. Я понимала ее резоны, я соглашалась с ними в теории. Но я этого не сделала.

— Почему?

— Не знаю…

— Я могу назвать вам общую причину — она в том, что вы никогда не могли сказать ничего подобного своим родителям, — но было бы полезнее, если бы вы подумали над этим.

Я сказала, возможно, это в большей степени связано с тобой. Если бы я сказала Кинтане, что выражать гнев нормально, и она бы сделала это, я бы только огорчилась и замкнулась в себе, но ты бы отреагировал таким же гневом, и началась бы эскалация, все вышло бы из-под контроля. Я сказала, и ты, и я выросли в семьях, где выражать гнев не считалось приемлемым.

— Я знаю только то, что вы рассказали мне о Джоне, но я вполне уверен, что и вы не имели такой возможности.

Я сказала, однажды я написала — внутри почтового ящика — "Я ненавижу папу". Это было в тот день, когда война кончилась и он вернулся домой из Детройта. Он привез подарки. Весь день был очень напряженный, меня очень растрогал подарок, который он привез мне, потому что это

был взрослый подарок. Потом мы сели обедать. На столе в серебряном кувшине был чай со льдом. Я стала его наливать, рука соскользнула на влажном боку, и кувшин упал на стол. Папа, он был очень нервный, отреагировал с возмущением. Я убежала в свою комнату и заперла дверь. Потом он постучал, но я не открыла. И написала это внутри почтового ящика. Так жирно — мягким карандашом — что не смогла стереть. В итоге заклеила ярлыками с адресом.

— Вы до сих пор чувствуете себя виноватой за это, не правда ли?

Я сказала, да. Спустя много лет я сожгла этот ящик.

— Когда я учился в медицинской школе, половина курса была как я — поступили рано, чтобы поскорее закончить и чтобы у нас были врачи, если война затянется на десять лет. Другую половину составляли вернувшиеся ветераны. Они были старше, у многих были семьи, и практически каждый делился случаем, когда обиженный ребенок заявлял ему: “Шел бы ты обратно на войну”.

24 мая 2000 года

Я прокомментировала эффект двух миров в *Fortune*. Выпускник Стэнфорда, в 21 год отказывающийся от пяти “более привлекательных” мест работы, чтобы стать интерном в *Hewlett Packard* за 75 тысяч долларов в год, — и Роберт Бингэм[28], который недавно умер в результате то ли самоубийства, то ли передозировки и чья первая книга удостоилась на той же странице *Fortune* посмертного дурного отзыва.

Он спросил, читаю ли я истории о самоубийствах.

Я сказала, я не ставлю себе это целью, такого нет.

— Не должно быть, — сказал он, — но вы склонны обращать на них внимание.

Он поразмыслил.

— Многие дети принимают опасные решения, — продолжал он. — У меня была пациентка, чей сын захотел снимать документальные фильмы. Она обеспечила ему очень дорогое

---

[28] Примечания: 28

Роберт Бингэм (1966–1999) — американский издатель и писатель. — *Прим. перев.*

оборудование. И первый же сюжет, который он вздумал запечатлеть, — как проворачивается сделка с наркотиками. Это могло подвергнуть его серьезной опасности.

Я сказала, я часто удивлялась, вспоминая опасные вещи, которые сама проделывала, как вообще хоть кто-то доживает до взрослого возраста.

— Я тоже об этом подумываю. Я делал опасные вещи.

И не только в погоне за так называемыми удовольствиями, сказала я. Я имею в виду не просто поездку на озеро Тахо поздно ночью и пьяной. Я имею в виду и то, что я проделывала даже в поисках опыта или знания.

Я рассказала, как в детстве однажды ночью вошла в прибой на Стинсон-бич — спланировала это. Сказала матери, что поведу Джимми вечером в пятницу на народные танцы на автобусной станции, а сама оставила Джимми на автобусной станции и отправилась на берег с блокнотом, чтобы выяснить, как описать это в рассказе, который я сочиняла, о самоубийстве в океане. И меня сбила с ног волна, которую я не увидела.

— Я не пыталась себя убить, — сказала я, — я лишь пыталась кое-что узнать.

— Я понимаю, — сказал он.

Я рассказала ему про два тревожных сновидения, которые у меня были о Кинтане. В первом ей было лет одиннадцать или двенадцать. Ты и я погрузились в какое-то наше собственное дело и слышали, как она открывает большую коробку, что доставили по почте, но оставили нераспакованной. Когда я наконец вошла к ней в комнату, я увидела содержимое коробки, аккуратно разложенное: 18 школьных форм, 9 зеленых свитеров и 9 желтых свитеров. Во сне я терзалась виной за то, что не позаботилась о ее школьной форме. Затем я проснулась и напомнила себе, что на самом деле я *всегда* занималась ее школьной формой. Успокоившись, я уснула снова — и сразу провалилась в столь же тревожный сон. В нем я показывала Кинтане, теперь уже двадцатилетней, кампус Беркли. Я полностью владела ситуацией, пока не заметила на доске в аудитории объявление, что ей предстоит в этот день выступать с лекцией. Курс по международной политике Америки после 1945 года. Меня охватило нечто близкое к страху: Кинтана, подумала я, ничего не знает об американской международной политике, что же она собирается говорить? Я отправилась искать тебя — ты был в кампусе где-то в другом месте, — и мы вдвоем вернулись в аудиторию. Тут я проснулась.

Я вновь была потрясена виной, но уже наяву. Я чувствовала себя виноватой за то, что автоматически недооценила Кинтану, — возможно, она знает больше, чем я думаю, что она знает, возможно, она выросла. Я не могла отделаться от этого чувства, хотя, говоря практически, я точно знаю, что она ничего не знает об американской международной политике.

— Вы же понимаете, что это был один и тот же сон, — сказал он. — Оба сна — о вине, которую вы чувствуете за то, что упустили — на ваш взгляд — как мать. К тому же вы страдаете от депрессии. Это не психотическая депрессия, поскольку вина не вполне иррациональна. Вы не рассказываете мне о чувстве вины за то, к чему вы не имеете никакого отношения, не говорите, будто стали причиной Холокоста, как это случается с людьми в психотической депрессии. Ваша вина привязана к реальности. Что-то в жизни Кинтаны пошло неправильно. Это реально, это не фантазия. Однако депрессия мешает вам рассматривать этот факт как отдельный от вас. У вас отсутствует реалистичное представление о своей роли в этом. Люди с депрессией склонны верить, что проблема вызвана ими самими, и из этого следует заключение: раз они вызвали

эту проблему, они обязаны суметь ее исправить. Разумеется, как мать вы допускали ошибки. Все родители допускают ошибки в воспитании детей, а их дети — большинство детей — несмотря на это, вырастают. Не вы ли причина того, через что сейчас проходит Кинтана. И вы не в состоянии это исправить. Все, на что вы можете надеяться — и мы все работаем над этим, — что между вами двумя сложатся более близкие отношения, и мы надеемся таким образом облегчить внутреннее давление, которое побуждает ее пить или стремиться к исчезновению.

Я сказала, что в субботу чувствовала себя особенно беспомощной по отношению к Кинтане. Все так сложилось — погода, пробки, бесконечная поезда туда и обратно, заунывные песнопения, довольно безрадостная торжественность церемонии, — чтобы вызвать депрессию, и поскольку к тому времени, как мы добрались до приема, я сама уже сильно хотела выпить, я тем острее понимала, что переживает Кинтана.

— Вы нашли способ сказать это ей? Дать ей понять, что вы обязаны там присутствовать, но она может всех поздравить и ускользнуть?

Нет, сказала я.

— Почему нет?

Прежде всего, сказала я, она не могла ускользнуть, потому что всех рассадили, и к тому же мать невесты специально звонила с утра удостовериться, что она будет на приеме.

— И вам не пришло в голову дать ей понять, что вы сочувствуете ее дискомфорту?

Я сказала, я бы не стала этого делать. Потому что не хотела бы, чтобы она тут же решила, будто я упрекаю ее за плохое поведение.

— Есть разные способы дать что-то понять.

Я сказала, он знает как. Он этому обучался. Этим он и занимается. У меня же проблемы с коммуникацией, и когда я пытаюсь что-то такое сообщить, у меня все выходит неправильно.

— Похоже, в вас опять говорит вина. Как она поначалу относилась к этому мероприятию? Хотела на него поехать или не хотела?

Я изложила последовательность событий, накладки с приглашением. Что когда Линн позвонила тебе, а ты позвонил Кинтане, по твоему впечатлению, Кинтана до того момента обижалась, считая, что ее не пригласили, и для нее стало облегчением узнать, что она приглашена.

— Вы сами говорили с ней об этом? Дали ей возможность отказаться, если на самом деле она не хотела ехать?

Нет, сказала я. Поскольку она выражала мнение, что нас “слишком много”, мы теперь стараемся не задавать ей один и тот же вопрос каждый по отдельности и не делать дублирующих звонков.

— Я абсолютно уверен, что о таких вещах вам следует ее спрашивать каждому по отдельности, — сказал он. — Что у вас должны быть свои отношения с ней, а у Джона — свои. По отдельности. А также отношения, которые вы имеете с ней как пара, это другие отношения, и они очень ценны для нее. Но она нуждается в отдельных отношениях с каждым. Дети всегда чувствуют, что один из родителей сильнее, ему они либо не могут сказать “нет”, либо предпочитают не говорить. Как правило, дочери считают более сильным партнером отца. В нашем случае не секрет, что Кинтана считает более сильным партнером Джона. Она обсуждает это с доктором Кассом. И потому особенно важно сделать так, чтобы она могла сообщать обо всех своих тревогах и сомнениях вам, потому что она, возможно, не хочет, чтобы Джон даже думал, что у нее есть такие тревоги и сомнения. Это вполне нормальная форма семейных отношений, но в данном случае она заостряется двумя факторами: во-первых, ее ситуацией, и во-вторых, действительно,

вашим страхом перед коммуникацией. Вначале вы категорически не желали общаться со мной. Вы стали намного более открытой, хотя и не до конца. Если вы сможете привнести эту открытость в свои отношения с Кинтаной, думаю, она ответит вам взаимностью.

31 мая 2000 года

Я напомнила доктору Маккиннону, что в день ежегодной встречи мне понадобится сдвинуть время нашей сессии, и сообщила ему, что я сократила золофт до четверти таблетки через день.

— Лишь бы этого хватало, — сказал он.

Я сказала, я не знаю, хватало ли золофта на этой неделе, поскольку Кинтана вновь отправилась в Пресвитерианскую больницу на детокс. Я пояснила, что на прошлой неделе нас чрезвычайно ободрили, даже до эйфории, две новости: я рассказала о ее разговоре с Гриффином[29] и о самом Гриффине, а также о сообщении Гриффина, что она все-таки связалась с Робертом Фоксом. Это показалось настолько хорошим знаком, что мы оба, и ты, и я, отмели в сторону и не обсудили друг с другом определенные сигналы опасности в воскресенье: лишь впоследствии мы оба признали, что уловили во время воскресного разговора по телефону намек на то, что она выпила, с запозданием приехала в воскресенье вечером к Эрлу. А

[29] Примечания: 29

Гриффин Данн (род. 1955) — актер, режиссер и продюсер, сын Джонатана, брата Джона.

потом звонок в понедельник днем. Поездка к ней на квартиру. Крайне переменчивое настроение. Порой враждебность по отношению к нам, в особенности по отношению к доктору Кассу.

— Почему она выражала враждебность по отношению к доктору Кассу?

Я сказала, я полагаю, это был перенос враждебности. На самом деле она злилась на кого-то другого, на что-то другое.

— Она сердилась на себя, да. Так что она проецировала гнев на каждого, кто оказывался поблизости. Но какую конкретно форму приняли ее жалобы на доктора Касса?

Я сказала, она жаловалась, что он ее не слушает, не интересуется ею, не заботится о ней и т. д. Я спросила ее, говорила она с ним об этом. Она сказала, да — но я не уверена, что это правда, — и что он сказал: “Все, что я говорю или делаю, имеет терапевтическое значение”. Я сказала, что в понедельник в ее жалобах была явная иррациональность, — объяснила решение оставить ее у нас в ночь понедельника, а не помещать в закрытое психиатрическое отделение. Она активно участвовала в этом решении, и он, и я объяснили ей этот выбор, и она приняла его вместе с нами, но весь вечер она бранила его за то, что он не

госпитализировал ее сразу же: она умрет сегодня и никому даже дела нет — в особенности доктору Кассу, но подразумевалось, что и нам.

— Вряд ли вам удалось поспать в эту ночь…

Я сказала, она заметно успокоилась после того, как доктор Касс разрешил дать ей 20 мг либриума. Как только она приняла либриум, ситуация разрешилась, она даже стала искать ближайшую встречу АА. Ты отвез ее на 73-ю улицу, а затем на 79-ю, в поисках собрания, и выяснил, что следующее состоится в 10 часов вечера. Так что мы поужинали, и я поехала на собрание вместе с ней. Я сказала, как он легко может догадаться, собрание в 10 часов в последний вечер долгого праздничного уикенда привлекает настоящие “трудные случаи”, и мне показалось, она была тронута и их рассказами, и их реакциями на ее рассказ. На собрании она начала тихо плакать.

— Как вы поступили, когда заметили, что она плачет?

Я сказала, я обняла ее за плечи.

— Должен вам сказать, на мой взгляд, все это очень ободряет. Она пришла к вам, вы оба отреагировали, провели ее через кризис, помогли ей увидеть, что она не одна.

Я сказала, у нее в крови явно был еще высокий

уровень алкоголя. Например, она забыла, что утром собирается в больницу, а когда я ей напомнила, она, по сути, обвинила меня и доктора Касса в том, что мы все это подстроили за ее спиной. Она была крайне лабильна. Она набросилась на тебя, восприняла как упрек себе что-то, что ты сказал и что никоим образом не подразумевало упрека. Ты спросил, не будет ли лучше, если ты выйдешь из комнаты. Она рявкнула: “Да, уйди!” А через несколько минут: “Где же папа, ну конечно, его тут нет, он не может этого вынести”.

— И так плохо, и эдак, — сказал доктор Маккиннон.

Я сказала, это я ей и говорила. Обратила это в шутку, сказала, что невозможно иметь все сразу, нельзя велеть человеку уйти, а потом жаловаться, что его нет рядом. Я прочла все книги, я знаю, что это такое, эти игры созависимости, в которые я больше не играю, в этом на меня не рассчитывай, я вне игры. И — таков был уровень ее лабильности — она рассмеялась.

— Вы очень хорошо справились. В самом деле. Просто замечательно. Вы сказали ей именно то, что надо было сказать.

Я сказала, в ту ночь была одна тема, относительно которой она была полностью осознанна

и необычайно откровенна. — это касалось ее работы, фотографии. Она сказала, что не может вынести разбор своих фотографий, это причиняет слишком сильную боль, потому что когда она их разбирает, то видит, что они по-настоящему, по-настоящему хороши. Я спросила, почему это причиняет боль, и когда у нее, кажется, не нашлось ясного ответа, высказала предположение, что эта боль вполне естественна и она вызвана страхом, что ей так и не хватит воли или отваги показать свою работу, позволить ее оценить. Она согласилась.

Я сказала, я явственно чувствую, насколько ей легче выпить, чем лицом к лицу принять свою работу. И я высказала убеждение, что ее нынешний кризис в значительной степени проистекает из того, что можно было бы назвать карьерным кризисом.

— Безусловно, так и есть, — сказал он. — Она пьет, чтобы заглушить боль, изгнать страх о своем будущем. Подозреваю, что для нее будет жизненно важно получить какое-то признание в искусстве. У нее есть потребность работать и видеть, что ее работу сумели оценить.

Я сказала, перед тем она передала мне слова Роберта Фокса: алкоголик чувствует пустоту внутри,

бездну. Выпивка поначалу создает впечатление, будто эта бездна заполняется — вот почему перед выпивкой устоять невозможно, — и если перестаешь пить, нужно заполнять бездну каким-то другим способом. АА заполняет ее. В этом вся суть АА, так он сказал ей, и это вызвало у нее сильный отклик. Так что в тот момент я постаралась объяснить Кинтане, что пустоту внутри ощущают даже те люди, которые не становятся алкоголиками — каждый с малейшей наклонностью к депрессии ощущает это, я ощущала это. Работа — вот чем я заполняла свою бездну. Я напомнила ей, что ты и я всегда работаем по выходным. Сказала, что мы это так раньше не делали, но в какой-то момент обнаружили, что работа в выходные может смягчить то, что мы называли воскресным зудом. Я сказала ей, что я надеюсь — наступит время, когда она сумеет обрести в работе такое же утешение.

— Заведующий моей кафедры, в пору, когда я был студентом-медиком, говаривал, что работа — самый эффективный антидепрессант, — сказал он. — Вот почему словечко “трудоголик” на самом деле отражает истину.

Я сказала, отчасти и потому, что мы оба, ты и я, так сильно зависим от своей способности рабо-

тать, прошедший год дался нам с таким трудом. В особенности тяжело по нам ударил нынешний кризис.

— Мне это кажется очень интересным в связи со всем, что вы сейчас мне рассказали. Есть ли у вас соображения о том, почему он показался особенно тяжелым?

Я сказала, я полагаю, что это связано с усталостью, с тем, что мы износились, уже не способны разглядеть в этой ситуации какую-то не слишком отдаленную надежду, учитывая, сколько раз мы уже сталкивались точно с такими же событиями.

— Такое объяснение возможно, однако мне представляется другое. Я наблюдал, как вы проходили через ряд подобных событий — не все из них, но вы, безусловно, описывали и те, что произошли до первой нашей встречи. Я бы предположил, что этот раз дался вам труднее, потому что вы позволили себе подойти ближе. Ближе к ней. Меньше интеллектуализировать, подлинно разделить ее боль.

— Вы имеете в виду — чем пытаться управлять ею, побыстрее пройти через это, разглядеть хорошую сторону — и вперед, на Запад?

— Именно это я и имею в виду. Я думаю, эмо-

ционально вы удерживали все это на расстоянии вытянутой руки. Поймите меня правильно — я не предполагаю, будто вы ее не любите. Я предполагаю, что именно потому, что вы так сильно ее любите, вы взяли на себя роль исправлять ситуацию, делать так, чтобы все было хорошо. На этот раз вы не стали так себя вести. У вас не нашлось ответов на все. Вы просто переживали это вместе с ней, позволили ей опереться на вас. Как раз это ей и нужно. Теперь вы можете ей это дать, потому что сами стали намного сильнее.

Я сказала, я думала, основная идея заключается в том, чтобы она не опиралась на нас, ведь ее гнев отчасти вызван тем, что она слишком от нас зависит.

— Да, зависит. И ей предстоит перерасти это, хотя бы по той очевидной причине, что, если только она сама не убьет себя, вы и Джон умрете раньше нее. Но прежде чем она сможет перерасти свою зависимость, ей нужно понять, что вы ей сочувствуете — не пытаясь при этом управлять. Прямо сейчас ей нужно ваше эмпатическое, без критики, присутствие. Это то, что вы оба сумели ей дать в нынешнем кризисе. Это потребовало от вас очень много сил. Я знаю это. При моей работе — всю неделю общаясь с зависимыми от меня

пациентами — в выходные я предпочел бы уже ни о чем не думать. Я не в состоянии смотреть какие-нибудь “Шепоты и крики”. И когда я разговариваю с коллегами, которые смотрят такое, я поневоле начинаю сомневаться, так ли внимательно они слушали своих пациентов на неделе.

Я сказала, возможно, было бы полезно — когда Кинтана выйдет из больницы — нам с ней вместе регулярно посещать собрания АА начального уровня, в идеале в такое время, чтобы потом вместе пообедать.

— Это лучшее, что вы могли бы сделать для нее.

7 июня 2000 года

ДД, ДГД[30]

Доктор Маккинон сказал, что подготовился к этой встрече, подробно поговорив с доктором Кассом. В настоящий момент доктор Касс видит основную проблему Кью в том, что она в любой ситуации пытается угодить другим людям. Доктор Маккиннон и доктор Касс обсудили проблему, которая возникает в связи с этим в процессе лечения, — склонность Кинтаны не высказывать самой, что у нее на уме, но ждать, пока доктор Касс начнет, затем пытаться подстроиться под него и следовать этой линии разговора, а под конец обижаться на него — почему он не заговорил о том, о чем она хотела поговорить.

Я сказала, нечто в этом роде проявилось в прошлые выходные. Я обсуждала с Кью способы, с помощью которых люди справляются с паникой, унимают тревожность. Я, например, делаю это с помощью работы. Она сказала, ей кажется, в ее случае тревожность удалось бы унять, если бы она всегда поступала правильно и никто бы на

---

[30] Примечания: 30

На этой сессии к Дидион присоединился Джон Грегори Данн.

нее не сердился. Мне показалось, что это достаточно ясно высвечивает проблему.

— Как раз об этом и говорил доктор Касс, — сказал доктор Маккиннон. — Она говорит людям то, что, как ей кажется, они хотят слышать, а потом обижается на них.

ДГД сказал, на прошлой неделе, когда она позвонила нам, он пытался получить от нее самую основную информацию — включился наш "основной инстинкт", — как давно она пьет, посещает ли собрания АА, на что она сказала: "Не ругай меня", и он оставил эту тему.

— Она будет истолковывать любой вопрос как упрек, — сказал доктор Маккиннон. — Она будет истолковывать вопросы как расследование и даже преследование. Это первое, чему я учу молодых психиатров, только что закончивших медицинскую школу. Пока они учатся, вся среда подталкивает их задавать вопросы, получать информацию. Но невозможно получить информацию, задавая вопросы людям с такой формой расстройства. По большей части они даже не могут вынести ответ на ваш вопрос, каким бы элементарным он вам ни казался.

ДГД сказал, что я сходила с ней на пару воскресных собраний АА и она спрашивала, пойдет ли

он. Он сказал, нет. А когда он позже предложил пойти на собрание вместе с ней, она сказала: “Ты сказал, что не хочешь”. Но ДГД всего лишь, как он пояснил, старался следовать идее, предложенной доктором Кассом, что она воспринимает нас обоих как монолитную пару, всегда делающую все вместе.

— Это правда, — сказал доктор Маккиннон. — Но есть и исключения. Вам приходится считывать ее сигналы. И это очень нелегко, потому что это отношение настолько въелось, стало частью ее личности, что она может и сама не знать, чего на самом деле хочет. Ей даже не сразу приходит в голову спросить себя, чего она сама хочет, потому что привыкла пытаться делать то, чего, как ей кажется, хотите вы. А потом обижаться на вас за это.

Доктор Маккиннон сказал, он спрашивал доктора Касса, известно ли ему, что у нас сложилось несколько моментов близости матери и дочери. Доктор Касс ответил утвердительно. Доктор Маккиннон спросил, как их восприняла Кью. “Ей это не понравилось”, — сказал доктор Касс. “Но была ли она ими растрогана?” — спросил доктор Маккиннон. Доктор Касс не углублялся в этот вопрос, что доктор Маккиннон, кажется, считает

ошибкой. “Потому что ей, понятное дело, это не нравится, — сказал доктор Маккиннон. — Она не хочет никого подпускать близко, она хочет изолироваться: закрыть дверь и оглушить себя. Она не хочет, чтобы ее что-то взволновало или растрогало. Однако это необходимо. Так что продолжайте. В тот день, когда она отреагирует слезами на слезы в ваших глазах, вы поймете, что чего-то достигли”.

ДГД сказал, что мы с Кинтаной вместе избавились от нескольких бутылок в ее квартире. Я сказала, я спросила ее, есть ли бутылки, от которых нам следует избавиться, и она вытащила из морозилки бутылку водки, а потом, когда я спросила насчет пластиковой бутылки, она понюхала ее и сказала, да, это водка.

— Кто выливал? — спросил он.

Я сказала, это сделала я.

— Почему вы не предоставили ей сделать это самой?

Я сказала, я боялась, это может послужить триггером, к тому же это казалось не таким уж важным моментом, ведь наши намерения в тот момент не были разными.

— Вам следовало предоставить ей сделать это, — сказал он. — Эти незначительные мо-

менты важны. Вам следовало предоставить ей автономию, независимость для принятия собственного решения.

Я сказала, я уверена, будут и другие решения, которые она сможет принять сама, ведь я не спрашивала, не осталось ли что-нибудь у нее в спальне.

— Хорошо, — сказал он. — И не питайте иллюзий: она пойдет и купит другую бутылку. И тогда ей придется принимать решение самостоятельно.

Доктор Маккиннон сказал, есть одна сфера, в особенности сложная для Кью. Это связано с нашими с тобой отношениями — которые во многих смыслах уникальны и с раннего детства подвергали ее необычным вызовам. Люди, проводящие всю жизнь вместе, сказал он, вырабатывают определенные формы совместной жизни: они предоставляют друг другу достаточно пространства, они не высказывают все, что думают, в тот самый момент, когда это подумают, они воздерживаются от тех форм самовыражения, от которых обычно не воздерживаются мужья и жены, большую часть жизни проводящие по отдельности друг от друга.

— Ваши отношения и поныне сбивают Кинтану

с толку. Она до сих пор никак не может понять, как на самом деле устроены отношения между мужчиной и женщиной. Она все пытается разгадать вас и не может. Она воображает, будто вы хотите или ожидаете чего-то от нее, но не имеет ни малейшего представления, чего именно.

ДГД задал вопрос о собрании АА в четверг вечером: будет ли с его стороны правильно пойти с ней?

— Да, если она тоже этого хочет.

Я сказала, трудно будет понять, чего она хочет, поскольку мы спросим: “Хочешь ли ты этого”, а она ответит: “Вы не обязаны”.

— Это предоставит вам возможность заняться этой проблемой — что она никогда не говорит, чего хочет она сама. Выразите это в такой форме, чтобы она не смогла истолковать это как упрек, но чтобы показать, что вы все вместе боретесь с этой проблемой. Вы могли бы сказать, что пришли к пониманию: в вас — одна из причин того, что она воздерживается от выражения своих чувств, не склонна говорить или даже обдумывать, чего хочет она сама, и теперь вы хотели бы это изменить, переломить прежнюю семейную динамику. Используйте любую открывающуюся возможность, чтобы затронуть этот вопрос, побу-

дить ее вглядеться, подумать над этим, рискнуть высказать то, что она хочет, даже если она боится не угодить этим вам. Если нужно выбрать что-то одно, наиболее ценное из обсуждавшегося нынче, я бы назвал именно эту идею.

15 июня 2000 года

Обсуждение болей в спине у ДД (средств от нее), инициированное ДД, возможности постепенно увеличить дозу золофта до четверти таблетки ежедневно. Я сказала, четверти таблетки недостаточно, взять хотя бы мое вчерашнее настроение.

Обсуждение вчерашней тревожности. Я сказала, в значительной степени она связана с работой: наша работа оставалась, по крайней мере отчасти, под контролем до очередной госпитализации Кью, но с тех пор у нас нет ощущения контроля. И поскольку мы оба существенно вкладываемся в свою работу, это выплеснулось наружу в форме общей тревожности. В этом одна из причин, почему мне показалось хорошей идеей позвать тебя со мной в прошлый раз. Я сказала, мы не знаем, каково на самом деле эмоциональное состояние Кинтаны. В прошлый четверг вечером вроде бы с ней все было хорошо, за ужином у нас вышел хороший откровенный разговор, ты сходил на собрание вместе с ней и т. д.

Так продолжалось несколько дней, а потом, когда я встретилась с ней в воскресенье в Святом

Иоанне Богослове, мне показалось, ее эмоции вышли из-под контроля, и на собрании она говорила так, как не раз и прежде говорила при мне, но только в тех случаях, когда бывала очень расстроена, пьяна или выходила из запоя. Я описала собрание, и как потом она плакала в соборе, и как постепенно выбиралась из этого состояния во второй половине дня и вечером.

— Она в полном смятении, — сказал он. — Вы должны понимать, она все еще оправляется после запоя. Она все еще не может поддерживать душевное равновесие. Это естественно. Все, что вы можете сейчас сделать, — оказывать ей поддержку, и вы это делаете. Вы не можете решать за нее ее проблемы. Я думаю, вам стоит сосредоточиться на том, что у нее получается, на уже имеющемся прогрессе. Она избежала каких-либо импульсивных, безумных или саморазрушительных поступков. Она не бросила работу и не взялась за работу, которую на самом деле не хотела. Она проявила в этом отношении замечательное терпение — в ситуации, которая многих алкоголиков сделала бы нетерпеливыми до крайности.

Я сказала, она упоминала, как доктор Касс сказал ей, что мы боимся, как бы она не попыталась

покончить с собой. Я сказала, ее это, кажется, застало врасплох, и это в свою очередь так поразило меня, что мой ответ, как я подумала впоследствии, был неадекватным. Я думала, я уже не раз говорила с ней — мы оба говорили с ней — о том, каким несчастьем это стало бы для нас. Задним числом я могу лишь предположить, что я выражалась обиняками и она не поняла мою мысль,

— Возможно, так и было, — сказал он. — Почти всегда так бывает. “Народная мудрость” не советует заговаривать о суициде с потенциальным самоубийцей — дескать, это может его подтолкнуть. Но это ошибочное мнение. Это миф, к тому же вредоносный, потому что единственное, что могло бы отвратить потенциального самоубийцу от исполнения его плана, — это твердое понимание, что он причинит боль тому, кто его любит. Люди, склонные к самоубийству, обычно верят, что их близким будет без них лучше. Им нужно постоянно твердить, что это не так.

Я сказала, я осведомлена об этой народной мудрости и вполне возможно, что это повлияло на мой выбор слов. Вероятно, я сказала: “Если бы с тобой что-то случилось”, и это позволило ей думать, будто я имею в виду что-то вроде автомобильной аварии. Если я и произнесла слово “самоубий-

ство”, то, вероятно, в контексте разговора о том, как сказалось на близких самоубийство Стивена, — это прозвучало как сравнение, а не как что-то имеющее прямое отношение к ней.

— В следующий раз говорите более прямо, — сказал он. — Она приоткрыла вам щелочку. Используйте ее.

Я сказала, мне тем более было трудно понять ее изумление по поводу того, что это нас тревожит, что она сама рассказывала мне в отделении скорой помощи больницы Нью-Йорка о том, как она действительно в ночь накануне нашего возвращения из Парижа, когда у нее останавливались Тони и Розмари[31], приняла большую дозу либриума после большой дозы алкоголя, подумав при этом: “Я не проснусь утром, но Тони меня обнаружит”.

— Вы указали ей на это?

Я сказала, нет. Одна из причин, почему я не стала об этом говорить: уровень алкоголя у нее в крови в ту ночь в больнице Нью-Йорка (о чем мы узнали позже) превышал три промилле, так что едва ли она вообще помнит, что о чем-то мне рассказывала.

---

[31] Примечания: 31

Тони Данн — сын старшего брата Джона. Он был женат на Розмари Бреслин.

— Три с лишним промилле — запредельно высокий уровень, — сказал он. — И по этой причине я опять-таки считаю, что вам следует поговорить с ней об этом.

Я сказала, мы обсуждали приближающиеся пятидневные выходные.

— Смертельная угроза, — сказал он.

Я сказала, потому-то мы и заговорили об этом. Мы предложили ей поехать в Калифорнию, повидать бабушку, или Стефанию, или Сьюзен. Она ответила, что Сьюзен сказала: “Приезжай, проведи у меня месяц”, но она, Кинтана, этого не хочет — там будет Джесси, там будут дети, множество причин не ехать. Я сказала, это один из примеров ее взаимонепонимания с друзьями. Она убедила себя, что у нее нет друзей, но на самом деле у нее они есть, только она всех отстранила, закрылась. На каком-то уровне она признает это — но на другом нет.

— Она считает, что не заслуживает друзей, — сказал он. — Считает, что отталкивает их. Это ее внутренняя реальность.

Я сказала, когда она, по-видимому, негативно восприняла идею поездки к Сьюзен, мы предложили ритрит в Хазелдене. Она вроде бы сочла это очень хорошей идеей, утром в понедельник

позвонила своему консультанту в Хазелдене, обсудила и развила с доктором Баскином запасной план — отдохнуть в “Каньон Ранчо” — на случай, если тут ничего не получится. Я сказала, я не знаю, каков итог, но она проявила понимание проблемы и стремилась ее избежать.

— Что бы она ни решила, — сказал он, — я бы вернулся к идее провести какое-то время со Сьюзен, ее мужем и детьми. Прежде всего, я думаю, ей принесло бы пользу — вероятно, больше, чем поездка в Хазелден, хотя тут не нам решать, — провести некоторое время со здоровыми людьми. Я бы просто начал это обсуждение. “Как насчет Джесси и детей, — сказал бы я. — Причина в том, что ты не хочешь их повидать? Или причина в том, что ты боишься, что они не захотят тебя видеть?” Я подозреваю, что она боится каким-то образом нагрузить их своими проблемами — показать себя недостойной, — рассердить их, и тогда они захотят, чтобы она уехала. На самом деле ничего такого не произошло бы — она слишком воспитанна, чтобы допустить такое, но в ее внутренней реальности это уже произошло.

Я сказала, мы провели хороший день со Сьюзен и детьми в апреле, Кинтана так увлеклась игрой с Пабло, своим крестником, что я едва уговорила

ее уехать до часа пик.

— Напомните ей об этом. И вставьте слово “крестник”. Каждый раз, когда появляется шанс подчеркнуть ее связи с людьми, хватайтесь за него.

Он спросил, заинтересовало ли Кинтану, что на прошлой неделе ты участвовал в сессии вместе со мной. Я сказала, думаю, что заинтересовало, мы кратко обсудили это за ужином, но Кинтана, по-видимому, чувствовала, что как бы она ни была заинтересована, сказанное психиатру или психиатром никого более не касается.

— Она не хотела вмешиваться, — сказал он. — Но вы могли бы сказать ей, что, если вы обсудите происходившее на одной из наших встреч, из этого не следует, будто вы ожидаете от нее рассказа о ее встречах с доктором Кассом.

Он спросил, считаешь ли ты полезной нашу встречу на прошлой неделе. Я сказала, я думаю, да.

— Вы обсуждали с Кинтаной то, что я сказал: что она не понимает, как устроены ваши отношения?

Я сказала, мы обсудили это в более общих формулировках.

— Возможно, вам следует быть конкретнее. Нас-

чет того, чего именно она не понимает. Потому что это глубинная часть ее проблемы. Она по-прежнему воспринимает это как часть семейной динамики — а динамики не существует. Если она вообще была когда-либо. Если б ей было восемь лет и у вас случился бы с ней такой разговор, как сейчас, вы могли бы наставить ее на путь истинный за две недели. Но в ее возрасте подобный образ мышления может быть очень устойчивым. Скорректировать его — показать ей заблуждения насчет самой себя в отношениях с вами и своим отцом — ключевая задача ее терапии.

Я сказала, наш разговор на прошлой неделе побудил меня к размышлениям о том, как могла воспринимать нас Кинтана в детстве. Я сказала, я увидела параллель с тем, что доктор Маккиннон говорил мне о невысказанных знаках — о депрессии моего отца, его суицидальных мыслях, о реакции на них матери, — которые я сама улавливала в детстве. В свете того, что я поняла о самой себе, мне показалось вполне возможным, что Кинтана замечала напряжение в нашем доме — высказанное или невысказанное. Я сказала, что ее раннее детство пришлось на те годы, когда у нас почти не было денег, мы оба тревожились, мы еще не пробыли в браке достаточно долго,

чтобы полностью укрепиться в намерении сохранить его навсегда. Все это вполне естественные проблемы для этого периода любой жизни и любого брака, но Кинтана вполне могла воспринять это как потенциальную катастрофу.

— Точно. Она знала, что удочерена, у нее были родители, которые удочерили и любили ее, но что с ней сталось бы, если бы с ними что-то случилось? Я думаю, вы убедитесь: когда она осознает, насколько вы сильны как пара, она станет понимать, что эти ее детские истолкования были страшилкой, пугающим порождением ее фантазии.

Я сказала, что знаю: она всегда считала меня хрупкой.

— Так и есть. Думаю, многие люди считают так же. Дело не только в вашей телесной хрупкости, но и в том, как вы общаетесь с людьми, как близки к выходу на поверхность ваши эмоции — все в ваших эмоциональных интонациях создает впечатление хрупкости. Но на самом деле это не так. На самом деле вы чрезвычайно сильная.

Я сказала, подруга однажды заметила, что большинство ее знакомых имеют очень сильную и компетентную “наружность”, а внутри — желе дрожащее; я же точная противоположность.

— В высшей степени проницательно. Если вы никогда не передавали эти слова Кинтане, думаю, вам следует это сделать. Желательно при ближайшей встрече.

21 июня 2000 года

Доктор Маккиннон спросил, что я читаю, что у меня в ноутбуке. Я сказала, кое-что о трастах с возможностью отзыва, — это я загрузила из сети, когда пошла к нему. Я сказала, я пытаюсь вооружиться перед звонком, которого ожидаю от нашего юриста. Сказала, мы хотим такой траст по той очевидной причине, что он заменяет завещание и передает имущество напрямую, без расходов на вступление в права.

— Поскольку вы там самым экономите на гонораре своего юриста, от него едва ли приходится ждать особого энтузиазма, — сказал он.

Я сказала, поскольку юристу за восемьдесят, мы рассчитываем его пережить.

— Но у него есть фирма. Издержки на вступление в наследство — хлеб и масло юридических фирм. Кого вы назначите управляющими трастом?

Я сказала, пока не знаю. Выгодоприобретателем будет Кинтана, и траст будет на ее имя: как мне представляется, это означает, что после смерти нас обоих она получит над ним полный контроль.

Я сказала, тут есть один интересный момент. Даже когда мы в последний раз составляли завещание, я склонялась к тому, чтобы защитить ее, ограничив ей доступ к деньгам. Больше я не имею такого желания. И это показалось мне странным, ведь я знаю, что сейчас она куда меньше способна проявлять ответственность, чем мне казалось при составлении последнего завещания.

— Я это вовсе не считаю странным. Я считаю это чрезвычайно здоровым развитием. Вы осознали, что не контролируете ее жизнь. Вы вручаете ей ответственность за ее собственную жизнь. Вопросы, связанные с наследством, весьма сложны. Речь всегда идет не только о деньгах. Они побуждают нас задуматься о том, что мы однажды перестанем существовать, оценить, насколько успешна или провальна была наша жизнь. Естественно, это область сильных эмоций. Мы пытаемся обойти их, прибегая к сугубо юридическим терминам, но они никуда не денутся.

Я сказала, я прошла через крупный непроговоренный конфликт с братом из-за нескольких пунктов в завещании наших родителей. В особенности по вопросу, должен ли созданный ими траст быть распределен между нами или же достаться нашим детям. Очевидно, удалось бы

избежать большей части налога на наследство, передав в неприкосновенности наследство родителей нашим детям. Но я воспротивилась, потому что это означало бы, что Кинтана получит четверть наследства, а не половину, которая ей достанется, если траст сначала перейдет ко мне. Здесь я одержала верх, но после затянувшейся борьбы, о которой мы никогда не говорили вслух.

— Это, наверное, было очень тяжело. Это должно было вызвать всевозможные страхи и предчувствия семейного конфликта, который разобьет семью. Возможно, это даже заставило вас задуматься о ценности семьи.

Я сказала, другая напряженная тема возникла вчера, в разговоре с матерью. Она попросила брата купить определенное место для ее праха. Церковь продает места только попарно, и Джим сказал мне, это идеальный момент, чтобы забрать прах нашего отца оттуда, где он находится сейчас, из захоронения, принадлежащего семье его матери в Сакраменто. Я была против, но сказала только, что это нужно обсудить с матерью. Мама, когда я с ней вчера об этом заговорила, была крайне против. Она сказала, его прах там, где он сам бы хотел, и она не желает его переме-

щать. Она уже сообщила об этом Джиму, а потом подумала, что была слишком резка. Я сказала ей, что, по-моему, Джим не понимает, ни насколько папа был привязан к Сакраменто, ни как он был сосредоточен на своей матери в последние год-два своей жизни. Мать сказала, она думает, папа мог сказать что-то в этом духе и Джиму. Думаю, если он и высказался, Джим вряд ли его услышал. Так или иначе, я сказала, что поговорю с Джимом. Я знаю, что предстоит битва.

— Причем неизбежно будет затронут вопрос о том, насколько неразлучны были на самом деле ваши отец и мать.

Я сказала, что, на мой взгляд, они явно были не столь неразлучны, как это видится Джиму. Хронологически я была уже более восприимчивой в годы войны, когда они не были вместе. И я была в большей степени подключена к конфликтам послевоенных лет. Поразмыслив, я вижу, что вообще не воспринимала их как нераздельную пару. И не думаю, что так воспринимала их мама. И все же я несколько раз — когда возила ее на мероприятие в Беркли, и его курс присоединился к процессии, и когда на семейных встречах кто-нибудь поднимал тост в его память, — видела, как она плачет. Каждый раз я слегка удивля-

лась, а потом подумала, может быть, они и были неразлучны, и как бы ужасно он ни вел себя в последние годы, она все же действительно по нему тосковала. А теперь я гадаю, не было ли все это еще более неоднозначно.

— Слезы всегда не так однозначны, как кажется. По моему опыту, они могут выражать практически любую ноту на шкале эмоций. Ваша мама плачет. Вы плачете. Если бы вы исследовали эмоции, стоящие за вашими собственными слезами, вы смогли бы понять чувства матери. Некоторые люди никогда не плачут. Их чувства загнаны глубоко вовнутрь. Ваши же очень близко к поверхности. У меня сложилось впечатление, что ваша эмоциональность — одно из тех свойств, что привлекает вашего мужа…

Ни в малейшей степени, сказала я. Его это раздражает.

— На некотором уровне, вероятно, да. На другом — вы состоите в браке уже 36 лет. Не думаю, что это всего-навсего летаргия.

Я сказала, ты не из тех людей, кто никогда не плачет: я видела, хотя и нечасто, как ты плачешь. Но это всегда было в уместный момент. Не из-за пустяков. Например, когда умер твой брат.

— За нашу короткую встречу с ним у меня

возникло сильное ощущение стоицизма или контроля. Я бы сказал, что он способен иметь с чем-то дело и одновременно эмоционально сохранять дистанцию. И так же, как я бы сказал, что его привлекает ваша эмоциональность, я бы сказал, что вас привлекает его контроль.

Я сказала, на прошлой неделе он с некоторым удивлением упомянул о моей силе. Я сказала, я думала об этом и задавалась вопросом, не представляет ли собой то, что кажется силой, лишь высокоразвитую способность разграничивать области жизни.

— Да, вы умеете разграничивать, но я вижу в этом подлинную силу.

Я сказала, я начала думать об источнике этой способности разграничивать. Я сказала, я думаю, она проистекает из типичного сюжета “вперед, на Запад”, который вколачивали в меня в детстве. Бросаешь всю поклажу, избавляешься от пианино, и книг, и бабушкиного сундука из палисандрового дерева, или не поспеешь к скале Индепенденс-Рок вовремя, чтобы пересечь Сьерру до снегопада. Я сказала, со временем я увидела в этой истории множество противоречий, и прежде всего: где ты окажешься, когда доберешься туда? И с чем на самом деле расстанешься?

— Вы знаете, чему посвящена вся эта сессия?

Не знаю, сказала я.

— Она о вынужденной необходимости подводить итоги. Оглянуться на свою жизнь. Задаться вопросом, прожили ли вы ее по-настоящему. Спросить себя, что вы действительно готовы оставить позади. Вопрос, с которым каждому приходится сталкиваться. И сталкиваться с ним нелегко. Но если вы сейчас посмотрите ему в лицо и осуществите изменения, которые вам нужно осуществить, у вас появится шанс умереть с миром.

Я сказала, мы оба чувствуем, как давит на нас время. Как не хватает времени сделать то, что для нас важно. И приходится писать киносценарии, когда нам следовало бы делать то, что мы хотим. Каждый раз, когда мы думаем, может быть, появился шанс выбраться из-под этих обязательств, Кинтана наносит свой удар. И порой я не могу избавиться от определенной доли обиды на нее.

— Разумеется, вы не можете этого не чувствовать. Вы оказались в ловушке ответственности за нее. Вы позволяете ей держать вас в заложниках — и это в свою очередь превращает в заложницы и ее саму. Она чувствует себя заложницей. Она говорит об этом. Она чувствует такую же ответ-

ственность за вас и Джона, как вы за нее. Я думаю, осознание этой обиды может иметь ценные последствия для нее.

Каким образом? — спросила я.

— Короткого ответа не будет. Нам нужно об этом подумать. Нужно подробно обсудить. Но я думаю, мы подбираемся к тому, чтобы суметь это обсудить.

28 июня 2000 года

Я сказала, после нашей встречи на прошлой неделе мне пришло в голову, что разговор, до которого мы добрались — о подведении итогов жизни, о том, чего она стоила, какое наследство оставляешь — вероятно, был у меня на уме весь этот год. Ситуация с Кинтаной выявила и усугубила более общую озабоченность работой, смыслом и т. д. И на самом деле этот вопрос спровоцировал то, что, вероятно, сводится к кризису заключительного периода жизни.

— Безусловно, — сказал он.

Я сказала, я все понимаю, но по-прежнему не знаю, что с этим делать, как разрешить кризис. Сказала, что ситуация с Кинтаной в данный момент выглядит хорошо. Она очень позитивно отреагировала на специалиста по аддикциям, легко влилась в группу, в которую он ее включил, и нашла ее очень полезной. Я сказала, мы видим изменения. Она и выглядит лучше — конечно, потому что не пьет, — но также и мыслит лучше.

Она даже сумела ощутить себя чрезвычайно счастливой — и это “на заднем плане” тревожит

меня — по поводу свидания и ужина с кем-то. Я сказала, впервые за долгое время мы видели ее такой, — а тревога, конечно, связана с тем, что свидание окажется неудачным, возможно, из-за нее самой.

— Можно смотреть на это таким образом, но существует и другой взгляд. Очевидно, у нее есть прогресс, она позволяет себе надеяться, устанавливать контакт с кем-то извне. Сам факт, что она готова подставиться возможному разочарованию, свидетельствует о большом прогрессе. Было время — и совсем недавно, — когда она бы этого не сделала.

Но что, если это обернется неудачей, сказала я.

— Вполне может обернуться неудачей, — сказал он. — Это жизнь. Она учится все проживать. Вы можете помочь ей, проявляя оптимизм, радуясь вместе с ней, пока это длится. Она может зачерпнуть немного вашего оптимизма. Он бы ей пригодился. Он бы сделал ее более оптимистичной, дал возможность справляться с собственными депрессивными периодами. Вам не следует все время высматривать очередные ухабы на дорогах. Оттого, что вы заранее предвидите ухаб, он не исчезнет. Вы боитесь, что не будете готовы справиться с ним, если не суме-

ете заранее его предугадать, но вы справитесь. Включится адреналин — и вы справитесь. Но до тех пор можно быть счастливой. И это даст вам больше сил, чтобы справиться, — и ей тоже даст больше сил.

Я сказала, после целой жизни, когда я высматривала ухабы впереди — или, как я это всегда называла, змей на росчисти, — я не знаю, как мне перестать это делать.

— Люди могут меняться. Я вырос в семье, похожей на вашу. Я был так же депрессивен, как вы, всегда высматривал ухаб или змею. Множество психиатров выбрало эту профессию именно потому, что сами находятся в депрессии. Вот почему процент самоубийств среди психиатров вчетверо превышает данные по другим профессиям. Так что я знаю — по личному опыту: изменения возможны. Депрессия — привычка ума. Вы можете изменить эту привычку.

Я сказала, насчет воздействия этой привычки ума на Кинтану: мы признались ей на этой неделе, что мы оба в депрессии. Это, по-видимому, вызвало у нее большую озабоченность, пока мы не пояснили, что это связано с определенными проблемами по работе. Не совсем так, но уточнять мы не стали.

— Лишь бы не вызвать у нее мысли, что это как-то связано с ней. А в чем причина?

Я сказала, причина в работе, но она выходит за пределы конкретной работы. Речь о том, как сейчас складывается жизнь: мы бы хотели делать больше осмысленной работы и меньше той, в которой смысла нет. Я сказала, на протяжении многих лет мы умели писать сценарии — из которых немалое количество было снято — и все же оставлять себе время на то, что мы действительно хотели делать. Но это становится все труднее. Отчасти это связано с экономикой кинопроизводства — съемки обходятся дороже, требуется больше возни, больше переделок и т. д. Теперь один-единственный фильм может занимать приоритетное место в нашей жизни на протяжении нескольких лет и все же так и не будет снят.

— На этом этапе жизни вам совершенно очевидно не следует делать то, чего вы не хотите. Этого никто не должен делать. Например, мне пришлось принять решение не брать пациентов, которыми я не хочу заниматься. Для этого я вынужден был кое в чем ужаться. Я не имею представления о вашей финансовой ситуации. Можете ли вы себе позволить не работать?

Я сказала, вопрос не в том, что мы хотели бы

перестать работать. Вопрос в том, что мы хотим делать ту работу, которую мы делаем хорошо, за которую получаем некоторое психологическое вознаграждение.

— То есть у вас останется доход, но не такой большой. Я правильно описываю ситуацию?

Я сказала, да.

— Вы можете на него жить?

Я сказала, что понятия не имею.

— На самом деле это очень легко вычислить. Я мог бы научить вас, как это подсчитать, я это умею, все друзья обращаются ко мне, когда у них возникают финансовые вопросы. Но я уверен, что вы с Джоном сумеете разобраться и сами. Вы знаете, сколько у вас есть, вы примерно знаете свой доход за год и знаете, сколько вы потратите.

Я сказала, в формуле есть два неизвестных фактора: какой у нас будет доход и сколько мы потратим.

— Вам никогда не приходилось вписываться в бюджет?

Я сказала, нет. Сказала, нам обоим представляется, что нам, вероятно, придется урезать расходы. Но насколько — и даже действительно ли существует такой фактор — для меня остается загадкой. Прошлой осенью мы попытались с

этим разобраться, сказала я. Наверное, самым красноречивым промахом в нашей попытке был тот факт, что разбираться мы решили в Париже и взяли билеты на “конкорд”.

Он рассмеялся.

— Если вы собираетесь вернуть контроль над своей жизнью, вот лучший способ начать: думаю, вам следует обратиться к своему бухгалтеру и вникнуть в ситуацию.

Я сказала, это вполне очевидно связано с нашей текущей юридической проблемой.

— Думаю, ею вам тоже следует заняться, — сказал он. — Потому что чудесным образом она не рассосется. Очевидно, вам следует заниматься тем, чем вы хотите заниматься. Но вы не можете по-настоящему этим заняться, пока не решите вопросы насчет финансовой обеспеченности. Это может быть… ну, одним из тех моментов, которые волнуют или тревожат также и Кинтану. К тому же ей было бы крайне полезно видеть, как вы получаете удовольствие от своей работы.

Я сказала, в прошлом она это видела, но в последнее время нет. Я сказала, в этом году нам приходилось много писать, и я даже не говорю о книгах. Я сказала, тебе пришлось освещать скандал в полиции Лос-Анджелеса, а мне писать

о Майами.

— Да, вы определенно должны делать такие вещи. Значит, обдумайте все и занимайтесь ими.

Я сказала, есть еще один фактор, который может воспрепятствовать такого рода репортерской работе. Сказала, что мы оба ощущаем все большее нежелание куда-то ехать или что-то делать по одиночке.

— Вы проросли друг в друга. Это придает вам уверенности, но также и очень стесняет. И это иногда побуждает Кинтану чувствовать себя изгоем в семье, состоящей только из вас двоих. Иногда эти двое, как ей кажется, оставляют ее снаружи, а в других случаях берут в клещи, давят. И всегда вас двое, а она одна.

Я сказала, наше единство, наверное, укрепилось — возросло по экспоненте — в тот период и после него, когда я лечилась от рака и мы никому не говорили.

— Да, я думаю, у вас все еще не зажили шрамы с той поры. Шрамы, к которым вы никогда не присматривались. Залечились телесные шрамы, но не эмоциональные.

Я сказала, я думаю, если какие шрамы и остались, то не от самого факта, что я перенесла рак, а от изоляции.

— С тех пор вы кому-нибудь рассказывали?

Я сказала, мы рассказали Кэлвину и Элис[32] по достижении пятилетней отметки, и пояснила, почему мы чувствовали себя виноватыми, в особенности за то, что не рассказали им сразу.

— Когда вы были на лечении, врачи не предлагали вам присоединиться к группе поддержки?

Я сказала, что никогда бы этого не сделала. Так или иначе, я никому не рассказывала. Я даже облучение проходила на 168-й улице, чтобы не наткнуться невзначай на знакомых.

— Думаю, к этому надо будет вернуться в другой раз. Для многих людей рак становится тяжким испытанием.

Я повторила: испытанием для меня был не рак, но, возможно, изоляция.

— Что бы это ни было, думаю, нам нужно будет с этим разобраться.

---

[32] Примечания: 32
Давние друзья Дидион и Данна Кэлвин Триллин и его жена Элис.

5 июля 2000 года

Мы поговорили о том, как полезна оказалась для Кинтаны Аризона. О том, что она каждое утро играла в теннис, занималась собой, убедилась в том, что вполне может многое делать и заботиться о себе вне контекста “лечения”. О том, в какой восторг ее привел вчерашний фейерверк.

Он сказал, для нас должно было быть большим утешением — почувствовать, что она счастлива.

Я сказала, так и было. Я сказала, этим утром я осознала — спохватившись, что пропустила два месяца уколов B12, — что стала очень рассеянной, ведь уколы принадлежат к числу тех вещей, которые я делаю безукоснительно. Задним числом я вижу, что первый пропущенный укол пришелся на кризис Кинтаны, когда обошлось без больницы, второй был пропущен, когда она проходила в Милстейне третий курс детокса.

— В пору кризиса полностью сосредотачиваешься на кризисе. И это, как правило, означает, что вы сосредотачиваетесь на ком-то другом, а не на себе.

Я сказала, мы все же смогли заняться тем, чтобы

разделаться с работой, которую должны закончить прежде, чем сможем вернуться к тому, чем мы хотим заниматься.

Тут он начал задавать ряд казавшихся поначалу избыточными вопросов — о том, как пишется сценарий, как разрабатывается сцена, как раскрываются характеры.

— Вы должны проникнуть в состояния ума этих вымышленных персонажей, — сказал он.

Я сказала, да.

— Это требует глубокой сосредоточенности, — сказал он. — Которой вам в последнее время было трудно или вовсе невозможно достичь.

Я сказала, да, и это, конечно, стало одной из причин нашего общего недовольства работой. И, конечно, это было связано с ситуацией Кинтаны.

Я упомянула, что прочла, как в Институте Смизерса отходят от так называемой “миннесотской модели”. Что они рассматривают этот шаг как возвращение к традиционной медицине, в которой, если план лечения не срабатывает, меняют лечение, а не возлагают вину на пациента. Министерство здравоохранения подталкивает их в этом направлении, поскольку исследования не показали особого успеха “миннесотской модели”.

— Я бы не слишком доверял исследованиям, проводимым государственными организациями, — сказал он.

С другой стороны, сказала я, даже собственные оценки Хазелдена показывают, на мой взгляд, довольно невысокий процент хороших результатов.

— Алкогольная зависимость — на самом деле всякая зависимость — чрезвычайно упорно сопротивляется любому лечению. Некоторые люди исцеляются, но не думаю, что кто-нибудь действительно знает, как это происходит.

Я сказала, я не хочу питать ложные надежды, но в эти выходные мне показалась, что, может быть, Кинтана сумеет исцелиться. Что она даже о своей биологической семье отзывалась, как мне кажется, без гнева, обиды или тревоги. “Забавно, что я оказалась в Тусоне и Далласе”, — сказала она в какой-то момент, но, кажется, без напряжения. Подобного не случалось с тех пор, как родственники вступили с ней в контакт[33]. Я сказала, во многих отношениях этот контакт выявил и обострил ее проблему с выпивкой. И что более опасно, он экспоненциально усилил

---

[33] Примечания: 33

Биологическая сестра нашла Кинтану в 1998 г. с помощью частного детектива. Эта семья жила в Техасе.

ее чувства тревоги и вины. Было и еще кое-что: она обнаружила, что буквально вся семья, за исключением только сестры, — алкоголики. Можно рассматривать это как оправдание, за которое она ухватилась, но я вижу для нее в этом скорее причину сказать: ладно, говорят, я одна из них, вот я и буду одной из них.

— Если верить в генетический фактор алкоголизма, это бы могло послужить подтверждением.

С другой стороны, сказала я, если верить, что основной фактор алкоголизма — среда, подтверждением могли бы послужить семьи, в которых она росла, наши собственные. Я сказала, я не думаю, что в ее детстве был хотя бы один вечер, когда рядом не пили алкоголь. И ни одно светское мероприятие не обходилось без того, чтобы кто-нибудь не напился вдрызг.

— Кто-нибудь, пусть. Но ведь не вы и не ее отец. Дети очень чувствительны к таким состояниям. Они сразу обнаруживают пьяного среди гостей, заглянув на минутку сказать “спокойной ночи”. Вас же она не видела каждый день пьяными дома, так?

Я сказала, нет, но она каждый вечер видела, как я дома немного выпиваю, Я сказала, я особенно

нуждалась в этом, когда работала. Пока я готовила ужин, я просматривала страницы и правила их. Порция алкоголя освобождала меня, и я справлялась с этой задачей, как не справлялась трезвая — получала стимул.

— Алкоголики пьют иначе. Они пьют не затем, чтобы стимулировать работу, поднять настроение или почувствовать себя слегка свободнее. Они пьют, чтобы напиться. Они жаждут забвения. Но когда алкоголь перестает их глушить, тревожность сразу же перерастает в депрессию и гнев. У них на этом пути нет промежуточных остановок, где им было бы хорошо. Поэтому они и не останавливаются.

Я сказала, что думала еще насчет нашего разговора на прошлой неделе о раке, всмотрелась в свои чувства по этому поводу и все-таки так и не обнаружила, чтобы я испытывала какие-то особенные вредоносные эмоции, имея дело с раком как с концепцией.

— Вы должны были чувствовать страх, — сказал он.

Нет, сказала я, не чувствовала. Первоначальной моей реакцией было: это смешно, такое не может произойти со мной, ведь у меня никогда не было груди. Тот факт, что меня помещали в

группу “высокого риска”, что я регулярно посещала онколога с 35 лет, что у мой матери рак был, — все это, по-видимому, ни в малейшей степени не повлияло на мое представление о себе как о свободной от груди. Я сказала, что дважды — впервые, когда рассказала тебе, что ультразвук дал положительный результат, и во второй раз, когда мне позвонили и сообщили об обнаруженной патологии, — я действительно плакала. Но это длилось не более десяти секунд, и, я думаю, слезы были вызваны скорее досадой: нечто вышло из-под моего контроля, это нечто причинит серьезный дискомфорт и, более того, может оказаться катастрофой для нашего бюджета. Как только я поняла, что проблему можно решить и без угрозы для нашего бюджета, она больше меня не беспокоила. Разве что в одном отношении. Я начала осознавать, что само решение — держать все в секрете — оказалось единственным остаточным ущербом. Оно изолировало меня — и нас — от других людей еще больше, чем прежде.

— То есть вы уже чувствовали себя изолированной?

В некоторой степени, сказала я, я всегда чувствовала себя изолированной. В детстве я чувствовала себя крайне изолированной. Это

продолжалось и какое-то время после того, как я вышла за тебя замуж. Вместе, в Калифорнии, хотя мы по-прежнему были изолированы, мы до некоторой степени — до степени, которую я находила вполне комфортной, хорошей стороной нашей жизни там — сделались членами сообщества. Мы проводили выходные в компании, мы приносили окорок соседям, если у них кто-то умирал, мы играли определенную роль в сообществе, хотя и держались в стороне. Я сказала, после переезда в Нью-Йорк мне этого недоставало. Наверное, это в любом случае недолго бы продолжалось и в Калифорнии — люди, которых мы знали, по большей части умерли или сократили общение, к тому же в отличие от многих людей, которых мы знали, наша дочь не хотела вести жизнь в сообществе — но мне этого недоставало. Я сказала, ты напоминал, что самые старые наши друзья жили в Нью-Йорке, и это верно, однако они уже 24 года формировали свою компанию без нас, а мы жили в другом сообществе — и внезапно оказались и ни в том, и ни в другом.

— Джон ощущал это не так остро, как вы?

Я сказала, думаю, что не так.

— Он был более самодостаточным, не так сильно в этом нуждался?

Или вовсе этого не хотел, сказала я.

— Более активный вариант, чем “не нуждался”. Возможно. Однако это поправимо, знаете ли. Думаю, нам нужно более подробно об этом поговорить, поскольку это связано и с той крайней взаимозависимостью, которая существует у вас с Кинтаной.

12 июля 2000 года

Я сказала, если не случится ничего драматического, мы собираемся 21 июля в Гонолулу и вернемся утром 2 августа, так что я приду к нему на следующей неделе и потом 2-го, но среду между этими двумя пропущу. Он сказал, 2 августа он работает последнюю неделю, потом до конца месяца уедет.

Я сказала, Кинтана (с учетом нескольких потенциально угрожающих событий) кажется вполне стабильной. Я пояснила про Мэриан[34] и про отменившееся свидание, которое само по себе не имело особого значения, но, учитывая ее хрупкое душевное состояние, могло причинить существенный ущерб. Я сказала, мы рады были видеть, как она и на то, и на другое отреагировала реалистично и сохраняя баланс.

— Разумеется, ситуация с работой в долгосрочной перспективе может разрушить ее мир, — сказал он. — Более чем вероятно, что здесь потребуются советы и поддержка, но она могла

---

[34] Примечания: 34

6 июля 2000 г. Мэриан Макэвой перешла из *Elle Décor*, где Кинтана работала фотографомы, в *House Beautiful*.

бы рассматривать это и как возможность. *House Beautiful* — это сплошь фотографы. Теперь у нее появился друг там, где прежде, видимо, не было.

Я сказала, что она признает такую возможность. И она получила задание для *Elle Décor,* которого, по-видимому, хотела и ждала. Я не знаю, подействовала ли поездка в Аризону или что-то иное: какие-то факторы совпали и помогли ей осознать свою способность куда-то ездить, что-то делать: в меньшей степени считать себя инвалидом, в меньшей степени чувствовать себя в процессе мучительного “выздоровления” — столь же мучительного на свой лад, как срывы (и всегда включающего в себя угрозу “срыва”).

— Звучит многообещающе. Она будет в Вашингтоне, пока вы уедете?

Я сказала, в первые выходные нашего отсутствия она будет в Вашингтоне, и мы планируем попросить подругу пригласить ее за город на вторые выходные. Так что, если она растеряется или почувствует тревогу, ей будет куда поехать.

Перемена темы. Я сказала, вечером в прошлую среду, после нашего разговора днем о раке и о секретности и изоляции, вышло так, что мы ужинали со знакомой, у которой обнаружили рак груди на год позже, чем у меня. Она не держала

это в секрете — даже если бы и хотела, это было бы сложно, поскольку она проходила химиотерапию. Примерно через год после ее лечения у нас с ней произошел ряд чрезвычайно откровенных, на мой взгляд — для двух человек, не бывших ближайшими подругами, — разговоров о том, как этот диагноз подействовал на нее. Мне вспомнилось, что в какой-то момент я хотела рассказать ей о моем раке, но, разумеется, я этого не сделала — прежде всего, разговоры происходили в ситуации вне времени, в приемной больницы Маккин, когда ее свекровь умирала, а тебя госпитализировали с аритмией. Прошло время, и больше у меня такого желания не возникало, но в среду вечером, когда она и ее муж сообщили, что у нее рецидив — тяжелый вариант, печень — и что она очень немногим в этом призналась, я вновь почувствовала то же побуждение, очень сильное, и рассказала им. Это было освобождающим, но во многих отношениях пугающим поступком. Потом она позвонила. Я передала содержание ее звонка и слово, которое она произнесла: “Прозрачность”

— Вы были откровенны с ней — иными словами, вы дали ей что-то, — и она дала вам что-то взамен, она была откровенна с вами.

Я сказала, возможно, ей откровенность дается легче, поскольку она дочь двух психиатров.

— Так это не работает. На самом деле, известная шутка среди психиатров — что у наших детей больше проблем, чем у кого-либо другого.

Я сказала, Кэролайн в самом деле признавалась, что расти в семье психиатров не так-то легко, она всегда чувствовала, что за ней наблюдают и что она не соответствует ожиданиям. Но, разумеется, добавила я, кто из детей среднего класса не имел таких же ощущений вне зависимости от профессии родителей?

— Все мы чувствовали это, пока росли. Вопрос в том, удалось ли преодолеть это чувство — и в какой момент, и какой ценой.

Я сказала, я сомневаюсь, чтобы пошла на такую откровенность, если бы мы с ним не обсуждали этого всего несколькими часами ранее.

— Уверен, что так и есть. Но суть в том, что вы это сделали. Как вы думаете, вы сможете быть достаточно откровенной с Кинтаной — рассказать ей об этих разговорах?

Я сказала, мы уже рассказали Кинтане, однако я понятия не имею, как она восприняла этот разговор: она не ответила, показался ли он ей столь же замечательным, как нам.

— Неважно, что она сказала и чего не сказала. Поверьте, ее подсознание извлекло из этого разговора нечто очень ценное. Вы сообщили ей — сознаете вы это или нет, понимает ли она это или нет сознательным разумом, — что она не обязана нести за вас полную ответственность, что вы не всецело зависите от нее, что она у вас не в заложниках. Что у вас есть независимая от нее жизнь, у вас есть друзья, вы разговариваете с ними, и они отвечают на то, что вы им говорите. Все не сводится к ней одной. Когда мы с вами начинали наши встречи, мы сосредотачивались на узкой задаче: как вам более эффективно общаться с ней. Потом наши беседы, естественно, сделались шире. Мы обсуждали, как вам более эффективно общаться с другими людьми в вашей жизни, более эффективно справляться с самой жизнью. Это более широкие вопросы, но они неизбежно влияют на то, как вы и Кинтана общаетесь друг с другом. И это, я считаю, один из примеров.

Я сказала, я согласна, что эмоциональная изоляция, которую мы обсуждали, могла, естественно, сделать меня слишком зависимой от нее — то есть я больше эмоционально в нее вкладывалась. Я сказала, как странно, даже парадоксально, что теперь мне приходится думать, что я была

слишком с ней близка, в то время как обычно матери, погруженные в свою жизнь или работу, терзаются угрызениями совести из-за того, что не умеют быть достаточно близки с детьми.

— Вы отмахиваетесь от этой разновидности вины, как от типичной, но едва ли женщина, столь занятая, как вы, не испытывала ее в тот или иной момент. И, вероятно, вы постарались компенсировать — и зашли слишком далеко.

Я сказала, мы замечали, что она слишком держится за нас, но мне никогда не приходило в голову, что и я слишком держусь за нее. Особенно в пору ее отрочества. Моя мать однажды сказала, что, если бы ей пришлось снова воспитывать детей, она бы отослала меня из дома в двенадцать лет и до двадцати.

— Между дочерями-подростками и их матерями существенное напряжение типично. Дочери должны вытолкнуть матерей из своей жизни. Убедиться, что те мертвы. Потом они чувствуют себя виноватыми. Иногда напряжение настолько велико — отчасти, потому что оно имеет отношение к полу и об этом нельзя сказать вслух, — что между матерями и дочерями никогда больше не восстанавливается подлинная откровенность и близость.

Я сказала, это верно применительно ко мне и моей матери, однако я старалась избегать таких острых моментов с Кинтаной. Во многих потенциально стрессовых ситуациях — сопровождать Кинтану на вечеринке, покупать одежду — мне удавалось подрядить вместо себя Доминик. Это было очень, очень удачно. Доминик была всего на шесть лет старше Кинтаны, и Кинтана ее обожала, только что не поклонялась ей. В этом году я не раз задумывалась, оказалась бы Кинтана в столь тяжелом положении, как сейчас, если бы Доминик была жива.

Молчание.

— О чем вы думаете прямо сейчас? — спросил доктор Маккиннон.

Я сказала, я думаю о Доминик. Как часто я жалела, что не поговорила с ней. От ее бойфренда всегда исходили негативные флюиды. Мать Доминик тоже их чувствовала и дала Доминик понять, что он ей не нравится, — это привело Доминик в ярость, и, по крайней мере поначалу, я не хотела принимать роль еще одной вмешивающейся матери в ее жизни. Но становилось ясно, что она несчастлива. Она слишком много пила, она была слишком оживленной, такое возбуждение от несчастья. Я могла поговорить с

ней. Я говорила с ней о других вещах, например, что аборт — не способ предохранения. А после того, как мы столкнулись с ее отцом в Нью-Йорке и он сказал, что она была избита и порвала с бойфрендом, я твердо решила поговорить с ней, объяснить, как опасно снова впускать его в свою жизнь. Но то одно, то другое, такая возможность пока не предоставлялась — а следующее, что я узнала, это что она мертва.

— Как это произошло?

Я описала обстоятельства ее смерти.

— Что, как вам представляется, вы могли бы ей сказать, чтобы это предотвратить?

Я сказала, я не знаю. Но мы были близки. Надо было попытаться.

— Она изменила свое поведение после того, как вы поговорили с ней про аборты?

Я сказала, в этом я сомневаюсь.

— Скорбь — это одно. Вина — другое. Очевидно, ей ни в коем случае не следовало выходить из дома на подъездную дорожку. Она уже подверглась избиению как минимум один раз, а может быть, и больше. Некоторые виды опасного поведения не поддаются никаким, самым доброжелательным усилиям близких людей что-то предотвратить.

Я спросила, имеет ли он в виду ее собственное

опасное поведение.

— Разумеется. Ее поведение было опасным. Мы постоянно наблюдаем это у женщин, подвергающихся насилию. Опасное преувеличение собственных возможностей. Им кажется, они способны совладать с ситуацией, исправить ее.

Я сказала, я предполагаю, что бывала порой склонна преувеличивать собственные возможности. Раз я думала, что могла бы это предотвратить. Исправить ее жизнь. Так же как я думала, что смогу исправить жизнь Кинтаны.

— Именно это я и имею в виду.

6 сентября 2000 года

Доктор Маккиннон спросил, как я провела август. Я сказала, что пыталась писать о кампании, но мне было трудно вникнуть — даже сосредоточиться настолько, чтобы думать о ней или читать книги, не засыпая. И что у тебя похожие проблемы с романом. Но на прошлой неделе я сумела сконцентрироваться — а ты разобрался с конкретной проблемой с романом. И я поняла, что это удалось, по крайней мере отчасти, потому, что Кинтана была в Аризоне.

— Вы не обязаны нести ответственность, — сказал он. — Вы не можете следить за ней.

Я сказала, да, отчасти дело в этом. И в моем случае было кое-что еще. Та самая тема, на которую я решила писать, постоянно возвращала меня к вопросу веры. И это напоминало о том, что мне-то ее и не хватает. А также о моих чувствах по отношению к АА и всей идее веры их программе и к тем проблемам, которые, по-видимому, возникали в связи с этим у Кинтаны. Моя проблема, сказала я, заключается в том, что я вижу эти трудности.

— Лично я считаю, — сказал он, — что любой

успех или неуспех Кинтаны с ее проблемой с выпивкой зависит не от этого вопроса.

Вы думаете, все зависит от того, хочет ли она на самом деле завязать, сказала я.

— От того, способна ли она взять на себя такое обязательство, — сказал он. — Абсолютно. Вся программа “12 шагов” — это вовсе не плохой способ жить, это не причинит вреда, но это лишь способ укрепить или поддержать первоначальное обязательство. Дать алкоголику позитивную программу, чтобы заполнить место, которое заполняла выпивка. Это не волшебство. За вас обязательства никто не примет. Когда вы слышите, что кто-то оказывает АА сильное сопротивление — а самая типичная линия сопротивления связана со “всей этой штукой насчет Бога”, — надо искать причину такого сопротивления. В той или иной версии причина всегда сводится к тому, что человек не готов отказаться от той поддержки, которую обретает в выпивке.

Я сказала, что август дался ей тяжело. Она получала большую поддержку от группы доктора Роскана, однако та, естественно, была распущена на август. Доктор Касс уехал. Ее лучшая подруга перебралась в Лас-Вегас. Ситуация с работой ухудшалась стремительно, вплоть до того, что

десять дней назад, в понедельник, она попросту не вышла на работу. Когда в тот день мы говорили с ней по телефону, она не была пьяна, но проявляла эмоциональную лабильность и хрупкость, которые мы привыкли ассоциировать с ее пьянством.

Я сказала, этого единственного телефонного звонка хватило, чтобы погрузить нас обоих в отчаяние. В тот момент мы не видели никакого выхода. Мы не слышали от нее ничего, что бы указывало на решимость благополучно выйти из этого положения. В тот момент не было даже какого-то способа поговорить с ней об этом. Мы желали только одного — вытащить ее из города целой и невредимой. Мы знали, что ей станет лучше, как только возникнет физическая дистанция с офисом. Но даже в Аризоне у нее, кажется — по крайней мере в тот единственный раз, когда мы это обсуждали, — не появилось стабильного представления о своей ситуации. Она вела себя как ребенок. Все твердила: “Но Пегги так на меня разозлится”.

И не было никакой возможности пробиться через это. “Какая разница, — говорили мы, — ты же все равно собиралась уходить”. Она соглашалась. А потом все начиналось сначала: Пегги на

нее разозлится.

— Ясное дело, она не может перенести, чтобы кто-то на нее сердился, — сказал он. — Она полностью передоверила свою самооценку другим людям.

Очевидно, так, сказала я. Но что же с этим делать? Доктор Касс говорит с ней о необходимости самоутверждения. Она знает, что самоутверждение нормально. И все же ей это недоступно. Я пыталась поговорить с ней об этом перед ее отъездом в Аризону. Почему тебе трудно отстаивать себя? — спросила я. Она сказала, доктор Касс считает, это должно быть связано с тем, что в детстве она не могла отстаивать себя или ей так казалось, — возможно, ты или я или мы вместе одергивали ее и не поощряли. И я сказала, хорошо, допустим, это так, но ведь сейчас мы так не поступаем.

— Сейчас нет, — сказал он, — но она не может отделаться от этой картинки у себя в голове. Она все еще смотрит с точки зрения ребенка. В этом-то и суть подросткового бунта, в этом его цель: вытряхнуть из головы старые образы. Она этого не сделала.

Я сказала, на этой неделе у меня было определенное прозрение насчет того, как я обращалась с

ней в ее детстве. Я рассказала ему, как подумала, узнав про кровотечение у Ната Рича, когда ему удалили миндалины, что он, наверное, слишком много плакал. И сразу же я осознала, что так я думала, когда кровотечение случалось у тебя, у меня и у Стивена: я плакала, это я виновата. Мне было четыре или пять, когда это случилось, но образ, возникший у меня тогда, так и застыл.

— Кто-то вложил этот образ вам в голову, — сказал он.

Или я сама его придумала, сказала я.

— Основываясь на прежнем опыте, — сказал он.

Я продолжала: через несколько дней после того, как я это поняла, я разговаривала с матерью и сообщила ей, что Кинтана, вероятно, будет менять работу, нынешняя сделалась совершенно непродуктивной в сочетании с ее новым режимом. Мать сразу же отреагировала: “Конечно же, она берет столько отгулов”.

— Иными словами, это ее вина, как кровотечение было вашей виной. Я прекрасно понимаю этот паттерн, я сам в нем вырос. Так протестанты воспитывают детей. Поощряя в детях смирение — христианскую добродетель, — они приносят в жертву их самооценку.

— Всегда виноват ребенок. Ведь если бы ребенок не был виноват, это была бы их вина. В этой схеме все непременно должно быть чьей-то виной. Случайностей не существует. Когда зимой я повредил ногу, я, естественно, винил себя. Однажды я заговорил об этом с коллегой, тоже психиатром, евреем. Он посмотрел на меня и сказал: “Вы, ребята, не позволяете себе верить в случайности, так, что ли?” Такой метод воспитания детей может привести лишь к одному из двух: бунту — наиболее частый исход — или излишней зависимости. А если соединить слишком зависимого выросшего ребенка со слишком склонными опекать родителями, складывается безысходная ситуация.

Я сказала, я знаю, что слишком беспокоилась о ее безопасности. В раннем детстве ей был неведом физический страх, а я приучила ее настолько бояться воды, что она с трудом училась плавать. Я так боялась, что с ней может что-то случиться.

— Я прикидываю, не связан ли этот запредельный страх, что с ней может что-то случиться, с вашим чувством вины за то, что вы не сосредоточены полностью на ней каждый миг каждого дня. Я не знаю в точности, откуда у вас взялось это чувство вины, но из ваших слов делаю вывод,

что оно присутствовало. Быть родителем, знаете ли, не подразумевает необходимость держать ребенка в поле зрения каждый миг каждого дня. Суть совсем не в этом. Или это похоже на то, как росли вы сами?

Я сказала, очень может быть. Сказала, что я заметила: когда Кинтана была маленькой и я возила ее в Сакраменто, все внимание было сосредоточено на ней. Весь разговор был обращен к ней. Никто не говорил напрямую друг с другом.

— Они говорили друг с другом, но через посредство ребенка.

Да, сказала я. Я предполагаю, так же было и в моем детстве. Даже то, как были расставлены стулья в гостиной, способствовало такой организации. Папа настаивал, чтобы все столы и стулья помещались вдоль стен. Итак, имелись четыре стены с приставленной к ним мебелью и большое пространство посередине — желательно, чтобы там находился ребенок.

— Наверное, это было очень странное детство. Все разговаривали с вами, но на самом деле не с вами. Я задаю себе вопрос, не потому ли у вас и на сегодняшний день почти не сформировалось представление о прямой коммуникации. Сейчас вы говорите со мной напрямую, но вы не делали

этого поначалу, когда пришли ко мне.

Я сказала, в моем окружении люди не говорили прямо. Сказала, что я тем не менее нахожу это интересным. Эту мысль о неестественной сосредоточенности моей семьи, в особенности моего отца, на детях. Я поняла, когда сама стала взрослой, что это было ненормально. В том числе я поняла это и потому, что ты мне на это указал. Но, возможно, тогда в моей голове еще сидело представление, что именно так я должна сосредоточиться на Кинтане.

— И это влияет, я полагаю, на те смешанные чувства, что вы ощущаете сейчас. Вина…

— И обида.

14 сентября 2000 года

Я сказала, вечером в субботу мы ужинали с Кинтаной. Она вернулась в четверг, вышла на работу, в пятницу посетила доктора Касса, и когда я говорила с ней по телефону, вроде бы соглашалась с доктором Кассом, что ей следует выждать по крайней мере две недели, прежде чем уйти. Разобраться с последующими шагами. Но в субботу вечером эта часть про “разобраться с последующими шагами” исчезла из формулы. Вместо этого мы услышали, что работа превратилась в ад и она не в состоянии заниматься ничем другим, кроме как считать дни до увольнения. Я сказала, нас это обескуражило. В особенности этот вечер обескуражил меня, более чем тебя: ты счел, что поначалу она была в порядке и лишь затем включила негатив.

Я сказала, на следующий день мы с тобой обсуждали вопрос финансовой поддержки. И мы согласились с его советом сделать это в виде единой суммы, некоторого количества денег, которые она могла бы унаследовать, но которые больше пригодятся ей прямо сейчас.

— Хорошо. Вы можете представить себе это в качестве платы за учебу. Университет жизни.

Я сказала, я должна признать, что в определенной степени это сводит меня с ума — не сами деньги, а необходимость переживать о том, что произойдет, когда обучение закончится.

— Вы опять предчувствуете худшее. Не надо. Конечно, она потратит деньги на какие-то глупости, но потом научится направлять их на то, что ей нужно.

Я сказала, на этой неделе мне показалось, что она полностью перекладывает ответственность за то, что с ней станется, на нас — и, вероятно, в качестве альтернативы, на доктора Касса, когда она имеет дело с ним.

— Конечно, так она и делает, — сказал он. — А обратная сторона медали заключается в том, что вы это принимаете.

Я сказала, нет, не принимаю. Именно это я только что начала осознавать.

— Принимаете, — сказал он. — Может быть, не каждый раз, но по крайней мере иногда. Иногда вы это принимаете, а в других случаях, возможно, это принимает Джон. Потому что каждый раз, когда вы чувствуете себя виноватой — каждый раз, когда вы чувствуете какую-то ответственность за

то, что происходит или не происходит с ней, — вы позволяете ей перекладывать ее собственную ответственность на вас. Я прекрасно знаю, что каждую неделю вы и Джон проводите немало часов, переживая за нее. И это не требует от меня особой проницательности. Я бы очень удивился, услышав, что этого не знают и все ваши друзья. Самое главное: она это знает.

Я сказала, на прошлой неделе мы с ним обсуждали ее запредельный страх, что “на нее разозлятся”, который, как она считает, уходит корнями в детский страх, что на нее рассердишься ты или рассержусь я. Обсуждали, как она, видимо, не может оставить позади эту детскую интерпретацию. В своем представлении она всегда была “жертвой” других людей. Я сказала, я знаю, что она и доктор Касс обсуждали это чувство виктимизации, — знаю это исключительно потому, что иногда, в хорошем настроении, она шутит по этому поводу, например: “И вот я опять такая: я жертва!” На этой неделе мне пришло в голову, что она не может оставить это позади — не может, по сути, повзрослеть — по той причине, что извлекает из этого какую-то психологическую выгоду.

— Конечно, извлекает, — сказал он. — Это поз-

воляет ей винить вас. И каждый раз, когда вы принимаете ответственность на себя, она получает возможность и дальше винить вас. Все, что с ней происходит, — неизбежно ваша вина, поскольку вы принимаете решения. Вы должны были защищать ее, она — ваша ответственность. Маленькие дети не боятся за себя, потому что рассчитывают, что их защитят родители. Один из элементов взросления — осознать, что родители не могут всегда защищать вас. Она не хочет перейти этот мост.

Я спросила, как нам помочь ей перейти его.

— Перестаньте так сильно за нее волноваться. Она демонстрирует вам некий вакуум в области принятия решения. Естественный порыв — заполнить этот вакуум, принять решения за нее. И все-таки не поддавайтесь. И проследите, чтобы она поняла: вы не так уж сильно переживаете за нее. Подтолкните ее к тому, чтобы она хотя бы несколько шагов делала сама. Не предвосхищайте ошибки — даже если ваш склад характера этого требует. Допустим, она примет неверное решение. Что ж, это не конец света. Скажем, она совершит ошибку и потом скажет вам: почему ты меня не предупредила, почему ты меня не остановила? Не поддавайтесь и не принимайте в этот

момент вину на себя. Это лучшая возможность приобрести опыт. Скажите ей, что у вас нет ответов на все вопросы, скажите ей, что ее суждение ничуть не хуже вашего, дайте ей понять, что вы перестали ее защищать, потому что сознаете, что не сможете защищать ее вечно.

Я сказала, на прошлой неделе он высказал предположение, что я чересчур ее опекаю, поскольку на каком-то уровне чувствую вину за то, что не уделяла всецело ей свое внимание, что на каком-то уровне у меня довольно специфическое представление о том, что значит быть родителем. Я сказала, меня это удивило, ведь я часто говорила ему, что никогда не чувствовала себя виноватой за то, что работала.

— Я ответил вам на прошлой неделе, что речь не идет о вашей работе. Было что-то еще, чего, по вашим ощущениям, вы ей недодавали.

Я сказала, мои мать и отец, каждый на свой особый лад, давали мне понять: по их мнению, я была недостаточно преданным родителем, слишком часто отсутствовала, слишком много перепоручала няням, недостаточно пристально за ней следила. Я сказала, мне, тем не менее, казалось, что это никак меня не задевает, ведь родители к тому времени давно утратили способ-

ность внушать мне чувство вины.

— Да, они его существенно поизносили, как я догадываюсь. И все же что-то проникло в ваше подсознание.

Я спросила, означает ли это, что я проявляла гиперопеку не только потому, что боялась ее потерять, но и потому, что потерять ее значило расписаться в собственной неадекватности как родителя.

— Я действительно думаю, что вина составляла существенный компонент вашей стратегии родителя.

Я сказала, я знаю, что за какие-то мелочи я чувствовала себя виноватой (день открытых дверей в школе, рождественские конкурсы и т. д.), а тебя это ни в малейшей степени не беспокоило.

— Именно так считает и доктор Касс. Основываясь на том, что рассказывает ему Кинтана: она не воспринимает Джона как гиперопекающего. Только вас. Поэтому на вас она злится за избыток опеки, а на Джона — за ее отсутствие.

Я спросила, как она может сердиться на тебя за то, что ты не душишь ее опекой.

— Она думает, он сердился на нее чаще, чем вы. Короткий запал.

Я сказала, короткий запал — в твоем характере.

Ты злишься и сразу это выплескиваешь, я злюсь и ухожу в себя. Там мы устроены.

— Так устроено большинство семей. Какую позицию вы занимали, когда он сердился на нее? Инстинктивно матери совершают ошибку — заступаются за ребенка.

Я сказала, полагаю, этому инстинкту я и следовала.

— Мы видим, что так поступают матери в фильмах о диких животных. Но мы с тех пор прошли немалый путь эволюции. И здесь очень тонкая граница, очень непросто ее соблюсти. Естественный материнский инстинкт — выразить сочувствие своему малышу, показать, что он не одинок, что мамочка его защитит. Но малыш, который ошибочно воспринимает временную вспышку отца как опасность, считывает материнскую защиту как подтверждение этой ошибки: да, тут есть опасность, без меня бы ты пропал. Более благополучна динамика, в которой мать ухитряется облегчить ситуацию, сообщить нечто вроде: “Послушай, ты же знаешь, у него бывают перепады настроения, это пройдет”. Иными словами, дать ребенку понять, что опасности не существует. Вы должны были с этим справляться, поскольку у вас был отец, на которого вы могли

положиться.

Я спросила, подразумевает ли он моего отца.

— Да, по моему впечатлению, вы могли положиться на своего отца.

Я сказала, да, могла. В детстве мне тоже казалось, что он все время сердится на меня, и это — это злило меня, но вроде бы не имело долгосрочных последствий. Хотя мать потом говорила мне, что после Второй мировой войны подумывала о разводе и причина ее желания развестись заключалась в том, что в этот период он постоянно впадал в ярость из-за меня и моего брата. Она говорила мне, что он ей говорил, будто я намеренно оставляла ящики открытыми, чтобы позлить его.

— Это был очень тяжелый период для многих семей. Воссоединение дается нелегко.

Я сказала, что моей семье оно далось очень нелегко, отчасти потому, что мы жили с моей бабушкой.

— Множество мужчин вернулись домой и почувствовали, что для них больше нет места в их семьях.

Я сказала, я думала, как тяжело пришлось папе. У него всегда была склонность к депрессии. Он вернулся домой и попал в ситуацию, полностью

спланированную так, чтобы не оставить ему места.

Мои дед и бабушка жили практически врозь. Так что имелся маленький самодостаточный мир женщин и детей, прекрасно обходившийся без него. И моя мама тоже не была человеком, с каким ему было бы легко взаимодействовать. Ее повергало в смущение любое проявление нежности. Она не любила, чтобы до нее дотрагивались. Много лет спустя она сказала мне, что “никогда не любила эту сторону брака”, то есть секс. Помню, сразу после войны папа купил ей шляпу, очень гламурную, как у кинозвезды — широкие поля, черная кружевная вуаль. Она вернула ее в магазин.

— Надеюсь, мы сможем продолжить с этого места на следующей наделе. Когда человек пытается понять, что чувствовали его родители — и что он чувствовал в связи с этим, — это значит, он уже прошел большую часть пути к тому, чтобы понимать свои отношения с собственными детьми.

20 сентября 2000 года

Мы поговорили сначала об ужине с Кинтаной вечером понедельника — как она выразилась, целью было “обсудить мой план”. Я сказала, мы оба с тревогой ждали, чем обернется этот ужин, поскольку предыдущее обсуждение ее плана показалось бесплодным. В ночь воскресенья нам обоим снились сны об этом — тебе о том, как провести разговор, мне о том, что моему попечению вверили маленького ребенка, и он внезапно, необъяснимо впал в безудержную ярость на меня.

В какой-то момент в понедельник, сказала я, измучившись ожиданием ужина, мы поговорили о том, как направить разговор в нужное русло, и решили в итоге никуда его не направлять. Поступать так, как мы с ним обсуждали: просто слушать. Исходить из того, что все выйдет хорошо. Мы так и сделали. И это сработало: она рассказала нам, что намерена уволиться в пятницу, и мы сказали, по нашему мнению, это хороший план. А потом мы поговорили о том, как это наилучшим образом осуществить, не вда-

ваясь в ее дальнейшие планы. Мы постарались внушить ей элементарную мысль, что мы всей душой на ее стороне, и ее реакция и в тот вечер, и потом была позитивной.

В итоге, сказала я, она уволилась уже вчера, потому что Пегги Рассел еще туже завернула гайки. Сначала у нее отобрали кабинет, потом задания, связанные с фотографированием, потом помощницу. Теперь ей сказали, что новая помощница, которую ей велели нанять и обучить, будет работать не с ней, а с арт-директором. После этого Пегги сказала: что-то ты не очень довольна, и Кинтана ответила, что она недовольна, и с тем ушла. Очевидно, сказала я, Пегги старалась подтолкнуть ее к увольнению.

— С финансовой точки зрения ей было бы гораздо выгоднее сделать так, чтобы начальница сама ее уволила, — сказал он.

Я сказала, именно на этом моменте и потерпел крах наш предыдущий ужин. Мы настаивали на этом, а она словно попросту не могла понять. Я сказала, она не умеет играть в такие игры.

— Очевидно, — сказал он, — она подходила к проблеме с позиции собственного эго. Она решила, что не сможет вынести тот удар по своему эго, которое нанесет увольнение. Это ее слишком

сильно задело бы.

Я сказала, на самом деле и доктор Касс, и мы — в тот момент в прошлом году, когда она была госпитализирована и хотела предложить Мэриан ее уволить, — отговаривали ее от этого именно потому, что это ее “слишком сильно задело бы”.

— На каком-то уровне она все еще так и рассуждает, — сказал он. — Но она также знает, что в нынешней ситуации ее *хотели* уволить. И все равно чувствует себя задетой. Куда ни кинь, всюду клин. Она понимает, что ее уволят, но лишает себя выплат, сопутствующих увольнению. А каковы ваши чувства? Мне представляется, вы сожалеете, что не сумели уговорить ее разыграть эту игру поумнее.

Я сказала, разумеется, сожалею.

— И чувствуете себя виноватой из-за того, что не сумели. Почему вы чувствуете себя виноватой?

Я сказала, я чувствую себя виноватой, потому что не научила ее, как вести себя по-умному в таких делах. Среди всего прочего, чему я не сумела ее научить.

— Не знаю, как вы сумели бы научить ее тому, чего сами не знаете, — сказал он.

Я сказала, я-то знаю. Вероятно, я не знала это-

го в двадцать с чем-то лет — согласна, тогда не знала. Я не сумела вести умную игру в редакции *Vogue,* да и не очень старалась, но если работа в киноиндустрии хоть чему-то меня научила, то этому точно: как играть в жесткие игры.

— Приведите пример, — сказал он.

Я рассказала ему про наш уход со “Звезда родилась”[35].

— У вас была схожая ситуация, и у вас был юрист, который провел вас через нее. У нее этого нет. И что важнее, между вами и ситуацией было несколько слоев юристов и агентов. Вам не приходилось каждый день входить в свой кабинет в одиночку и играть роль. Вы разыгрывали свою жесткую игру, сохраняя защитную дистанцию. Очень сомневаюсь, чтобы вы справились с подобного рода ситуацией лицом к лицу. Вы не переговорщик. Вам с очевидностью недостает навыков общения с другими людьми. Вы других людей боитесь. Как и Кинтана, вы решаете проблему, избегая близких контактов. У нее не было

---

[35] Примечания: 35

Дидион и Данн написали три первых варианта сценария к фильму “Звезда родилась” (1976), с участием Барбары Стрейзанд. Когда они покинули этот проект, сценарий дописывали другие авторы, но тем не менее Данн и Дидион были упомянуты в титрах и получали роялти от продажи кассет и музыки. Стрейзанд получила “Оскара” за лучшую песню *(“Evergreen”),* и по всему миру было продано более 8 миллионов записей саундтрека к фильму.

такой возможности.

Я признала, что это правда.

— Неумение коммуницировать — не ваша вина. Люди учатся общению с детства. С самого раннего детства. Или не учатся. Они учатся вести переговоры, вступая в общение со своими родителями. Или же они воспринимают родителей как несклонных к переговорам, всемогущих. Они смиряются с этими. Про себя они могут возмущаться, но выполняют то, что им велят родители, не задавая вопросов. Они даже предвосхищают родительские желания.

Я сказала, наши отношения с Кинтаной не подразумевали переговоров.

— Как же могло быть иначе? Вас не учили переговорам. Полагаю, не входило это и в воспитание Джона. Естественно, вы воспитывали своего ребенка в том же духе. Эти паттерны прослеживаются на протяжении поколений. Очень часто наступает момент, когда дети, не умеющие вести переговоры, решают, что они больше не в состоянии соответствовать предвосхищаемым ожиданиям. Они по-прежнему не вступают в переговоры. Они этого не умеют. Их паттерн в данный момент заключается в том, чтобы уйти прочь и закрыть за собой дверь. Судя по всему,

что вы мне рассказывали, именно так вы и поступили. И до сих пор поступаете так. Я пытаюсь научить вас не быть такой суровой к самой себе. Если вы не сумели чему-то научить Кинтану — то потому, что прежде вас саму этому не научили. Вы не всемогущи. И ваши родители не были всемогущими. Невозможно научить человека тому, чего вы сами не умеете.

Я сказала, наш следующий ужин с ней планируется как праздничный. Я надеюсь, мы добьемся от нее какого-то понимания относительно ее следующих шагов, но не станем задавать вопросы.

— Не задавайте. Не надо. И если она спросит “что, по-вашему, мне следует теперь делать”, не используйте эту возможность, чтобы ей ответить. Скажите, что никак не можете знать, что ей следует делать. Вы знаете только, что следует делать вам — а именно, прислушиваться к ней. Она знает свой мир, она знает, чего хочет. Я также думаю, что ей пойдет на пользу, если вы скажете ей, что полностью понимаете, почему она предпочла активизировать то чувство контроля, которым наделило ее увольнение. Вы понимаете, что дождаться увольнения сверху означало бы для нее утрату контроля, какие бы выгоды ни были с этим сопряжены.

Таким образом вы сумеете ее кое-чему научить, причем она не заметит, что ее учат. Ей может в какой-то момент прийти в голову, что были бы известные преимущества и в том, чтобы не отрезать себе уши назло бабушке, что в будущем ей стоило бы вести в таких ситуациях переговоры. Когда дети достигают такого возраста, приходится учить их вот так, исподволь, но все же их можно учить. Я иногда думаю, что один из моих немногих успехов с дочерью произошел именно так, исподволь. Я помогал ей с задачами по алгебре, и она задала мне вопрос, на который я попросту не мог ответить. Прикрывая свое невежество, я сказал: “Давай вернемся на несколько страниц назад”. Просто пытался выиграть время. И пожалуйста — пока я тянул время, она сама нашла ответ и сочла, что я очень умно подвел ее к нему.

Я сказала, мои усилия помочь Кинтане с домашними заданиями — а уж сколько было таких усилий, — как мне задним числом представляется, в основном состояли в том, чтобы взять все в свои руки, показать ей, как это делается, а не в том, чтобы побудить ее саму обнаружить, как надо.

— Очень немногие родители умеют учить.

Нынче появилась мода на домашнее обучение. Понятия не имею, как у них это получается. Более того, сама идея дурна, ведь ходить в школу необходимо, в значительной мере для развития социальных навыков.

Я сказала, я думаю, мои социальные навыки плохо развиты в том числе и потому, что я сменила множество школ, а несколько лет и вовсе пропустила. В итоге я всегда была новенькой, парией и к тому же везде поначалу в отстающих.

— Это очень травматично.

Я сказала, я не воспринимаю это как травму, но определенную роль это сыграло.

— Это травма. Повторяющиеся эпизоды — у вас не имелось друзей, вас никуда не приглашали. Ребенка такое травмирует. Разве что ребенок уже настолько травматизирован, что попросту закрывается от этого. Вряд ли родители это осознавали.

Я сказала, мои родители разбирались с этим таким способом, который лишь способствовал тому, чтобы я не приобретала социальные навыки: они утверждали, что в дружбе нет никакого смысла, что я лучше всех, с кем мне хотелось бы подружиться.

И это напоминает мне о том, сказала я, что я

хотела у него спросить. На прошлой неделе он сказал, что имеет смысл постараться понять точку зрения собственных родителей.

— Да, чтобы понять, откуда проистекает ваша собственная точка зрения.

Имел ли он в виду, спросила я, что. когда начинаешь понимать своих родителей, понимаешь и те требования, которые, как ты считаешь, они предъявляли к тебе, и фактически прощаешь их? И в этой точке начинается эмоциональное взросление?

— Это точка, в которой вы становитесь цельной, интегрированной личностью, да. Точка, в которой вы больше не чувствуете себя виноватой за то, что не соответствовали родительским ожиданиям — какими бы они вам ни представлялись. И далее, это точка, в которой вы перестаете чувствовать себя виноватой за то, как вы подвели или не подвели своего ребенка. Вы обратились ко мне в тот момент, когда в вашей жизни случился кризис. Этот кризис возник в ваших отношениях с дочерью. Вас направили ко мне, потому что я способен понять тот тип кризиса, в котором вы находились, а также потому, что я старше. Вы бы ни за что не стали беседовать с более молодым психиатром. Вы бы почувствовали, что у него

или у нее отсутствует тот опыт, который есть у вас. Молодые люди хорошо ладят с молодыми психиатрами. Такие люди, как вы, — нет. Все, что мы тут делаем, сводится к задаче подвести вас к той точке, в которой вы перестанете ощущать эту вину. Вы и Кинтана слишком долго прожили как два человека в одной коже. Вы воспринимаете каждый ее провал как свой собственный. Это слишком тяжелое бремя для вас. И для нее слишком тяжелое бремя — нести ответственность за то, чтобы вы были счастливы.

Я сказала, что на прошлой неделе мне приснился сон, будто я нахожусь вместе с Кинтаной в больнице Бродмур и она пьет. Суть не в самом сне. Суть в том, что, проснувшись, я поразмыслила и поняла, что сны о том, как Кинтана напилась или приняла слишком большую дозу, снились мне с тех пор, когда она была ребенком. Когда еще не было такой проблемы. Это заставило меня призадуматься, не оказалась ли моя тенденция всегда предвосхищать наихудший исход, самосбывающимся пророчеством в случае с Кинтаной.

— Нет. Вы не желали для нее такого, вы не загоняли ее своей волей в ту ситуацию, где она пребывает последний год. Это не ваших рук дело, и вы не можете это контролировать. Но было

бы интересно проследить происхождение этих снов.

27 сентября 2000 года

Я сказала, я много думала о той гипотезе, что он выдвинул на прошлой неделе и которая сводится к тому, что я жду или хочу, чтобы Кинтана была способна делать вещи, на которые я сама не способна, — чтобы она фактически была мной, какой я сама не смогла быть. Это заинтересовало меня во многих аспектах. На одном уровне мы все знаем родителей, чье честолюбие, по-видимому, направлено на успехи детей; наиболее очевидный пример — отчаянные усилия “попасть в Гарвард”. Я всегда относилась к этому с крайним презрением, даже гордилась тем, что сама ничего такого не делаю. Мы такого попросту не делали, никто из нас. Для нас такого рода успехи неважны. Однако на другом уровне я, очевидно, это делала — не столь очевидными способами, но тем не менее делала. Я даже на каком-то уровне сознавала, что делаю это, — могу вспомнить, как я думала: до чего ж чудесно, она — приемный ребенок, она не унаследует мои недостатки, она может стать кем угодно, кем она сама и мы захотим, чтобы она была.

Потом, сказала я, я подумала об этом дальше. Мне пришло в голову, что на самом деле я просила ее стать таким человеком, каким я не могла быть, я поступала с ней в точности так же, как мой отец поступал со мной. Одна из худших пыток моего детства — постоянные визиты к родственникам вместе с отцом, чем мы занимались все время. Особенно мучительно было посещать его родню по матери — очень шумных, общительных людей. Вечно кто-нибудь садился за пианино и пел, представлял. Постоянные шутки. Ближайшую ко мне по возрасту кузину по этой линии любовно описывали как "настоящую заводилу": "Пэтси, ей палец в рот не клади". Я же была крайне застенчивой, даже в лучшие моменты погружена в себя, и вот такое выставление напоказ перед родственниками меня чуть ли не парализовало. Я едва могла говорить. И это приводило отца в ярость. Поездка в дом тети и обратно всегда была терзанием: на пути туда инструкции и предостережения, на обратном пути обвинения. Почему я не ответила? Почему не могу быть как Пэтси? Посмотри на Пэтси, она умеет пошутить. Мать же в ту пору постоянно твердила: "Не понимаю, почему он хочет, чтобы ты была такой, он сам вовсе не такой", но до этой недели у меня не по-

лучилось окончательно сложить картинку. Он сам был крайне застенчив. Он сам уходил в себя. И все же, когда его мать умерла, эта семья его приняла. Они, в общем-то, его вырастили. И в какой-то мере он, должно быть, всегда чувствовал себя так же, как я.

— И он всегда чувствовал себя чужаком, — сказал доктор Маккиннон, — не хотел, чтобы вы тоже стали парией. Кстати, застенчивость наследуется. Мои коллеги, работающие в этой области, доказали, что уже в первые часы жизни можно обнаружить застенчивость или ее отсутствие. Прикоснитесь к застенчивому младенцу, и он поморщится или отдернется. Это в нашем нервном устройстве. Это безусловно наследуется.

Тогда как это могла унаследовать Кинтана? — спросила я.

— Прежде всего у вас нет возможности узнать, что она унаследовала. А во-вторых, если вы растите ребенка с рождения, ваши внутренние настройки отчасти встраиваются в настройки младенца. Ребенок рождается с генетическими предрасположенностями, но окончательно их развитие определяет среда на ранних этапах жизни. И в некоторых случаях даже невозможно отличить одно от другого.

Но есть и еще один вопрос, сказала я. В ретроспективе. Если я это делала с Кинтаной, передавала ли я ей то чувство разочарования, какое мой отец передавал мне?

— Если так и было, это от вас не зависело. Вы делали это не намеренно, не затем, чтобы причинить ей вред. Как и ваш отец поступал так не затем, чтобы причинить вам вред.

Я сказала, в выходные мы ужинали с Кинтаной, а затем говорили с ней по телефону. За ужином она призналась, что до сих пор не "ощущает такого подъема", какого ожидала после увольнения, что до нее "еще не дошло". В тот момент я оставила это без ответа — не хотела хвататься за такой предлог и создавать у нее впечатление, что мы каким-то образом давим на нее, — но когда мы говорили по телефону и она вновь упомянула об этом ощущении, я предположила, что она все еще слишком травмирована всем произошедшим, чтобы заняться вопросом о том, что будет дальше. И что чувство облегчения или освобождения не наступит до тех пор, пока она со всем не разберется, не ступит на новый путь.

— Хорошо. Это ценный совет, это ей запомнится. Поскольку вы сформулировали это в эмпатической манере. А не в такой манере, которую она

могла бы счесть за обвинение.

Я сказала, мы с ней собираемся в воскресенье в Святого Иоанна на благословение животных[36], и тогда я попробую еще поговорить с ней об этом.

— Главное, удерживайтесь на этом уровне эмпатии. Не допускайте ошибку, не указывайте ей, что делать, не указывайте, как она должна поступать. Указаниями ничему не научишь. Очень трудно удержаться от попыток учить с помощью указаний. Это видится контринтуитивным. Это противоречит человеческой натуре, то есть тому, как нас самих учили. Это одна из самых сложных вещей, какую приходится усвоить, когда готовишься стать психиатром. Пока я проходил практику и должен был рассказывать о своих пациентах, я вновь и вновь обнаруживал ошибки, допущенные мной во время встречи. Я пытался учить указаниями. И пациент закрывался.

Я сказала, я также думала о причинах, по которым у Кинтаны не развилась — или пропала — самооценка. Были моменты, когда ее школьный опыт, вероятно, способствовал тому, чтобы она чувствовала себя недотягивающей. Я рассказала о трудностях с чтением/пониманием, из-за

---

[36] Примечания: 36

В католической церкви благословение животных проводится 4 октября, в день святого Франциска Ассизского. — *Прим. перев.*

них она стала отставать, когда пошла в Уэстлейк. Она потом вроде бы все ухватила, со всем справилась, и в старших классах казалось, весь мир у ее ног. Я рассказала ему о разговоре, который у меня был в то утро с Дороти Локастро. Дороти тогда сказала, что не видит никакого способа развить у тринадцатилетней девочки высокую самооценку.

— Нет никакого способа, — сказал он. — Как и у тринадцатилетнего парня. Сплошное несчастье. Но потом становится лучше. И вы сказали, что у Кинтаны дела пошли лучше. Это всегда случается примерно в этом возрасте.

А потом, сказала я, они отправляются в колледж и снова на дно. Я сказала, что пришла к убеждению: если только ребенок не увлечен глубочайше каким-то предметом, университет — совсем не лучший вариант.

— Никоим образом не могу с вами согласиться. Смысл университета (или, по крайней мере, так должно быть) — в открытии мира. Вот чем он был и будет всегда, особенно когда имеется набор обязательных предметов. Вы сталкиваетесь с тем, чего никогда не знали. У меня такого опыта не было. Была война, я пошел во флот, затем учился одновременно в университете и в медицинской

школе. Все за два года. Ускоренная программа по подготовке врачей для флота. Я учился в Принстоне, однако ничего похожего на обычную учебу в Принстоне. Флотский паек на флотских металлических подносах. Ни курса истории, ни английского языка, ничего, не имеющего прямого отношения к медицине. Теперь мне этого недостает. Особенно в путешествиях. Выясняется, что я ничего не знаю.

Я сказала, Кинтана отправилась в колледж без жесткого набора (или вовсе без набора) обязательных предметов. Два года она училась в Беннингтоне, затем перешла в Барнард, но к тому времени определенный ущерб уже был причинен.

— Самая неструктурированная среда. Судя по всему, что я о ней знаю, это классически неудачный выбор для нее — Беннингон или Сара Лоуренс.

Я сказала, отчасти это моя вина. Я сама хотела поступить в Беннингтон, но отец не позволил. И вот я стала поощрять ее принять участие в университетской летней программе для старшеклассников, и ей понравилось, что там все носят колготы, курят сигареты и читают Сартра, какой старшекласснице это не понравилось бы. И когда

наступило время подавать документы в университет, ее консультант направляла ее упорно в эту сторону. Экзаменационные оценки у нее были невысокие. Консультант твердила, что больше ей никуда не поступить. Мы даже тогда не считали это безусловной истиной — у нее имелись другие плюсы, — но она выбрала путь наименьшего сопротивления и подала на досрочное зачисление.

— Она могла поступить в большинство университетов страны. Разумеется, у нее имелись другие плюсы. Но она не верила в себя.

Я сказала, мы буквально выдернули ее после двух лет. Сказали, пусть едет в Европу. Осматривая Европу, она обнаружила Барнард и “непременно должна была туда попасть”. Так что это было прекрасно, и мы очень сердились — отчасти на самих себя — за неудачный опыт с Беннингтоном.

4 октября 2000 года

Я сказала, Кью и я сходили в воскресенье на благословение животных. Это было очень красиво, театрально, утомительно, а в некотором смысле очень тревожно, пугающе, и кое от чего я так и не могу отделаться. В какой-то момент во время службы я испугалась, как бы ленточки не вспыхнули от свечей, — начался бы пожар и мы все оказались бы в ловушке. Потом — элементы язычества. Музыка. Толпы. Животные в соборе. Реакция Кинтаны, удивившая меня. Ей было не по себе от некоторых аспектов этой ситуации — от эмоционального отклика на мессу, соединения рук, открытости самовыражения. Я сказала, в особенности меня поразил один из читавшихся фрагментов. Это была та часть Евангелия, которую я всегда интенсивно недолюбливала, — насчет “взгляните на лилии полевые, они не трудятся, не прядут”: мне всегда казалось, что это подрывает понятное мне устройство мира. Но в этот раз — может быть, благодаря новому переводу — я обратила внимание на два заключительных стиха: “Не тревожьтесь о завтрашнем

дне, ибо завтра принесет свои заботы. На день сегодняшний довольно его забот”[37].

И тут, сказала я, я осознала, что этим я всегда и занималась. Тревожилась о завтрашнем дне. Предвосхищала наихудший исход.

— Точно, — сказал он. — С раннего детства. Тревога полностью переплелась в вашем сознании с любовью. Вы и мысли не допускаете, что могли бы любить, не тревожась.

Я сказала, я хотела бы верить, что применительно к Кинтане мои тревоги беспочвенны.

— Вам не нужно думать, что они беспочвенны. Вам нужно задать себе вопрос, какой цели они служат. Кинтане они помочь не могут, так помогают ли они вам? Судя по фактам, ваши тревоги лишь усиливают и ее, и ваше напряжение. Вы не можете сделать за нее то, что она сама должна сделать для себя. Существует такая вещь, как разумная профилактика. Вы руководствуетесь ею, когда занимаетесь домом или следите за своим здоровьем. Те, кто этого не делают, наживают все большие проблемы. Но есть тип личности, которого профилактика поглощает целиком. Такие люди все время перекрашивают дом. Все время

---

[37] Примечания: 37
Мф 6:34. — *Прим. перев.*

волнуются, не упустили ли они что-нибудь. Вот как обстоит дело с вами. А ваши родители волновались за вас?

Я сказала, предполагаю, что да, но не знаю.

— Когда возникает такой паттерн, он сохраняется и во взрослой жизни.

Я сказала, что на самом деле родители, по-видимому, все время переживали за меня уже взрослую, значит, наверное, они вели себя так же и в моем детстве. Я упомянула, как они протестовали против того, чтобы я водила машину, как папа спал в гостиной, когда я была в Сакраменто. И с одной стороны, сказала я, я понимала, что мне необходимо вырваться из этого паттерна тревоги, из обсессивных размышлений о том, что может обернуться плохо. Я сказала, на днях это привело к ссоре между тобой и мной такого рода и такой интенсивности, каких с нами не случалось после первых лет брака.

— С чего началось?

Я сказала, началось с того, что я вслух высказала за ужином беспокойство о том, как сложится намеченная на ноябрь поездка в Париж. Захочет ли Кинтана в самом деле поехать, будет ли в состоянии поехать. И так далее.

— Предвосхищая худшее?

Да, сказала я.

— И куда вас это завело?

Вниз под горку, сказала я.

— Он решил, что вы не принимаете во внимание, что думает он, чего хочет или из-за чего переживает?

Вкратце так, сказала я.

— И был прав. Он тревожится не меньше вашего, но помнит, что у вас двоих есть своя жизнь. Вы никогда не пытались сказать: “Неважно, чего хочет Кинтана, тебе и мне требуется отдых, давай поедем в Париж вдвоем?”

Именно об этом я и думала, сказала я, но не сказала, нет.

— Довольно очевидно, что все в вашей семье оказались бы в выигрыше, если бы все — в особенности вы и Кинтана — высказывали свои мысли вслух. Если вы услышите от Кинтаны хотя бы намек, что она против участия в поездке, думаю, вам следует сказать прямо и просто: “Ты поступай, как хочется тебе, а твой отец и я поступим, как хочется нам”. Она вполне может это принять. Ей намного лучше, вы же знаете. Она стала намного сильнее. По мнению доктора Касса, она во всех отношениях уже не так слаба, как прежде.

Я сказала, по-моему, к настоящему моменту мы

оба крайне измучены тем, что не знаем, какие шаги она собирается дальше предпринимать, и еще более измучены тем, как стараемся не задавать ей вопросы, не строить планы за нее.

— Не стройте планы за нее.

Я сказала, мы это понимаем, но это нелегко. Например, я высмотрела журнал, который, как я подумала, мог бы стать одним из ее клиентов. Я упомянула об этом при ней в самой небрежной манере, сказала, что главный редактор наш знакомый, знает ее, и он тоже АА. Она сказала, все так, она знает этот журнал, она даже когда-то делала для него фотографии. Не сказала она только одного — и даже не подтвердила, когда я коснулась этого, — что было бы неплохо вступить с ним в контакт.

— Предоставьте это доктору Кассу. Доктор Касс очень, очень умело направляет ее к таким контактам. К такого рода плану, если угодно.

11 октября 2000 года

Я уселась и тут же заплакала.

— О чем вы думаете? — спросил доктор Маккиннон.

Я сказала, не знаю. Я редко плачу. Никогда не плачу в момент кризиса. Просто мне очень трудно сесть лицом к лицу с человеком и заговорить.

— Разумеется, вы не плачете в обычных ситуациях. Иначе тот, кто оказался бы поблизости, мог бы решить, что вы вините его или что он вас как-то обидел. Человек почувствовал бы себя виноватым. Но сейчас не обыденная ситуация. И я не почувствую себя виноватым. Вам именно сегодня трудно разговаривать лицом к лицу?

Нет, сказала я, каждый раз.

— Но упомянули вы об этом сегодня.

Я сказала, я упомянула об этом сегодня, потому что мне показалось поразительным, что я села и тут же отреагировала (и на что — на его молчание) слезами. Учитывая тот факт, что я в целом чувствовала себя хорошо — чувствовала себя так, словно впервые за долгое время увидела просвет, — я могу лишь прийти к выводу, что для

меня почти непосильно принуждение выражать свои мысли и чувства.

— Кто же вас принуждает? — спросил он.

Я же здесь за этим, сказала я. Я не могу просто сидеть здесь и молчать.

— Могли бы, если бы вы этого хотели, — сказал он. — Но думаю, будет лучше, если вы обдумаете, что выражают эти слезы. Слезы многое выражают, особенно у людей, нервная система которых так чувствительна, как ваша. Они могут выражать облегчение, радость и множество сложных промежуточных эмоций. Вы сказали, вы почувствовали, что, возможно, сумеете увидеть просвет.

Я сказала, я ощутила — только вчера — некий прорыв в отношении того, что я могу сделать дальше. Я закончила длинную политическую статью, над которой работала. Она завершена, в выходные я отправила ее в печать. Затем возник неотложный вопрос, что делать дальше, — решение, которое я долго не принимала. В какой-то момент вчера мне пришло в голову, что я могу взять два длинных текста, которые написала о Калифорнии, и использовать их — в особенности один — как заметки для развернутого эссе или книги о Калифорнии. Эти тексты посвящены

вопросам, о которых я весь этот год много думала — на самом деле, и все последние годы, но в особенности в этом году, потому что в них подспудно присутствуют как раз те темы, которые мы обсуждали весь этот год. Например, фундаментальная история перехода, искупление через выживание, ради какой цели искупление, нигилизм. Легенды и порожденная ими путаница.

— Мне это кажется потрясающим, — сказал он. — Освобождающим. Я мог бы порассуждать о том, как вы вошли сюда и сели и впервые почувствовали себя настолько свободной, что заплакали — слезами радости. Вы нашли что-то, что может по-настоящему вас увлечь и побудит отодвинуть в сторону ваши тревоги. Именно это вам и требовалось найти на протяжении всего этого года. Вот что наиболее очевидно, когда имеешь дело с вами: у вас есть потребность в работе, в значимой работе. Это не эгоистическая потребность. Это вопрос выживания.

Я сказала, мы в общем и целом положили нашу работу в кино на дальнюю полку. Весь год мы шли к этому, и в итоге необходимость сделать это стала неотвратимой.

— Помню, почти что первое, что вы мне рассказали, — о встрече в Калифорнии, которая вас

расстроила, повергла в депрессию. Очевидно, по какой-то причине — отчасти это, несомненно, связано с переориентацией отрасли на молодежь — вашу ситуацию это отнюдь не улучшило.

Разве что финансово, сказала я. И с этим нам придется разбираться, как-то справляться с этим.

— Вы очень сильны. Вы сами изумитесь, с чем вы сумеете справиться, если начнете заниматься тем, чем вы хотите заниматься.

Я сказала, мы виделись с Кинтаной в пятницу вечером, последний ее день на работе. Она опоздала на ужин и вошла в ресторан в некотором смятении. Нам обоим показалось, что она, возможно, выпивала, но точно мы сказать не могли. В любом случае мы не услышали ничего о ее планах. Вместо этого она рассказала нам, что встречается с человеком, который ей очень нравится. Познакомились они на собраниях АА. Собрания АА их и сблизили. Ему сорок восемь. У него трое детей от двух браков. Это само по себе не обеспокоило меня. Что меня обеспокоило и продолжает точить — внезапная привязанность к мужчине намного старше, очень похожая на предыдущие отношения, в которые она вступила в тот самый момент, когда в прошлый раз ушла с работы, чтобы заняться фрилансом. Возник страх,

что энергия, которая ей нужна для организации этой жизни, будет потрачена на новую привязанность, что как в прошлый раз, так и в этот отношения послужат ей в качестве запасного выхода.

— По-видимому, это вполне вероятно, однако я очень надеюсь, что вы ни в коем случае не выражаете эту озабоченность ей.

Я сказала, не выражаю и не собираюсь, но озабоченность присутствует. С другой стороны, не могу же я возражать против того, что у нее появился бойфренд. Я только хотела бы знать, чем она собирается заниматься.

— Я очень сомневаюсь, что она сама знает, чем собирается заниматься.

Не думаете ли вы, что нам следовало бы поговорить с ней об этом, сказала я. Помочь ей составить план.

— Нет. Ни в коем случае. И если наступит момент, когда она спросит вас, чем, по вашему мнению, она должна заниматься, не попадайтесь в эту ловушку. Не позволяйте ей вас поймать. Просто скажите, что она сама поймет, чем хочет заниматься, и когда у нее появится конкретная идея о том, чего она хочет, вы рады будете помочь.

Но вдруг ей нужна помощь, сказала я.

— Пусть обратится к доктору Кассу. Она постоянно обсуждает эту тему с доктором Кассом. Снимите себя с крючка. Ведь любое ваше конкретное предложение будет воспринято как попытка загнать ее в программу, не совпадающую с ее собственной.

Я сказала, мы и доктор Касс действительно наблюдали такую динамику по отношению к реабилитации. Сама идея, что она пьет слишком много, целиком принадлежала ей самой. Она попросила подругу помочь. Подруга предложила клинику реабилитации. Она сама позвонила в Хазелден. Как только идея реабилитации материализовалась, она решительно нацелилась на Хазелден. Это была не наша идея. Мы даже не рассматривали Миннесоту. Упомяните при мне реабилитацию, и я подумаю о Центре Бетти Форд. Я даже поговорила с этим центром, предложила ей такой вариант. Нет, сказала она, Хазелден. Есть Хазелден в Уэст-Палм-Бич, сказали мы. Нет, сказала она. Хазелден в Миннесоте. А затем, позже, когда она вернулась домой и случился откат и она отправилась к доктору Кассу, он упоминал, что его несколько обеспокоила ее тенденция говорить о решении отправиться в Хазелден как

о чужом, как о готовом, навязанном ей решении. Я тоже обратила на это внимание.

— Об этой динамике я и говорю. Не позволяйте ей делать это. Рано или поздно она поймет, что должна упорядочить свои дни, сделать так, чтобы четверг, скажем, отличался от воскресенья. Реальность будет бросать ей вызовы, которые она не сможет игнорировать. Очень скоро она заметит, что каждый собеседник спрашивает: как ты поживаешь, чем занимаешься. Ей придется найти адекватный ответ. И ей не требуется, чтобы вы ей на это указывали. На самом деле, вы-то и не можете ей об этом сказать. Это могут сказать ей только ровесники. А вы с Джоном пока что сосредоточьтесь на своей работе.

18 октября 2000 года

Я сказала, все мои тревоги насчет Кью — о которых мы говорили на прошлой неделе — оказались безосновательными. На прошлой неделе она казалась во многих отношениях другим человеком, она прошла собеседование и получила шестинедельный контракт внештатного фоторедактора в *Conde Nast*; ее отвращение к работе, по-видимому, испарилось, и она порвала с новым бойфрендом, а я-то боялась, что эта привязанность помогает ей уклоняться о того, чем следует заняться, — нет, она не стала искать такой выход, она порвала с бойфрендом как раз потому, что почувствовала: он мешает ей делать то, что ей нужно.

— Иными словами, заметно более зрелая позиция, — сказал он.

Вот именно, сказала я. Она даже настолько воодушевилась, что на собеседовании предупредила, что собирается в Париж на День благодарения. Кажется, она добралась до положения, прямо противоположного тому, в котором, как я опасалась, она пребывала.

— И все-таки я не считаю ваши страхи необос-

нованными, — сказал он. — У вас, безусловно, были на то причины. Причины в вашей голове.

Я сказала, иными словами, они были абсурдными, не имели никакого значения.

— Нет, — сказал он, — они важны и вовсе не абсурдны. То, что у вас в голове — то, что вы думаете о ней, предполагаете или предчувствуете, — всецело связано с тем, как вы обе выстраиваете ваши отношения. Вот почему мы с вами встречаемся тут каждую неделю. Чтобы вы смогли выяснить, что у вас в голове.

Перемена темы.

— Сейчас вы, наверное, чувствуете существенное облегчение.

Я сказала, что мы оба, ты и я, чувствуем большое облегчение. Что ты сказал, впервые за год ты не ощущаешь узел в животе. Мы оба понимаем, будут и провалы, но пока это самый большой подъем, какой у нас был.

— Естественно. Будут провалы. В жизни случаются провалы.

Я сказала, мы только начинаем переключаться на свою работу. Ты закончил очень срочный текст к дедлайну в *New Yorker,* на неделе его сдашь и на следующей неделе вернешься к своему роману. Я приступаю к книге, о которой говорила, — про

Калифорнию. И еще одно. Сегодня утром ты упомянул, что перечитывал главы своего романа, опубликованного несколько книг тому назад, и поразился, как много ты знал уже тогда. И у меня тоже возникает такое чувство при перечитывании старых моих вещей. Я сказала сегодня утром, я думаю, это знание, которого мы не ощущали раньше, в значительной степени происходит из репортажей, из выходов в мир — так, как мы раньше не делали. И в какой-то момент того же дня мне пришло в голову, что случившееся за последние полтора года только подтверждало то, что нам не следует выбираться в свет: мы реально чувствовали себя постоянно на дежурстве, скорой помощью на дому.

— Выбираться в свет — вы имеете в виду путешествовать?

Не только, сказала я, но и это тоже. Многое в нашей работе берется из материала, собранного в поездках в Южную Азию, в Центральную и Южную Америку, на Ближний Восток. Не всегда едешь с целью что-то написать, но в итоге так или иначе это используешь.

— Если вы собираетесь сделать это, сейчас самое время. Потом вам недостанет сил.

Я сказала, сил нам недостает прямо сейчас, но,

видимо, нам необходимо начинать думать о том, как использовать те силы, что у нас еще есть. Если возникает возможность заняться чем-то, что интересует одного из нас, надо это попросту делать.

— Вы, кажется, рассматриваете это как упражнение. Как способ отточить свои навыки, способность анализировать.

Я сказала, да. Способность анализировать и способность замечать. Например, мы однажды провели весьма напряженный день в лагере палестинских беженцев под Амманом. Никакого текста из этого не вышло, но такой опыт помог мне заранее понять, что Арафат не сумеет контролировать поколение палестинцев, которое вырастет в лагерях.

Короткое отступление о Ближнем Востоке, судне “Коул”[38] и опасности для путешествующих американцев.

Это развернулось в разговор о моей матери и ее “я просто больше ничего не понимаю”. Как она сказала это о разводе Стивена, а также сказала: “Может, они просто зажрались, может, если бы я не давала им каждый год столько денег…”

---

[38] Примечания: 38

Эскадренный миноносец “Коул” подвергся 12 октября 2000 г. атаке террористов-смертников.

— О нет, — сказал доктор Маккиннон. — И у вас, естественно, включился этот избыточный рефлекс принимать вину на себя. Извлеките из этого урок. И скажите ей: скорее всего, благодаря ее деньгам они продержались вместе на год дольше, чем продержались бы без них.

Я спросила, читал ли он в утренней газете статью о новой теории, что детей не надо хвалить.

— Конечно, читал, — сказал он. — И что вы об этом думаете?

Я сказала, сама я никогда не видела, чтобы родители хвалили детей просто так.

— Не в той системе воспитания, где выросли вы и я, это уж точно. Я счел это во многом ошибочным, но некоторые разумные пункты тоже вижу. Например, когда они советуют говорить ребенку, уступившему пожилой женщине свое место: “Посмотри, как леди рада, что ты уступил ей свое место”, а не хвалить ребенка за то, что он поступил правильно. Тут есть смысл. Таким образом ребенок учится по-настоящему сочувствовать этой женщине, а не просто “поступать правильно”.

Может, и так, сказала я. А что, если эта леди не оценит его жест?

— Тут вы правы. Есть риск сделать ребенка

зависимым от позитивного отклика, а такой отклик он может и не получить. В то время как позитивный отклик на “правильный поступок” исходит изнутри, и ребенок может сам вознаградить им себя.

Я сказала, меня заинтересовал исключительно раздел, относящийся к работающим матерям, которые-де имеют тенденцию перехваливать, чтобы никак не портить то ограниченное время, что проводят с ребенком, Мне подумалось, что я, возможно, иногда воздерживалась от негативной реакции на тот или иной поступок Кинтаны просто потому, что не хотела портить наше время вместе. И это вновь возвращает нас к вопросу о “работающих матерях”. Сегодня мне подумалось — возможно, потому что я читала истории переселенцев, о семьях, в которых матери, безусловно, работали и часто оставляли без внимания своих 7, 8, а то и 12 детей, — что в истории Америки был очень короткий период, когда женщины *не* работали. Не участвовали в ведении фермерского хозяйства, не кормили 20 работников трижды в день, не стирали всю эту груду одежды руками. Можно было бы счесть, что идея о неработающей женщине возникает лишь вместе с облегчающими труд приспособлениями — после Второй

мировой, — если бы она не была уже укоренена в сознании моих бабушки и мамы. Которые происходят из семей, где женщины действительно трудились изо всех сил.

— Безусловно, — сказал он. — Это вопрос социального статуса. Если вы жили не на ферме, жена не должна была работать. Даже в разгар Великой депрессии женщины среднего класса не работали. В Леонии, в Нью-Джерси, где я рос, у всех одиноких женщин из числа наших знакомых были служанки. Это давало им время играть в бридж, или щипать корпию, или чем они там занимались. Но работать они не работали. Многое из этого сохранилось до сих пор. Сравнительно недавно, в 1975 году, когда наша дочь переехала в Сиэтл и сдала экзамен на адвоката, человек, принимавший ее в коллегию, заявил: он-де надеется, что теперь она удовлетворена, она явилась из юридической школы на Восточном побережье, отняла место у хорошо подготовленного местного мужчины лишь затем, чтобы занимать должность, от которой откажется, как только родит ребенка. Вы думаете, что в вашу голову ничего из этого не запало, но этого не избежать.

1 ноября 2000 года

Краткий разговор о военном корабле “Коул” и его переходе в Сиэтл.

Я передала ему два разговора (если их можно так назвать) с Кинтаной в тот же день.

Я сказала, я — мы оба — так устали от этих подъемов и спадов. От необходимости ходить на цыпочках при каждой встрече. Я сказала, когда я в последний раз говорила с ним — две недели назад, — она казалось до того собранной, что я впала в эйфорию. Потом она начала работать по этому краткосрочному договору, и ее настиг страх, что она не справится. Мы уверяли ее, что любой человек так себя чувствует на новой работе, — что с каждым днем будет лучше. И несколько дней так и было. На прошлой неделе были очень хорошие телефонные звонки, в том числе о “Ночи живых мертвецов”, которую она и я посмотрели, когда она была ребенком, за ними последовали очень хорошие электронные письма, я думала, все прекрасно. В выходные мы ничего о ней не слышали. Тебе приснился плохой сон о ней, и ты мне его рассказал, потому что сон был цветной, а мы с

ней обсуждали — в связи с продолжением “Ночи живых мертвецов”, — снятся ли людям цветные сны или только черно-белые.

— Некоторым людям снятся цветные сны, — перебил он.

Я сказала, так и утверждала Кинтана. Она читала, что “более творческие” люди видят цветные сны.

— Похоже на правду. Люди с выраженной визуальной чувствительностью. С другой стороны, музыканты видят сны, насыщенные звуком. Я сам впервые начал видеть цветные сны, когда проходил психоанализ. Люди, видящие цветные сны, описывают эти краски как нереалистичные, как старый “Техниколор”, почти сюрреалистичные. В содержании цветных снов обычно присутствует элемент эйфории.

Я сказала, в твоем сне ничего эйфорического не было. Он был таким: у нас дома несколько человек, звонит телефон, и, когда ты отвечаешь, это Кинтана. “Я пропала”, — говорит она. Я спросила тебя, в какой момент включился свет. Ты сказал, ты видел ее на экране монитора, пока говорил с ней.

Так или иначе, содержание этого сна меня встревожило: поскольку оно выражало твою

тревогу о ней, оно как бы позволило и моей собственной тревоге, которую я подавляла, вновь выйти наружу. Итак, к сегодняшнему дню, так и не получив от нее вестей, мы оба решились звонить сами. Ты позвонил и застал ее в таком смятении, что я тоже позвонила и позвала ее на ужин.

Я сказала, я не понимаю, что в нынешней работе приводит ее в такое отчаяние. По сути, это та же самая работа, которую она успешно выполняла на протяжении шести лет.

— Думаю, стоит присмотреться: возможно, ее повергает в отчаяние вовсе не работа.

Вы имеете в виду, ее может терзать что-то другое, а она переносит это на работу? — спросила я.

— Ведь обычно так и происходит?

Я согласилась.

— Не может ли она быть расстроена — на более глубоком уровне, чем сама сознает, — тем, что вы описали как очень хорошие разговоры о “Ночи живых мертвецов”? Вы сказали, вы и она посмотрели фильм, когда она была ребенком. Расскажите мне об этом немного подробнее. Сколько ей было лет?

Я сказала, около семи. Ты уехал из города. Мы с ней смотрели фильм в твоем кабинете в

Малибу, где вместо стены были сплошные французские окна с видом на море. И фильм был такой страшный, что около полуночи, когда мне потребовалось сходить на кухню, я побоялась оставить ее одну в кабинете, попросила ее пойти со мной. Сказала ей, что так напугана, что боюсь идти на кухню одна.

— Давайте разберем это шаг за шагом. Прежде всего — с какой стати вы позволили семилетнему ребенку смотреть такой страшный фильм среди ночи?

Потому-то я и смотрела вместе с ней, сказала я.

— У вас не было режима? Она часто засиживалась до полуночи? И могла смотреть по телевизору любую страшилку, если ей вздумается?

Я сказала, по телевизору она смотрела всего две или три передачи. Она смотрела повторы кулинарного шоу Джулии Чайлдс, она смотрела повторы “Я люблю Люси” и сериал “Коллекцию монстров”, а это фильмы ужасов.

— И вы не думали, что они могут ее напугать?

Я сказала, меня они пугали больше, чем ее.

— То-то и оно. К этому я и вел. Поступили бы вы в чем-то иначе, если б была возможность переиграть ту конкретную ночь?

Я спросила, что, по его мнению, мне следовало

сделать иначе — разве что отправить ее в постель, что не очень-то вписывается в хорошее время с мамочкой.

— Вы сказали ей, что боитесь идти на кухню одна и хотите, чтобы она пошла с вами. Как вы думаете, что вы тем самым сообщили ей? Не сказали вы ей этим, что она должна быть ответственна за вас, заботиться, защищать вас?

Я объяснила еще раз: на самом деле я не боялась идти в кухню одна, я боялась оставлять ее одну возле стеклянных дверей.

— Потому что нечто могло войти и схватить ее. Иными словами, вы боялись, что не сумеете ее защитить. В этом самая суть ваших отношений с ней. Как бы вы ни формулировали — боялись ли вы пойти в кухню одна или боялись оставлять ее одну возле стеклянных дверей, — речь об одном и том же. Вы этим сообщали, что вы боитесь, что не сумеете ее защитить. Сообщали ей: “Мир снаружи безумен и опасен, и я не могу тебя от него защитить”. Сообщали, что она должна защищать не только себя, но и вас. Вам не кажется, что для семилетнего ребенка это тяжкое бремя?

Я сказала, я могу понять, что это, возможно, было так, но я также в состоянии понять, что это всего лишь фильм. Я рассказала ему, как водила

ее на “Челюсти” и весь сеанс она визжала от страха, а потом беззаботно отправилась плавать. Я сказала, ее больше расстроил фильм “Николай и Александра”[39]. На всем пути домой она переживала за Никки и Санни и их детей.

— Я уверен, что этот пример мне не придется для вас расшифровывать.

Я сказала, что понимаю его мысль: Никки и Санни — родители, не сумевшие защитить своих детей.

— Этот паттерн в отношениях между вами имеет глубокую связь с вашим нынешним чувством, что вы не можете ее защитить. Не этот конкретный эпизод, а то, что этот эпизод рассказывает нам о ваших тогдашних отношениях. Она все еще думает, что обязана защищать вас. А от чего, по-вашему, она должна вас защищать? Она должна вас защищать от самой себя. Она знает, что, вредя себе, она может убить вас обоих, вас и своего отца. Вот ее претензия к вам, вот о чем никто не говорит вслух. Тут требуются чрезвычайно деликатные переговоры. Вам нужно избавить ее от вины, от ответственности, но в то же время

[39] Примечания: 39

“Николай и Александра” (1971) — британский фильм о судьбе последнего российского царя, заканчивающийся расстрелом царской семьи. — *Прим. перев.*

нельзя снимать ее именно с этого крючка, пока она не будет готова. Думаю, могло бы пойти на пользу, если бы вы поговорили с ней кое о чем из того, что мы обсуждали сегодня. Не говорите “это моя вина, я поступила неправильно в ту ночь, когда мы смотрели «Живых мертвецов»”, — потому что человек, столь обремененный ответственностью, как она, скорее всего, сразу же скажет: нет, нет, ты не виновата, это я виновата. Нам нужно избавиться от самой идеи, что кто-то непременно должен быть виноват. Всякое случается, иногда случаются плохие вещи. Никто не виноват. Мелани Кляйн проделала блистательную работу на эту тему. Большинство религий входят в эту область, освобождая людей от вины. Ваша и моя религия справляется с этим не так хорошо, как другие, но и в ней эта идея таится, прямо в “Прости нам долги наши, как и мы…” Итак. Когда будете говорить с ней об этом, не принимайте вину на себя и не позволяйте ей принимать вину. Поговорите о том, какой сильной она была и насколько сильны вы сами, раз можете признавать свои ошибки. Проявите всяческую осторожность, но поговорите об этом, потому что здесь мы подошли к самой сути проблемы.

Затем мы поговорили о Джейн Холлистер

Уилрайт и ее идеализированном и весьма путаном представлении о собственной жизни. Я сказала, что, когда я перечитывала ее книгу, я изумилась, что, будучи психоаналитиком, она не сумела отделить правду от неправды в своих представлениях о собственной жизни, — если она, прошедший подготовку психоаналитик, с этим не справилась, я начинаю сомневаться, что сама когда-либо справлюсь с этим.

— Вот почему сейчас самый подходящий момент для вас поработать с этой книгой. Она напрямую затрагивает то, о чем мы тут говорим. Я думаю, эта книга — в большей степени, чем все, чем вы могли бы заняться теперь, — способна ввести вас в те области, которые помогут вам обрести цельность. Вы уже существенно продвинулись. Сейчас настала пора подобрать некоторые части, которые вы оставили позади, и осознать, что они значат для вас.

Я сказала, это совпадает с моими несколько хаотичными мыслями, но меня уже завело в те области, в которые я вряд ли хотела бы ступать.

— Конечно, так и будет. Можете на это рассчитывать. И если в тот момент, когда вы зайдете в одну из таких областей, у нас не будет назначена на ближайшее время встреча, позвоните мне.

8 ноября 2000 года

Поговорили о выборах, которые, по мнению доктора Маккиннона, закончатся судом, “потому что не стали бы привлекать Уоррена Кристофера, если бы не собирались судиться”[40].

Я сказала, когда я приходила в нему в прошлую среду, мы ожидали вечером к ужину Кинтану, но она отменила встречу. Мы не смогли увидеться с ней в выходные, в город приехала ее подруга. Я рассказала о Николя и о том, как прошлый ее визит закончился для Кинтаны неделей детокса. Рассказала, как в понедельник ты позвонил ей на работу и выяснил, что она дома. Рассказала, как мы огорчились. Описала свой звонок ей и ее слова: “Пожалуйста, не волнуйся. Я могу с этим справиться”, и как я сказала: “Хорошо, раз ты велишь мне не волноваться, не буду”.

— Меня поражает сходство этой истории с той, которую вы рассказывали мне на прошлой неделе. В обоих случаях вы были напуганы, вы

---

[40] Примечания: 40

Кристофер Уоррен (1925–2011) — американский юрист и дипломат, в 1993–1997 гг. — госсекретарь США. В тот момент был назначен руководить пересчетом голосов во Флориде. — *Прим. перев.*

были встревожены, и в обоих случаях вы дали ей понять, что лишь она в силах облегчить этот страх, лишь она несет ответственность за ваш душевный покой.

Я сказала, я и не питаю иллюзий, будто хорошо с этим справилась.

— Я обсудил эту историю — про фильм — с доктором Кассом. Он тоже нашел ее в высшей степени красноречивой. Очень полезной для него. И вы, и Джон склонны к тревожности. У вас обоих эта склонность к тревожности была и до появления Кинтаны. Но стоило ей появиться — и все ваши тревоги и страхи сосредоточились на ее безопасности. Вы хотели, чтобы она пошла с вами на кухню, укрылась от страшного наружного мира, где ее могут похитить, ранить, отнять у вас, что для вас означало бы конец вашей жизни. Вот что вы транслировали ей, вот бремя, которое она ощущает. Вот почему она чувствует, что вы и ее отец постоянно за ней следите, постоянно пытаетесь взять на себя заботу о ней. Она знает, что это происходит потому, что вы ее любите, это она понимает. Но любовь она ассоциирует с тревогой. Она не знает, что можно любить кого-то, не переживая все время за него или за нее. Она думает, что должна волноваться за вас, раз она вас любит.

Она считает себя обузой для вас. Она думает, что только она сама может облегчить ваше бремя. В суицидальных паттернах это проступает очень отчетливо. Сначала человек начинает воспринимать себя как обузу, потом думает, что только он может устранить эту обузу, а в итоге решает, что вам будет без него лучше. Этот момент решения всегда двусторонний: с одной стороны, человек хочет раз и навсегда уйти от вашей постоянной тревоги. С другой стороны, освобождаясь сам, он освобождает вас.

Я высказала предположение: если она и в самом деле ассоциирует любовь с тревогой, будет очень жестоко — и контрпродуктивно — заявлять ей, что я не тревожусь за нее.

— Да, тут нужна деликатность. Все так перепутано к тому времени, как человек достигает ее возраста, что очень трудно понять, за какую нить потянуть. Кстати, должен вам сообщить, что в данный момент доктор Касс не опасается возможности суицида у Кинтаны. У нее вроде бы появилась какая-то жизнь помимо вас двоих. У нее есть другие отношения. До тех пор пока она поддерживает эту другую жизнь, риск суицида отсутствует.

Я показала ему ее вчерашнее электронное

письмо.

— Смотрите, что она пишет, — сказал он. — “Мне так жаль, что у меня этот недуг”. “Столько тревог для вас обоих”. “Такая обуза”. “Так жаль, что погружаю вас во все это”. Да, об этом мы и говорили. Но отмечу позитивное: явная свобода, с которой она может произнести “я вас люблю”. Это значит, что вы и Джон несомненно ощущаете такую же свободу говорить ей о любви, иначе она бы не научилась этому. Скорее научилась бы этого не делать.

Я сказала, в семье у нас никогда не было проблем с тем, чтобы выражать любовь. И это в каком-то смысле казалось мне чудом, поскольку в моей семье выражение любви было настолько усложнено, что чуть ли не парализовало.

— Знаете, я начинаю понимать, почему доктор Касс хотел, чтобы вы обратились ко мне. Дело не только в обеспокоенности Кинтаны по поводу вашей депрессии, хотя это один из факторов. Выяснилось, что мы тут стараемся разрушить паттерн, внутри которого вы сосредотачиваете все свои тревоги и страхи на Кинтане. И это не одностороннее явление. Ни в коем случае. Она высматривает ваши тревоги и страхи, она подпитывается ими. Они показывают ей, что она

любима, что у нее есть цель в жизни: она тут для того, чтобы обеспечивать вам душевный покой.

Я спросила, в самом ли деле он думает, что она так видит свое назначение в жизни.

— К сожалению, когда у человека нет сильного образа себя, пустоту может заполнить воображаемая потребность заботиться о ком-то другом. Но человек, заполняющий пустоту таким образом, в конечном итоге возмущается. Вы научились гораздо откровеннее говорить с Кинтаной о своих отношениях с ней. Это чрезвычайно ценно. Она разговаривает с доктором Кассом о ваших словах, и это открывает те области, куда он не смог бы проникнуть сам. Он думает, с ней нелегко проникать в такие области. Вы очень помогли.

Я сказала, на прошлой неделе он побуждал меня поговорить с ней о чем-то из этого… о “Ночи живых мертвецов”. Я не сделала этого, потому что мы не виделись. Как он считает, стоило бы поговорить с ней сегодня о чем-то из того, а чем мы говорили сегодня?

— Полностью в этом уверен. Если только вы сначала постараетесь внушить ей ощущение, что, говоря о таких вещах, она может укрепить свои силы, то вы окажетесь на безопасной территории. И всякий раз, когда представляется

возможность дать ей понять, что она не обязана быть похожей на вас, что она может создать свой собственный мир, — делайте это.

Я сказала, иногда я думаю, ее манера одеваться как раз подчеркивает, что она не похожа на меня. Она одевается не так, как я. Она не станет покупать вещи, которые купила бы я.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Не мешайте ей.

Вы высказали мнение, что у нее не развит образ себя, сказала я. Я сказала, я думаю, что ее полнота тоже связана с этим. Конечно, она набрала вес, когда слишком много пила, но у нее всегда имелась такая склонность, и я считаю, что для нее это проблема — на каком-то не вполне осознанном уровне это мешало ей “участвовать в состязании”.

— Когда она стала набирать вес?

В начале пубертата, сказала я. Потом, в более поздние подростковые годы, когда стала увереннее в себе, она сбросила вес, но он вернулся, когда она поступила в университет и вновь утратила уверенность в себе.

— Вы не думаете, что в начале подросткового периода она пыталась кое-что дать вам понять?

Дать понять, что она несчастна? — спросила я.

— Нет. Дать понять, что она может сделать что-то, чего вам никогда не удастся. Вы не смогли бы прибавить в весе, даже если бы захотели. Вполне возможно, что вы и хотели. Вы — та, кто могла абсолютно все, но вот это сделать могла только она.

29 ноября 2000 года

Разговор о том, как я это переживаю и как с этим справляюсь.

— Сама по себе травма бедра никак не причина для депрессии, — сказал доктор Маккиннон. — Но такого рода вещи обычно угнетают.

Да, сказала я, травма бедра угнетает. Сломанное ребро говорит о старости. Сломанная нога, сломанная рука, они говорят…

— Нечто иное, — согласился он. — Особенно для женщин.

Я сказала, мы были поражены тем, как одна мысль сломать шейку бедра пугала множество знакомых нам женщин. Это как будто включало некий широко распространенный страх. Что-то вроде испуга при виде бродяжки.

— Один и тот же страх, — сказал он. — Страх состариться, впасть в зависимость, не смочь позаботиться о себе, оказаться на обочине.

Я сказала, у нас был очень приятный и тихий День благодарения — индейский ланч, потом икра вместе с Кью, — но в сочельник мы решили никого не принимать. Во многих отношениях

это стало облегчением, но на каком-то уровне я чувствую себя виноватой: я знаю, что к Рождеству буду в намного лучшей форме и с этой точки зрения отказ устраивать вечеринку становится одним из примеров самоизоляции.

— С возрастом наши привычки принимать гостей меняются. Наши близкие друзья всегда собирали всех на Новый год. Традиция, мы каждый раз тоже ходили. Потом они стали звать через год. И я только сейчас сообразил, что прошло уже три года, и если в этом году они и планируют праздник, то нас не звали. Чтобы развлекать людей, требуется немало сил — не только физических, но и эмоциональных. В вашем возрасте начинаешь приберегать эту энергию. Она вам требуется для того, что наиболее для вас важно. Вы хотите проводить время только с теми людьми, которые вам всего дороже. Случайные дружбы волнуют в молодости — вы не знаете, во что они разовьются, в них есть тайна. Но теперь они утратили тайну. Вы все это уже видели.

Я сказала, мои родители всегда собирали родню на Новый год и Четвертого июля. И когда перестали, мне стало грустно, я думала, им стоило бы приложить больше усилий. Задним числом: вероятно, они уже не хотели прилагать усилия.

По-моему, они ни разу не устраивали праздник после того, как у мамы в 1984 году обнаружили рак. Тот год очень тяжело дался не только ей, но и моему отцу. Он никак не мог поверить, что лечение ей помогает. Он все время твердил мне, что врачи ее травят, она бы прекрасно себя чувствовала без тех проклятых лекарств, которые они ей дают. Я догадывалась в ту пору, что он в какой-то мере винит меня. Потому что именно я настаивала, чтобы она прошла химиотерапию.

— Рак груди радикально меняет жизнь, — сказал доктор Маккиннон. — Даже если ремиссия продлится десять лет, что фактически означает, что вы вылечились, все эти десять лет вы будете гадать, когда он снова нанесет удар. Вы сталкиваетесь со своей смертностью. Или уклоняетесь от того, чтобы ее признать. Какую бы стратегию вы ни выбрали, это меняет вашу жизнь.

Я сказала, я думала, речь идет о пяти годах.

— Раньше говорили так. Недавно срок увеличили.

Я сказала, моя стратегия по отношению к раку не включала признание смертности. Мне очень сложно представить себя мертвой.

— Всем сложно. Можно представить себе умирание, потому что оно в какой-то степени активно:

с вами что-то происходит, вы в этом участвуете. Но по-настоящему представить, что тебя нет, невозможно.

Я сказала, я думала об этом с раннего детства. Не об “умирании”, а о “быть” и “не быть”. Помню, как я пыталась очень быстро повернуться, чтобы увидеть, существует ли на самом деле мир, если я его не вижу.

— Я могу предложить другое вероятное истолкование. Вы пытались выяснить, что происходит у вас за спиной. Дети в семьях, где не принято выражать эмоции — то есть дети, которые растут в семьях, похожих на вашу и мою, — все время пытаются выяснить, что происходит. Они с огромным любопытством наблюдают за родителями. Их родители представляют для них глубокую тайну — зачастую манящую.

Я сказала, в детстве все взрослые — взрослая жизнь в целом — представлялись мне таинственными, но между моим поколением и поколением Кинтаны все изменилось. Взрослые, по-видимому, ее мало интересовали — она хорошо с ними общалась, но не воспринимала их как таинственных. Для нее тайной были сверстники.

— Мне представляется, в вашей семье мало что скрывалось или оставалось невыраженным. Ду-

маю, вы и Джон были с ней гораздо откровеннее, чем было бы поколение ее бабушек и дедушек.

Я сказала, завтра я ужинаю с Кью. Мы с тобой собирались на вечер, где будет много людей и много лестниц; я предложила тебе пойти, а сама позвала на ужин Кью. Она тут же истолковала это как просьбу приготовить мне ужин — как я предполагаю, очередной пример ее чувства вины, идеи, что ей следовало взять на себя заботу обо мне.

— Почему вы решили, что она чувствует себя виноватой?

Потому что через неделю после того, как это произошло, она сказала, что чувствует себя виноватой, ей “следовало бы каждый вечер быть тут и готовить для вас”.

— Но она этого не делала, ведь так?

Нет, сказала я.

— Значит, не такой уж виноватой она себя чувствует.

Я сказала, я думаю, она загоняет себя в чувство вины. Сначала говорит себе, что ей “следовало бы” что-то делать, потом не делает этого, потом чувствует себя виноватой.

— Возможно, это так, но есть и альтернатива. Возможно, она хочет выразить свою любовь к

вам. А вы отвечаете — поскольку не желаете быть обузой, — сообщая ей фактически, что не нуждаетесь в ее помощи, можете сами позаботиться о себе, все у вас прекрасно. Я думаю, эта чехарда с любовью и виной прежде всего зарождается у вас в голове. Думаю, вам досталось это от родителей, которые всегда старались не стать для вас обузой. Вы мне этого не рассказывали, но я думаю, это так, потому что желание не стать обузой для других членов семьи играет огромную роль у родителей, входивших во взрослую жизнь во время Великой депрессии. Я думаю, вам важно с этим разобраться — допустить возможность любви без вины, — потому что для нее было бы очень ценно суметь сделать для вас что-то свободно и добровольно. Приготовить вам ужин, если она этого хочет. Сделать что-то для тех, кого мы любим, — источник огромного счастья. Удовлетворения. Гордости. Не лишайте ее этого.

6 декабря 2000 года

Я сказала, неделя была ужасная.

Он сказал, что говорил с доктором Кассом.

— Мы разобрались с тем недопониманием, о котором вы говорили, и в ходе разговора он сообщил, что Кинтана не освободилась до конца от алкогольной зависимости.

Я рассказала ему, что произошло, начиная с нашего совместного ужина в четверг вечером. Обсуждение амбулаторной программы лечения. Мое истолкование — или неверное истолкование — ее тревожности и депрессии как проблемы “реальной жизни”, неотъемлемой части всякого творческого занятия или фриланса, того, через что нужно учиться проламываться или учиться это обходить, осваивать приемы, которые помогают справляться.

— Это безусловно так, — сказал он.

И, сказала я, поскольку я не учитывала при этом алкоголь как проблему, какой он, видимо, оказался, я посоветовала ей взять следующую краткосрочную работу и потом посмотреть, как она будет себя чувствовать, — программа никуда

не денется и через месяц, а к тому времени, получив позитивную обратную связь и убедившись, что на работе она востребована и полезна, она, возможно, обретет новую мотивацию начать самостоятельную работу. Она вроде бы согласилась с этим, сказала, что ей стало намного лучше после того, как мы это проговорили, и с тем ушла. Утром она позвонила и сказала, что поговорила с доктором Кассом, от работы отказалась, но все еще не решила, записываться ли в программу. Мы сказали, что тут не над чем голову ломать: раз она отказалась от работы, то вполне может записаться в программу.

И затем ее появление в пятницу днем. Она пила. Ее провожал тот человек, с которым она вдруг снова стала встречаться, который то ли оказывал на нее дурное влияние, то ли казался ей запасным выходом в тот последний раз, когда она попыталась работать как фрилансер. По-видимому, он сказал ей, что нужен детокс, что он не может видеть ее такой.

Она сказала, что пила примерно с того момента, как ушла из *Elle Décor,* но проверить невозможно. Она не говорит правду о том, когда и как пьет, или же сама не знает правду. Например, когда ты спросил ее, какой у нее был самый длинный пери-

од трезвости, она сказала, “90 дней”. Я спросила, входит ли в этот срок Хазелден, и она сказала, нет, 90 дней после Хазелдена. Но это не так. Ведь она вышла из Хазелдена 4 августа 1999 года, а утром 31 августа нам позвонили в Париж.

— Она не может смотреть правде в глаза. Вы знаете, доктор Касс хочет, чтобы она прошла “12 шагов”.

Я сказала, я знаю. Он объяснил ей, что смысл амбулаторной программы — подготовить ее или дать ей силы на “12 шагов”. Что она не может пройти “12 шагов”, поскольку у нее расстройство личности, которое ей в этом препятствует.

— Это же он сказал и мне, и я с ним согласен.

Я рассказала ему о ее реакции на встречу в воскресенье в Сент-Джеймсе.

— Значит, вы видели воочию пример того, о чем говорит доктор Касс.

Я сказала, во многих отношениях она все еще реагирует на людей как подросток.

— В ней еще много подросткового. Плюс кое-что предподростковое. Я думаю, программа ей поможет, но это значит, что вам придется еще какое-то время ее содержать.

Я сказала, мы это понимаем,

— Только на позволяйте себе вовлекаться. Ес-

ли она захочет об этом поговорить — хорошо, но сами не задавайте вопросы, не становитесь арбитром. Она постарается вынудить вас это сделать. Держитесь от этого в стороне, соблюдайте нейтралитет, говорите: “Это было бы интересно обсудить в твоей группе”. Иными словами, вынуждайте ее отстаивать себя, самостоятельно справляться с ситуацией.

Я сказала, этот эпизод очень тяжело сказался на нас обоих.

— Почему именно в этот раз? Вы уже проходили через такое, и, вероятно, это будет повторяться.

Я сказала, именно поэтому нам так тяжело. Мы не видим никакой надежды в долгосрочной перспективе. И кое-что из сказанного ей нас сильно расстроило. Например, когда она набросилась на меня: “Ты всегда говоришь о работе, тебя только работа и интересует” и т. д.

— Типичное поведение алкоголика. Всегда виноват кто-то другой.

Я сказала, еще кое-что в эти выходные расстроило меня до такой степени, что я едва могу об этом говорить: в какие-то моменты я замечала, что она мне *не нравится.*

— Разумеется, так и было. С такими ситуациями очень мучительно иметь дело. Вы потеряли тер-

пение. Это мучительно и для доктора Касса. Мне пришлось указать ему, что, когда он говорит о ней, в его интонациях звучит личная обида. “Она же закоренелая алкоголичка”, — сказал он мне, как будто ему это только что пришло в голову. “А вы за кого ее принимали?” — спросил я его.

Я сказала, одно дело личные переживания доктора Касса и совсем другое — мои, ведь я ее мать. И есть еще кое-что. Всю жизнь я отворачивалась от людей, которые причиняли мне неприятности. Выбрасывала их из своей жизни. Я не могу допустить, чтобы такое произошло с Кинтаной.

— Этого не произойдет. Это никак не может произойти. У вас слишком сильный материнский инстинкт. Даже сегодня, когда вы ждали в приемной, я видел, как вы рассматривали фотографии в *National Geographic* — полярных медведиц и их детенышей — и с явным сожалением отложили журнал, чтобы войти в кабинет. Но давайте поговорим немного о причинах, по которым вы отрезали от себя тех или иных людей. В конечном счете вы делали это, чтобы защитить себя, но прежде всего для того, чтобы защитить их от своего гнева. Вы боитесь собственного гнева. Вам кажется, он настолько могуществен, что способен уничтожить человека, на которого вы

разозлились, и этих отношений больше не будет.

У меня их и так нет, напомнила я: я порываю с этими людьми.

— Но они не всегда знают о том, что вы с ними порвали, верно?

Не всегда, сказала я.

— То есть теоретически вы могли бы простить их и возобновить отношения.

Я сказала, я не понимаю, к чему он клонит. Сказала, для нас это было очень тяжелое время. И ты, и я действительно предпочитаем держать все под контролем. А в прошлом месяце мы совершенно ничего не могли держать под контролем — и все это достигло кульминации днем в пятницу.

— То, что делает для вас нынешнюю ситуацию с Кинтаной особенно мучительной и отчасти вызывает у вас гнев, а также вину за то, что вы сердитесь на нее, вероятно, связано с тем, что в глубине души вы думаете, она могла бы контролировать это, если бы захотела. Она могла бы вступить в программу “12 шагов”, она могла бы не выпивать в тот раз.

Я сказала, да. Это правда. Я не могу отделаться от ощущения, что она могла бы контролировать ситуацию, если бы захотела. Но для меня вопрос заключается не в решении, выпить или не вы-

пить. Я считаю, она могла бы контролировать то, как она справляется с самой выпивкой. Пусть случился срыв. Так что бы она потеряла, если бы заставила себя утром встать и пойти на работу?

— Эта стратегия — отодвинуть все в сторону и заняться работой — прекрасно работала для вас. Это лучший известный людям способ унять тревогу. Работа лучше наркотиков, лучше даже алкоголя. Но она не верит в свою работу так, как вы верите в свою. Когда поверит, она будет во всех смыслах исцелена.

Я сказала, в последнее время я не могла работать. Сказала, и ты тоже не мог.

— Вы должны вернуться к работе. Вы оба. Она помогает вам функционировать. Вы должны вести свою жизнь так, словно ничего этого не происходит, в то же время признавая, что это происходит. Если вы сейчас развалитесь на части — это будет худшее, что могло бы с ней случиться.

13 декабря 2000 года

Разговор о моем самочувствии в связи с бедром. Я сказала, я намного крепче — физически уже почти в норме, но душевно сотрясена, чувствую себя хрупкой, слишком быстро устаю. Например, я устала от вечера в четверг, хотя сама ничего не делала. Рассказала о том, что произошло вечером в пятницу — чтение, Хедерманы, и вдруг я поняла, что мне нужно домой. Я сказала, я уж думаю, не влияет ли такого рода травма на мозг, хотя головой-то я не ушиблась.

— Конечно, влияет, — сказал он. — Подобного рода травма заставляет вас чувствовать себя хрупкой, мало на что годной. Она негативно влияет на самооценку. У вас в мыслях одно: только бы не упасть. Самое важное сейчас для вас: не падать. Вы движетесь по-другому, вы иначе воспринимаете окружающую среду. Прошлой зимой я упал, а потом три месяца передвигался на костылях. До того я никогда прежде не боялся ходить в этом районе в темное время суток. Но на костылях я боялся. Чувствовал себя легкой добычей. Потом — даже когда костыли уже боль-

ше не требовались — мне пришлось отменить поездку в Сиэтл, я не увиделся с дочкой. То есть я ощутил новые границы. Я смог отправиться на встречу с однокурсниками, но мне было плохо: я думал только о том, как бы избежать травмы… Потом я решил, что нет смысла ехать в Европу, как мы обычно ездим в сентябре. Из-за этого чувствуешь себя старым. Никчемным. Так что хоть вы и не ударились головой, на голове это все же сказывается.

Я сказала, я думаю, это ощущение своей хрупкости обострилось из-за напряжения прошлой недели. Вчера ночью я поймала себя на том, что сомневаюсь — смогу ли я сесть за руль, если отправлюсь в январе навестить мать.

— Вы не забыли, как вести машину, но я понимаю, откуда это сомнение. Я так понимаю, Кинтане сейчас лучше?

Я сказала, по-видимому, да. Я говорила с ней в воскресенье, и мы оба несколько ободрились: она говорила, что “продержалась девять дней” — без ложной эйфории и не занимая оборонительную позицию, которую мы научились воспринимать как сигнал опасности.

Мы поговорили о решении Верховного суда[41]. Я сказала, меня это огорчает и тревожит — не в связи с тем, кто в итоге станет президентом.

— Тревожит то, что они сделали или чего не сделали?

То, что они сделали, сказала я. Я сказала, мне казалось, я всегда могу понять Тони Кеннеди[42]. Я не всегда соглашаюсь с его решениями, но я знала, откуда они берутся, — это идет из Сакраменто. А на этот раз все по-другому. Я не могу это понять. Было вполне ясное решение, которое суд мог принять, когда впервые рассматривал это дело, но они его не приняли.

— Они играли в политические игры. А Верховный суд Флориды не помог им в этом, там играли в свои игры. Очевидно, если бы они хотели сделать как лучше для страны, но при этом не гарантировать заведомо тот или иной результат, нужно было бы сказать: давайте пересчитаем голоса по

---

[41] Примечания: 41

12 декабря 2000 г. Верховный суд утвердил подсчет голосов на президентских выборах, отменив решение Верховного суда Флориды о пересчете спорных бюллетеней. Буш-младший победил во Флориде с перевесом в сотые доли процента, и это определило его победу в борьбе за Белый дом. — *Прим. перев.*

[42] Примечания: 42

Энтони Кеннеди с 1988 по 2018 г. был членом Верховного суда. Он родился в Калифорнии, в Сакраменто; они с Дидион дружили с детства и поддерживали общение вплоть до ее смерти.

всему штату и вот какими стандартами будем при этом руководствоваться. И тот, и другой суд могли это сделать, пока было вполне достаточно времени. Но ни тот, ни другой этого не сделали.

Я сказала, вероятно, это меня и тревожит. Из-за этого и огорчает роль, которую сыграл здесь Тони. Он умен, он мог это предвидеть. Так почему же не высказался?

— Он живет в обществе. Очень маленьком, нуклеарном обществе. Эти девять человек и составляют его общество. Он должен быть с ними заодно, чтобы хоть как-то функционировать.

Я сказала, наверное, я все еще представляю Тони тем мальчиком за обеденным столом, очень умным, в каких-то отношениях очень идеалистичным — семья вовсе не была идеалистичной, да и как бы это было возможно, его отец был адвокатом Арти Сэмиша[43], его мать с головой погрузилась в политику, но они были… всегда правильные, и Тони до сих пор был правильным. Вот почему мне тревожно, когда он идет на такие компромиссы.

— Большинство людей идет на компромиссы.

---

[43] Примечания: 43

Арти Сэмиш (1897–1974) — калифорнийский лоббист, похвалявшийся тем, что с помощью подкупа и проституток может провести любое решение. — *Прим. перев.*

Вы смотрите на это со своей особой точки зрения. Вам присуща необычная чистота намерений. Вы крайне разумны, абсолютно логичны, и вы требуете, чтобы все соответствовали этим стандартам.

Я сказала, я и сама-то им не соответствую.

— Быть всегда правой — не гарантия, что вы будете довольны собой.

Я сказала, мне кажется, он подразумевает, что я не всегда права.

— Я подразумеваю, что вы не можете себе позволить быть неправой. Не можете позволить себе допускать ошибки, быть человеком. Потребность быть правой — это как прикосновение Мидаса. Думаешь, как было бы здорово, если бы все, до чего дотрагиваешься, превращалось в золото, а потом видишь, что и сам превратился в золото, утратил человеческую природу.

Я сказала, меня этот разговор отчасти поражает, потому что все наши ссоры с тобой так или иначе сводились к твоему утверждению, что я веду себя так, словно я всегда права. Я сказала, что никогда толком не могла этого понять, потому что я не чувствую себя правой.

— Конечно, вы не чувствуете себя правой. Вам никогда не удается быть настолько правой, чтобы стать довольной собой. Существует определен-

ный тип семей, который поощряет развитие именно такой личности, как вы. Дети в такой семье думают, что их любят только когда они все делают правильно. А потом они вырастают и не понимают, почему правота не может снискать им любви. Но ведь не может. Напротив, она их изолирует. Они не могут смириться с ошибками других людей, потому что не могут смириться с собственными ошибками. Интересно, что сейчас мы говорим о той же самой вещи, о которой заговорили, когда вы сюда вошли. Об ощущении хрупкости, угрозы со стороны других людей, угрозы со стороны мира, которую вы не можете контролировать. Вот что произошло с вами, когда вы упали: вы утратили контроль. А его-то вы больше всего боитесь потерять. Вы не понимаете, как жить без контроля. Иными словами, вы не понимаете, как обойтись без необходимости быть правой.

20 декабря 2000 года

Обсуждение Рождества: чувствую себя зажатой между депрессией матери и депрессией Кью; обычные тревоги этого сезона более очевидны для меня в нынешнем году, потому что нет вечеринки, на которой я могла бы сосредоточиться, что оставляет меня с ощущением, будто я недостаточно “делаю”. На самом деле я подготовила подарки всем кому надо, за исключением Кинтаны, здесь у меня абсолютно белое пятно. В последние годы мы дарили ей то фотоппарат, то еще какое-то оборудование, связанное с ее “карьерой”, но в этом году я скована по рукам и ногам, поскольку несколько недель назад она мне заявила — предположительно в пьяном виде, — мол, я только и говорю, что о ее работе.

— У нее уже есть цифровой фотоаппарат?

Нет, сказала я, и это был бы отличный вариант, если бы она сама его упомянула, но если нет, я не уверена, будет ли хорошей идеей подпитывать сложившееся у нее, по-видимому, ощущение, будто мы толкаем или направляем ее работать.

— Наверное, о фотографии она думает как о

чем-то отличающемся от просто “работы”?

Я сказала, в данный момент я не знаю. Она явно этого боится, отталкивает — называет “работой”, — но с другой стороны, возможно, у нее действительно нет необходимого для этого темперамента. У нее есть талант, но, может быть, нет темперамента — когда занимаешься чем-то в этом роде, то и дело наталкиваешься на отказ, не получаешь позитивной обратной связи, пока основательно не утвердишься в профессии, — возможно, для нее отказ невыносим, возможно, ей нужно заниматься чем-то другим, возможно, вся затея уйти в “творчество” проистекала из того, что так жили мы, возможно, ей следует пересмотреть варианты.

— Разумеется, именно об этом она сейчас разговаривает с доктором Кассом.

Я сказала, я не знаю, о чем они разговаривают. Сама я с ней об этом не говорила. Однако я говорила — пару раз недавно, когда она ныла, как она “ненавидит Нью-Йорк”, — что она не обязана жить в Нью-Йорке, она может жить, где захочет, квартира у нее в собственности, она может продать ее и жить где захочет.

— Что она ответила?

Я сказала, она говорит, сейчас неподходящее

время чтобы об этом думать. Конечно, так и есть. Но я просто хотела напомнить, что у нее есть выбор, она может принимать решения, менять свою жизнь.

— Думаю, ее эмоциональные отношения слишком важны для нее, поэтому она не готова обсуждать переезд. Но я также думаю, что ей следует вместе с доктором Кассом исследовать ее чувства относительно того, что она называет “работой”. Я как-то спрашивал вас, подавала ли она хоть раз фотографии на какой-нибудь конкурс.

Я сказала, да, однажды, в университете, и тогда она выиграла конкурс, что означало также, что фотографию разместили на билборде на шоссе в Нью-Джерси.

— Весьма внятное подкрепление. Тем более странно, что она не стала больше участвовать в конкурсах. Меня это удивляет.

Я сказала, еще одно дело, насчет которого я испытываю сомнения, — как вручить ей деньги. Прежде мы говорили о подарке 100 тысяч долларов — эта сумма послужила бы ей финансовой подушкой теперь, когда она выходит на самостоятельный путь. Но прежде это всегда позиционировалось как своего рода “инвестиция”, средства, которые она может использовать для

продвижения своей карьеры. Очевидно, теперь, когда она половину времени проводит на терапии и, насколько я знаю, в оставшуюся половину дня ничего не делает в смысле работы, ей понадобятся деньги просто на то, чтобы содержать себя. Но эти деньги не предназначались для расходов на ее содержание. Я попросту не могу заговорить с ней об этом — я боюсь, разговор скатится в "разве мое здоровье не на первом месте?!"

— Думаю, вам было бы намного легче поговорить с ней, если бы у вас не было повестки.

В каком смысле, — спросила я.

— В том смысле, что вы не терзали бы себя вопросами, следует ли давать ей деньги или нет. Вы ничего не добьетесь, если не дадите ей денег, потому что а) разговаривая с ней, вы будете каждый раз гадать, хватает ли ей денег оплатить коммунальные услуги, и б) она станет вникать в вопрос, почему вы не даете ей деньги, она решит, вы не даете их потому, что считаете ее недостойной. Так дайте ей деньги, уберите этот фактор из уравнения. Выпишите наконец чек и вручите ей без лишних слов: чем меньше вы будете об этом говорить, тем лучше. Не указывайте ей, как ими распорядиться: учитывая вашу семейную динамику, она, скорее всего, подумает, вы рассчи-

тываете, что она поручит какому-то семейному консультанту их инвестировать. Так дайте же ей понять, что она может сделать так, если хочет, или как угодно иначе, если хочет иначе. Деньги ее. Вот и весь разговор.

Я сказала, я много думала о нашем разговоре на прошлой неделе о Тони Кеннеди, который на самом деле был, конечно, разговором обо мне. Я осознала, что труднее всего мне дается неспособность к компромиссам, отказ участвовать в общей игре. Я сказала, таким был и мой отец, до крайности. Теперь я вижу, что Кеннеди выросли в целой социальной сети, где можно было просить и возвращать услуги, люди шли на взаимные уступки. Но только не я. Например, “хорошей” летней работой для старшеклассницы в Сакраменто считалось участие в ярмарке штата. Все стремились туда. Родители делали один звонок, и ты получал эту работу. Мой отец знал, кому надо позвонить, но так и не позвонил.

— Может, потому — попробуем взглянуть в благоприятном свете, — что он был идеалистом? Просто не знал, как устраиваются такие дела?

Я сказала, я думаю, скорее он просто не мог попросить об услуге. Я сказала, у него было своеобразное воспитание. Мама умерла, когда он был

еще ребенком, и его вместе с младшим братом отправили жить к сестре отца, старой деве, настолько пугливой и ни к чему не способной, что в другой стране или в другую эпоху ее, наверное, поместили бы в лечебницу. Она боялась выходить из дома после заката, она боялась ездить в машине — пассажиром, не то что за рулем. Отчасти моего отца воспитывала и семья его матери, их он любил, но его отец и тетя оставили свой след. Когда он поступил в Беркли, отец вовсе не давал ему денег не потому, что сам их не имел, а потому что считал, что его сыну незачем тратить время на образование. Папе пришлось зарабатывать каждый цент.

— Это экстремальный урок. Он должен был отразиться и на том, как воспитывали вас.

Я сказала, в чем-то отразился, а в чем-то нет. Он не был скуп, как его отец, — дед умер, когда я уже училась в университете и все еще обращалась к нему “мистер Дидион”, — но у отца бывали странные закидоны с деньгами. Единственный раз, когда мама при мне выплеснула свой гнев на отца, был, когда мы переехали на Уолнат-роуд и Джимми просил обустроить бассейн, а папа сказал: “Конечно, у нас будет бассейн, если Джимми его выроет”. И вот все лето — а лето в Сакраменто

очень жаркое — Джимми пытался выкопать бассейн в почве, где твердый слой начинался примерно на глубине в дюйм. Однажды мама в ярости сказала мне: “Посмотри, вот он мучается, роет, и даже если каким-то чудом сумеет выкопать, твой отец никогда не согласится заплатить за обустройство бассейна”.

— Было бы странно, если бы что-то из этих внушений — хочешь бассейн, выкопай, хочешь денег, заработай — не сказалось сейчас на вопросе передачи денег Кинтане. Думаю, вам стоит рассматривать это как подарок самой себе. Вы даете себе привилегию подтвердить, что верите в ее ценности. А если вы не верите в ее ценности, то и не давайте ей денег.

Я сказала, в ее ценности я верю. Во что я не верю, так это в ее здравый смысл.

— Здравый смысл люди приобретают, делая что-то. А не позволяя родителям делать все за них.

3 января 2001 года

Я сказала, после разговора с ним на прошлой неделе мне странным образом полегчало. Хотя к вечеру среды ничего не изменилось и не наладилось, но до меня наконец дошло, что я могу сохранять определенную дистанцию, не бросая ее на произвол судьбы, — что в любом случае мои попытки “исправить” или направить жизнь Кью бесплодны и все, что я могу, — это жить своей собственной жизнью. А дальше, начиная в какой-то степени с ее звонка в четверг, она вроде бы стала выбираться из состояния свободного падения. Звонок в четверг все еще был несколько “вкривь” по интонации, но, по крайней мере, показалось, что она признает: нужно попытаться взять жизнь в собственные руки. Я сказала, я все еще не знаю, признает ли она это в самом деле или же отвечает на наши ожидания, какими они ей представляются, — но лучше хотя бы так, чем просто свободное падение.

Я рассказала ему о наших с тобой разговорах о друзьях, старых и новых — как ты сказал, что чувствуешь разрыв с нашими старейшими дру-

зьями точно так же, как и я. И как после ужина с Хальберстамами и ланчем в субботу и встречей с четой Дики вечером в субботу мы оба почувствовали, что друзья у нас есть, только теперь другие.

— Это очень позитивно, — сказал он. — Особенно для вас двоих. Внутри семьи ваши ресурсы ограничены. Всего один ребенок — внуков нет, — и способность этого ребенка обеспечить вам необходимый повседневный уровень общения порой прибывает, а порой убывает, и убывает чаще, чем прибывает. Общение, близость — вот что дается ей труднее всего. Так что вы не можете в этом смысле на нее положиться. И потому у вас двоих есть необходимость — более острая, чем у большинства людей — обзавестись близкими друзьями, развивать тесные отношения за пределами семьи. По мере того как мы стареем, мы все чаще теряем друзей, отдаляемся от них. И очень немногие готовы завязывать новые отношения. Почти все прячутся внутри своей семьи. У вас этого убежища нет. Поэтому чем больше вы будете развивать дружеские отношения, тем лучше для вас. Нужно поддерживать живые связи. Принимать гостей — одна из важных составляющих. И опять же, старея, мы склонны больше не пригла-

шать гостей. Слишком много хлопот. Например, вы упоминали, что в этом году на Рождество не устраивали праздник и вам этого недостает.

Я сказала, хоть я и жалуюсь, когда приходится принимать гостей, это все же дает мне ощущение, что я приношу пользу, а в нынешнее Рождество такого не было.

— Не только приносите пользу. Вы еще и ощущаете связь с другими людьми. Именно в связи с людьми вы особенно остро нуждаетесь.

Я рассказала ему о свадьбах дочерей Триллина, вторую из которых невозможно ни забыть, ни объяснить.

— Это, должно быть, причинило вам глубокую травму, — сказал он. — Много ли в вашей жизни осталось старых друзей? И вдруг обнаруживается — или вам кажется, что обнаружилось, — что дружба означает совсем не то, чего вы ожидали.

Я сказала, не думаю, что дело в Кальвине. Думаю, просто согласились со всем, чего хотели сами девочки.

— Так нынче все поступают. Очень нездоровые решения. Не в этом суть свадьбы. Она не в том, чтобы все вращалось вокруг невесты, а в том, чтобы отметить момент, когда новая пара занимает свое место в сообществе. И это вовлекает

других людей.

Я рассказала ему о Кью в канун Рождества — может быть, поскольку мы и сами были вымотаны, в этот вечер между нами возникла настоящая близость. Она пришла, немножко поплакалась насчет того, что все остальные идут на вечеринки, прекрасно проводят время, но было очевидно, что не все прекрасно проводят время, вот мы, например, нет, и она вроде бы это поняла. Я напомнила, что я высказывала предположение — когда она жаловалась на АА, мол, люди в АА совсем не так готовы помогать, как они обещали, — что, возможно, она сама не проявляет готовность принять помощь, возможно, она в этом похожа на меня: все время стараюсь демонстрировать, как я справляюсь, не хочу, чтобы заметили, как я нуждаюсь в помощи, потому что вдруг не помогут, вдруг мне откажут. И она вроде бы согласилась, что так она себя и ведет. Потом, когда мы говорили с ней на следующий день, она вроде бы хорошо провела время на мероприятии АА, и когда мы отметили это, она сказала: “Это вы оба помогли мне почувствовать себя лучше”.

— Ради этого вы и трудились! Всю работу, что мы проделали, мы проделали, чтобы добраться до этого момента. Чтобы она смогла это сказать.

Она все еще не будет способна на такой уровень близости постоянно, однако сам факт, что она способна его выразить, — огромный шаг вперед.

Я рассказала о своем разговоре с матерью в духе Ливии Сопрано[44] в первый день нового года. Она “понятия не имела”, находится ли Джим в городе, но затем выяснилось, что она видела его в то утро. “Он только тем и занимается, что играет в гольф”, — жаловалась она, но прежде десять лет донимала его, чтобы он вышел на пенсию, а когда он наконец это сделал, требовала, чтобы он “перестал летать туда-сюда и играл в гольф”. Теперь он перестал “летать туда-сюда” и играет в гольф, арендовал дом в Палм-Дезерт и ближайшие четыре месяца собирается только играть в гольф и больше ничего не делать. Тут же и это становится причиной для жалоб. Я сказала, я поняла: что бы он или я ни делали, ее это уже не порадует, но хотела бы знать, понимает ли это и мой брат.

— Я бы предположил, раз он отправляется в Палм-Дезерт на четыре месяца, значит, понимает.

---

[44] Примечания: 44

Ливия Сопрано — персонаж сериала “Клан Сопрано”, эгоистическая, манипулирующая сыном мать. — *Прим. перев.*

17 января 2001 года

Я рассказала доктору Маккиннону про вчерашний ужин. Как Кью сказала, что хочет пойти в шумный ресторан, потому что ей кажется, она только и делает, что ходит на собрания и ест в столовых.

Потом она сказала, она хочет нам кое-что рассказать, и рассказала: ее консультант в программе амбулаторного лечения советует ей записаться в дополнительную группу, а ей не нравится считать себя "настолько больной". Я сказала, вопрос не в том, что она больна, а в том, почему консультант это рекомендовал. А она сказала, потому что на прошлой неделе у нее был срыв, и когда они обсуждали, почему произошел срыв — "потому что я была одинока и в унынии", — консультант предложил эту дополнительную программу.

Затем я передала ему наш разговор сегодня утром. Я признаю, что я всегда пытаюсь вмешаться и "решить ее проблему", я признаю, что мне следует остановиться, и стараюсь это сделать, но порой все выглядит так, словно она *ожидает* от меня решения проблемы, *хочет* этого. Как будто

она крайне пассивно относится к собственной жизни.

— Разумеется, она хочет, чтобы вы решали ее проблемы, — сказал он. — Это ее глубочайший паттерн. Основной источник ее проблемы. Однако, чем обсуждать это как крайнюю пассивность, вы бы оказались ближе к цели, если бы рассматривали это как крайнюю зависимость.

— Ее буквально повергает в панику сама идея принятия решения. Она боится принять неверное решение.

Я сказала, сегодня я говорила с ней по телефону, и она сказала, что консультант будет рад обсудить программу со мной. И я ответила, речь идет не обо мне и не мне принимать решение. Это нужно сделать ей. Она не желала с этим смириться. Под конец разговора она все еще повторяла, что пошлет мне факсом информацию и я смогу высказать ей свое мнение.

— Вы сказали, что не станете это читать?

Разумеется, не сказала, ответила я.

— Почему?

Я сказала, это выглядело бы так, словно я вовсе ею не интересуюсь.

— Вы думаете, в ее уме существует хотя бы тень сомнения в том, что вы ею интересуетесь?

Я сказала, думаю, что нет.

— Вам придется поговорить с ней об этом. У нее крайняя степень зависимости. И вы тот человек, от кого она зависит, поскольку она всю жизнь обращалась к вам, чтобы вы принимали за нее решения. Ей уже тридцать четыре, а вы все еще вмешиваетесь. Конечно, она хочет, чтобы вы вмешались, ведь тогда это станет вашей ответственностью, а не ее. Вы даете ей именно то, чего она хочет. Она может уходить от ответственности и одновременно возмущаться тем, как вы ее контролируете. Таков ее паттерн. Нам не слишком-то удается поменять этот паттерн с ее стороны, поэтому мы пытаемся изменить его в вас. Я думаю, вы должны ей сказать — и вам предстоит повторять это двадцать пять раз, а то и сто: “Я допустила ошибку. Я допустила, чтобы ты впала в зависимость от меня. Я думала, таким образом я смогу показать тебе, как сильно я тебя люблю, я думала, таким образом я смогу защитить тебя, сохранить в безопасности. Теперь я понимаю, что причинила тебе вред своей гиперопекой. Мне жаль, что я раньше этого не понимала. Но теперь я стараюсь измениться. Я не стану больше принимать решения за тебя. Я могу дать тебе совет, как принимать решения

— рассказать о процессе, о способах подобраться к решению, — но принимать их за тебя не могу".

Я спросила, какой совет можно дать насчет процесса.

— Ну, прежде всего, она, кажется, не осознает, что не каждое решение оборачивается пожизненным сроком. Взять, например, эту программу — она могла бы хоть попробовать. Посмотреть, не поможет ли. Это краткосрочный курс. Никто не ожидает, что она задержится в этой программе надолго. Поможет — отлично. Не поможет — она это поймет и сможет принять другое решение. Но вы этого сделать не можете. Скажите ей, что, за исключением ситуации, когда она находится в непосредственной опасности — причем вы эту угрозу видите, а она нет, — вы не участвуете в процессе принятия решения.

После паузы я сказала, что на самом деле вижу непосредственную опасность. Опасность, на мой взгляд, в том, что чем больше она привыкает думать о себе как об инвалиде, чем больше изолируется от нормальной светской жизни и нормальной трудовой жизни, тем ближе она к самоубийству.

— Согласен, — сказал он. — И все же. В этой программе она не будет полностью изолирована. Там

предполагается большое количество общения. И это полезнее для нее сейчас — в краткосрочной перспективе, — чем сидеть одной в квартире и пить. Разумеется, это ощущается как шаг назад, отступление — когда-то ты была функционирующим сотрудником в требовательной рабочей среде, а теперь нет. Но она дошла до точки, в которой она, по-видимому, уже не могла функционировать. И сейчас можно вообразить куда худшие ситуации, в которые она может попасть, нежели программа амбулаторного лечения.

И все же, сказала я…

— Это не настоящая жизнь, — сказал он. — Нет. Но это отступление не навсегда. Она вернется к настоящей жизни. Когда разовьет навыки, помогающие жить реальной жизнью.

Затем он вернулся к проблеме суицида.

— Парадоксальным образом от суицида ее удерживает — и это, возможно, единственный сильный стимул — мысль о том, что это убьет вас и Джона. Я уже говорил вам, вы должны поддерживать в ней эту мысль. Пока хотя бы один из вас жив, она, как мы считаем, не зайдет настолько далеко. А к тому времени, как вас не станет, она, будем надеяться, найдет что-то еще, ради чего стоит жить.

Мы поговорили о самоубийстве вообще и о гибели Стивена в частности. Я сказала, он чуть не убил заодно и своих детей, как это случилось несколько недель назад на Лонг-Айленде.

— Знаете случаи, когда мать убивает себя вместе с детьми, чтобы не бросать их? Мы считаем, в случаях, как на Лонг-Айленде, есть подобный элемент. Некое чувство — быть может, глубоко в подсознании, и все же оно присутствует, — что нельзя бросать близких, нельзя оставить их одних, в горе.

31 января 2001 года

Я обсудила наше впечатление от ужина в “Давате”: Кью была в порядке, она очень старалась, но (или “и”, не знаю, какой союз будет здесь уместнее) она не получила ни малейшего удовольствия.

Мы обсудили это. Я сказала, что она явно все еще в глубокой депрессии — это проявляется в ее неспособности заниматься простейшими вещами, например, она не может получить факс.

— Не делайте этого за нее, — сказал он. — Все в вас рвется облегчить ей жизнь, но, если вы сделаете это за нее, вы лишите ее удовлетворения от того, что она сделала это сама. Такого рода неспособность справляться с повседневными задачами типична для депрессии. Несомненно, сейчас это прорабатывают с ней на групповых сессиях.

Я сказала, она так и сказала. И она старается. И все же ей не удается ничего организовать, а ведь лет в 16–17 эффективность была ее второй натурой, и меня это поражало, потому что я сама склонна к прокрастинации, ввязываюсь в какое-то одно дело, а все остальное упускаю. Она

никогда не была такой.

— Ее способность или неспособность делать такие простые вещи — самый наглядный показатель ее депрессии. Она должна проработать это сама. Именно этим она и занимается в нынешней своей ситуации.

Я сказала, мне слышалось прошлым вечером и раньше тоже нечто тревожащее в ее отношении к своей нынешней ситуации. “Презрение” было бы слишком сильным словом, сказала я, но что-то похожее.

— Самоуничижение? — предложил он.

А это недостаточно сильное, сказала я. От меня пока ускользает.

— Ей, наверное, очень тяжело, — сказал он. — Только что она была деятельным членом общества, имела хорошую работу, получала зарплату, у нее был кабинет, у нее была должность. И вдруг ничего этого не стало. Она сама по себе.

Я сказала, не просто сама по себе. Она не воспринимает себя как человека, оказавшегося в ситуации, когда он сам за себя отвечает. Она, по-видимому, рассматривает себя как пациентку.

— И к этому добавляется элемент стыда, — предположил он. — Она ненавидит ситуацию, в которой оказалась, и в какой-то мере ненавидит

и саму себя за то, что попала в эту ситуацию.

Да, сказала я, нечто похожее я уловила. И я не знаю, в какой мере я могу поговорить с ней об этом.

— Думаю, что не можете, если только она сама не проявит инициативу. Если хотя бы не намекнет.

Я сказала, она намекала на это прошлым вечером, но я не понимала, как подхватить разговор. Она увидела в ресторане кого-то, кто показался ей знакомым, и мимоходом заметила, что не знает, как отвечать, когда люди спрашивают, чем она сейчас занимается. “Что я должна сказать? Что я в этой амбулаторной психушке?” И мы обе не стали продолжать этот разговор.

— Думаю, когда она упоминает об этом в такой манере, имеет смысл подчеркнуть, насколько она сильная, раз она это сумела — раз она смогла сделать паузу в личной жизни и в карьере, пока трудится над тем, чтобы вернуть себе здоровье. Это требует столько сил, сколько не у каждого найдется. Подчеркивайте именно ее сильную сторону. Долгосрочные выгоды этого решения. Главное — избежать впечатления, будто вы — молча или, хуже того, выраженным согласием — подтверждаете, что у вас есть те самые мысли,

которые она неизбежно у вас подозревает и которых сама больше всего боится: что она ничего не делает.

7 февраля 2001 года

Я заговорила о статье в воскресном выпуске “Лос-Анджелес таймс” о десятилетнем ребенке, погибшем в результате нелицензированного лечения от “реактивного расстройства привязанности”. Я сказала, статья побудила меня задуматься о многих вещах: 1) в самом ли деле у ребенка было расстройство, или мать попросту нуждалась в большем проявлении любви, чем любой ребенок (не говоря уж об этом конкретном) мог ей дать; 2) не составляет ли это часть динамики в очень непростой сфере восточноевропейских усыновлений; 3) не применимо ли это (вероятно, с меньшей интенсивностью) ко всем приемным родителям, по крайней мере к матерям, — то есть не нуждаются ли они в ребенке по определению больше, чем “нормальные” матери?

— Я бы сказал, в определенной мере да, это верно. Кстати, у меня была пациентка, усыновившая ребенка из России. Сначала ребенка усыновили в России, затем вернули, снова усыновили и снова вернули. Так что к тому времени, как в возрасте пяти лет девочка попала в нашу страну — не

зная ни слова по-английски, — она была глубоко травмирована.

Он сказал, что несколько лет назад на ужине выпускников медицинского колледжа рядом с ним сидела женщина, президент ассоциации выпускников, специализировавшаяся на расстройствах привязанности. Она утверждала, что добивается существенного результата с помощью альтернативных подходов.

— Она арендует на три дня тренажерный зал, приглашает туда три поколения семьи, все сидят на матах и рассказывают друг другу о своих надеждах и разочарованиях. Обнимаются и так далее, но ничего похожего на тот случай, который вы описали. Она утверждает, что успешно лечила расстройства привязанности даже у взрослых. Она утверждает также, что успешно лечит аутизм, так что я отношусь к этому не без доли скепсиса. И все же чем старше я становлюсь — я замечаю такое и у моих коллег, — тем больше мне хочется применять альтернативные методы. Как же иначе. Ведь мы видим ограниченность традиционной медицины, особенно в моей области. Пациентку с русским ребенком я отправил к ней.

Я сказал, размышления об этой статье навели

меня на мысль, что я с самого начала хотела слишком многого от Кинтаны. Что она несла бремя этой моей потребности.

— Разве не об этом мы все время говорим? Но не возлагайте всю вину на себя — она очень трудный пациент, очень непростой случай.

Я сказала, я это признаю. Вот еще о чем мне напомнила та статья: я узнала в описании расстройства привязанности свойственный ей паттерн. Как она умеет выглядеть в глазах всех очаровательной и идеальной, даже когда разваливается на куски. Как она притворяется, даже лжет, в том числе и самой себе. Я сказала, в литературе по алкоголизму этот паттерн приписывается влиянию алкоголя. Она сама, опираясь на литературу, описывает это как “типичное поведение алкоголика”. Но увидев, что такой паттерн описывается как расстройство привязанности, я задумалась, в самом ли деле алкоголь тут первопричина.

— Дело не в алкоголе. Дело в личности. Алкоголь добавляется как способ заглушать симптомы расстройства личности.

Я сказала, из-за ее умения притворяться нам очень трудно в каждый конкретный момент оценить ее состояние. Например, в настоящий

момент она с виду немного выровнялась, она активнее участвует во встречах АА. При нашей последней встрече она упоминала, что ждет и не принимает страховых решений относительно своего бизнеса, пока не появится более ясная идея, чем же она собирается заниматься, — и что доктор Касс сказал, она может сократить частоту групповых сессий, если найдет себе стоящее дело, и она подумывает пойти учиться работе на компьютере.

— Выглядит очень хорошо, однако не забывайте: она глубоко заинтересована в том, чтобы хорошо выглядеть перед вами. Кстати, я надеюсь, вы осознаете, когда описываете свойственные расстройству привязанности очарование и умение притворяться, что самый влиятельный на протяжении последних восьми лет американец представляет собой воплощение расстройства привязанности.

Я сказала, он, очевидно, имеет в виду Клинтона.

— Хрестоматийный пример. Потребность очаровывать, побеждать. Гнев и жалость к себе. Он не привязывается, он соблазняет.

Я сказала, у него, мне кажется, имеется одна

искренняя привязанность. К Челси[45].

— Безусловно. И ей это дорого обойдется. Впрочем, в семьях ничего не дается легко, верно?

Кстати, о семьях: я сказала, что мысли, спровоцированные той статьей, помогли мне осознать, что появление “другой семьи” Кинтаны оказалось для нас намного более травматичным, чем мы в то время позволяли себе осознать. В то время, когда это произошло, нас больше всего беспокоило глубокое огорчение Кинтаны, и все наши инстинкты были направлены на усилия “нормализовать” ситуацию. Например, наше знакомство с Эрин[46] мы провели как обычное “светское” мероприятие, как будто это был очередной ужин в ресторане с новой симпатичной подругой Кинтаны. Другого способа действовать и не было, и все же такой подход помешал мне разглядеть, что именно я думала по этому поводу. Все в облике этой семьи, могла бы я сказать сейчас, было катастрофой, угрозой не только для Кинтаны. На каком-то уровне я никогда не признавала, что меня пугало, кого она выберет.

---

[45] Примечания: 45

Челси, дочь Клинтона, была подростком, когда ее отец попал в Белый дом. — *Прим. перев.*

[46] Примечания: 46

Эрин — биологическая сестра Кинтаны.

Боялась: если они станут бороться за нее, а мы рыцарски откажемся от борьбы, то мы обречены на поражение.

— Думаю, усилившаяся депрессия, которая в итоге привела вас ко мне, началась именно тогда. И для меня кое-что значит тот факт, что вы никогда прежде не обсуждали эту ситуацию иначе как с точки зрения ее последствий для Кинтаны. Хотя на самом деле я не могу себе представить более жестокого вмешательства в вашу личную жизнь.

4 апреля 2001 года

Я сказала, что пришла к нему сразу после делового ланча, где я не могла удержать в памяти ничего из сказанного спикером, поэтому даже не успевала за ним записывать.

— Вас это расстроило? — спросил он.

Я сказала, да. Сказала, что все больше и больше это замечаю, и ты тоже это замечаешь, мы говорили об этом — нам обоим трудно подбирать слова, удерживать мысль настолько долго, чтобы успеть продумать ее до конца; я говорила тебе, что это результат эмоциональной перегрузки, стресса, и до некоторой степени я считаю, что так и есть, но это тревожит. Например, я забываю телефонный номер прежде, чем успеваю его набрать.

— То есть вы его записываете, и вам приходится еще раз глянуть, набирая последние цифры?

Да, сказала я.

— Добро пожаловать в клуб, — сказал он. — Но вернемся к этому ланчу. Было ли то, о чем говорил спикер, существенно для вас?

На самом деле нет, сказала я. Я уже написала все, что собиралась написать на эту тему, и у ме-

ня не было никаких причин даже являться туда, но мне хотелось сделать приятное Бобу Сильверсу[47]. И все же я всегда делаю записи, а тут у меня ничего не получилось.

— Я бы предположил диссонанс между тем, что говорилось, и тем, что занимало в это время ваш ум.

В данном случае, возможно. Однако, по-видимому, имеется и нарушение краткосрочной памяти.

— Есть способы это обойти. Те же приемы, которые применяются в учебе, при подготовке к экзамену. Вы что-то слышите или читаете, затем повторяете себе два-три раза, а все важное записываете. Суть в том, что услышанное или прочитанное откладывается в одной части мозга, сказанное вами вслух — в другой, а записанное — в третьей. Таким образом, если происходит утрата клеток в одной части мозга, информация сохраняется в двух других. Помогает также рассказать это кому-то другому. Не потому, что вы перепоручаете другому человеку помнить за вас и напоминать, а просто потому, что тем самым вы закрепляете информацию в своей голове.

---

[47] Примечания: 47

Роберт Сильверс (1929–2017) — редактор журнала *The New York Review of Books* с 1962 по 2017 г.

Мое расписание настолько просто и постоянно каждую неделю, что я, как правило, даже не заглядываю в свой календарь, поэтому, если график внезапно меняется — например, сдвигается время сессии, — я обычно прошу пациента позвонить мне и напомнить. И вне зависимости от того, позвонит ли пациент, я уже не забуду. Потому что я закрепил информацию, поговорив о ней.

Он взял в руки стопку записок, лежавшую у телефона.

— Видите? Это то, что мне требуется помнить. Они лежат тут, так что я всегда знаю, где они. Дело не только в возрасте. Я вижу, как мой сын все записывает себе в карманный компьютер, а ему всего лишь за сорок. Что же касается таких вещей, как номера телефонов, вы их не запоминаете, потому что вам они не важны. Если бы я прямо сейчас назвал вам семизначное число и сказал, что его необходимо запомнить, вы бы запомнили его, вы бы придумали способ его запомнить. Телефонный номер не занимает ключевое место в вашем уме. В момент, когда вы его набираете, вы думаете о самом звонке, о том, что скажете, когда вам ответят. И так у всех.

Я сказала, я часто думаю, что пошло бы на пользу отдохнуть хотя бы неделю. Не ощущать

никакого давления, прибраться в доме, разложить по порядку все мои бумаги.

— Это было бы очень ценно. На самом деле, это тоже хороший прием. Уборка в доме или в кабинете приводит в порядок и ваш ум. Это поддающийся измерению физиологический эффект, он зафиксирован. Я и сам почистил свои папки, поскольку у меня закончилось место для хранения, я уже не мог долее хранить налоговые отчеты за полвека. Потратил немало времени, но это было чрезвычайно полезно.

Я рассказала ему, как выносила мусор перед отъездом из Калифорнии. Чувство освобождения, но вместе с тем и травмирующее. Я до сих пор вспоминаю о том, что выбросила тогда. Например, нет никакой причины, по которой потребовалось бы выяснить, сколько стоило пребывание Кинтаны в “Ройал Хавайан” в 1969 году, но мне остро недостает возможности это проверить.

— Нет никакой причины, по которой мне могли бы понадобиться чеки, выписанные моей мамой, когда я был ребенком, — ответил он, — но я храню их до сих пор, я не смог их выбросить. Они в каком-то смысле часть жизни.

По поводу матерей, сказала я: моя вроде бы по

большей части чувствует себя лучше, но затем возникает элемент бреда. Например, ее не удается убедить в том, что ей не удаляли в больнице легкое. Когда я попыталась ее поправить, она сказала: “Я знаю, что они это сделали, я видела счет”. Я сказала, наверное, мне следует поговорить об этом с ее врачом.

— Да, чтобы он понимал, что происходит.

Я сказала, я думала о том, что он говорил в прошлый раз. Он сказал, пытаться вмешиваться во благо моей матери может быть и напрасным усилием, но мне все равно важно это делать, потому что, если я не стану этого делать, я не совпаду с представлением о себе как о заботливом человеке.

— Точно.

Что ж, сказала я. Я вовсе не уверена, что мой образ самой себя — это “заботливый человек”.

— Это занимало ваш ум во время ланча? Как вы войдете сюда и поведаете мне истину, которую я каким-то образом ухитрился не разглядеть? Признаетесь, что хитро провели меня? Изображали заботливого человека, а на самом деле вы не такая? Почему, собственно, вы решили, что вы не заботливый человек?

Я сказала, это просто никогда не входило в мой

образ себя. Причина в моей работе, в необходимости уходить из дома, эгоистичности, которая требуется…

— Для продуктивной работы? — перебил он.

Я сказала, для этого требуется определенная эгоистичность. Некоторая сосредоточенность на себе. И в последнее время мне с трудом удается ее мобилизовать.

— В нашей культуре немногим женщинам удается избежать этого. Глубоко укоренившейся идеи, что они должны взять на себя все заботы, оставаться дома, печься о членах семьи. Вы отвергли это, но не смогли избежать чувства вины. Женщин это настигает чаще, чем мужчин, хотя и мужчины не так легко отделываются, как представляется некоторым женщинам.

Я спросила, знал ли он, когда в прошлый раз говорил, будто в мое представление о себе входит образ “заботливого человека”, что на самом деле это не соответствует моему представлению о себе.

— Не могу сказать, что я удивлен. Я полагал, вам удалось развить более глубокое понимание себя. Но ведь вы воспринимаете себя не так, как видят вас другие люди, правда же? Другие люди — и я в том числе — видят в вас очень любящего

и заботливого человека. С другой стороны, если бы вы сами себя так воспринимали, вы бы не пришли к этому — к тому, куда мы с вами пытаемся прийти.

3 июля 2001 года

Небольшой разговор о Гонолулу, о том, как часто мы там бывали. Я пояснила, что мы отправлялись туда из Калифорнии всякий раз, когда мы (особенно я, после диагноза РС[48]) чувствовали себя усталыми. И Кинтана там много бывала. Там я учила с ней таблицу умножения. Там прочла с ней “Моби Дика”.

— Отчего вам сейчас стало грустно? — спросил он.

Я сказала, это пустяки.

— Была какая-то мысль. Мысль — не пустяк.

Я сказала, наверное, это было воспоминание о том, какой ясной и счастливой она казалась тогда в противоположность тому, какой она была несколько последних лет. Я сказала, меня удивляет, что такое противопоставление пришло мне на ум сейчас, ведь я думала, что справилась с этим, когда была в Гонолулу.

— Родителям редко удается справиться со своими чувствами при виде страданий ребенка.

---

[48] Примечания: 48

В тридцать с небольшим лет ДД поставили предположительный диагноз “рассеянный склероз”, впоследствии не подтвердившийся.

Я сказала, что принесла статью, которую вырвала из газеты. Эта статья сильно встревожила меня при первом чтении. Там говорилось, что американские компании вводят новые строгие правила насчет принятия на работу людей с малейшим намеком на склонность к алкоголизму: это увеличивает расходы на страховку и вообще слишком дорого обходится. Когда я это читала, то подумала, что теперь многие компании откажутся брать Кинтану. Затем, перечитав статью после нескольких дней пребывания в Гонолулу, я стала относиться к этому более спокойно: в конце концов, история каждого человека в 20–30 лет — это осознание, что многие двери закрываются. Сначала — в очень раннем возрасте — понимаешь, что никогда не станешь балериной. И в последующие годы то и дело думаешь — я никогда не буду этим, никогда не буду тем. В итоге строишь жизнь вокруг того, что у тебя осталось, используя те двери, что не закрыты. Это происходит с каждым. И то, что случилось с Кинтаной, в принципе не очень от этого отличается. Итак, сказала я, я думаю, что совладала с этим.

— Вообще-то, принимая во внимание антидискриминационные законы, ни один потенциальный работодатель не сможет выяснить ее

предысторию. Как бы им ни хотелось это знать, они не имеют права задавать вопросы. И не смеют подталкивать ее к тому, чтобы она сама призналась. Когда я проводил собеседования с кандидатами на медицинский факультет, меня особо предупреждали не задавать вопросов, которые могли бы спровоцировать подобного рода ответ. Например, если в автобиографии кандидата обнаруживался пропущенный год, я даже не мог спросить, что он делал в том году. И даже когда собеседование проводил такой опытный психиатр, как я, кое-кому удавалось проскочить. Один из отобранных кандидатов вскоре покончил с собой, и только тогда мы задним числом выяснили, что этому предшествовало множество попыток, о которых мы и знать не знали. А если во время собеседования возникал явный намек на имеющуюся проблему, это скорее побуждало принимать человека, чтобы избежать возможных исков. Так что в данном случае ваши опасения не имели под собой основания. Тем не менее чувство, которым было вызвано это опасение, вполне реально.

Я сказала, что на Гавайях прочла книгу об АА. Написанную одним из противников АА, сторонником рационального самовосстановления. Не

из “умеренных”, а из радикальных — того типа, который считает, что полного воздержания легче добиться вне АА, главным образом потому, что АА, с одной стороны, изолирует алкоголика от всех, кто не принадлежит к АА, а с другой — побуждает его (или ее) воспринимать себя как хронически больного человека с гарантированными срывами. Я сказала, что мое отношение к АА в данный момент весьма неоднозначно. Я пылко соглашаюсь со многим в этой книге, однако Кинтана несколько месяцев хорошо ладила с АА или, по крайней мере, с какими-то их аспектами. Мне бы только хотелось, чтобы это так не упиралось в изолирование.

— Я с вами согласен. Для некоторых людей подобная изоляция избыточна. Есть и такие люди, которые в этом нуждаются — чтобы их оторвали от всего и наполнили их жизнь АА.

Я сказала, это, по-видимому, входит в базовую настройку программы. Если вы доходите до той точки, в которой определяете как главную цель свою жизни “не пить”, тем самым вы определяете себя — будут ли у вас срывы или нет — как “больного”, “дефективного”. И каждое собрание, где вы присутствуете, подкрепляет эту идею.

— Согласен. Это может быть опасно. Но мне

кажется, Кинтана относится к этому достаточно здраво.

Я сказала, по крайней мере, она не последовала совету своей наставницы отказаться от визитов к психиатру на том основании, что АА — “работа на полную ставку”. Я рассказала ему, что наставница также уговаривала ее, что будет неразумно заняться вместе со мной разбором бабушкиных вещей 4 июля, поскольку праздники представляют особую опасность, и ей следует провести этот день с людьми из АА. Я сказала, мне известно, что праздники опасны, потому-то я и предложила ей такое общее дело.

— Хорошая идея. Тем более что доктор Касс на этой неделе отсутствует. У меня сложилось впечатление, что в данный период она во многом полагается на него.

(Записывая это, я вспомнила, как он сумел указать ей на “ноги как метафору” и добиться, чтобы она это поняла, в то время как, если бы мы сказали такое, это выбило бы ее из равновесия.)

Затем мы поговорили о моем брате, о его странной реакции на смерть матери. Поездка в Орегон, картины и т. д. Я сказала, он всегда был довольно холоден с ней. Не из враждебности — просто это часть той культуры, в которой он вырос.

— По-видимому, он достиг того момента, когда осознает собственную смертность. Смерть в семье часто действует таким образом. Мы видим не так уж много поколений впереди и начинаем формировать связи с теми, кто позади нас.

Я сказала, таким связям в нашей семье всегда придавалось большое значение. Джим всем этим пренебрегал, но в меня это было впечатано. А потом, когда родилась Кинтана, я попросту забросила все это. Не видела в этом никакого смысла.

— Вы не подобрали для нее ветвь на семейном древе? Потому что она не кровная родственница?

Я сказала, не в том дело. Моя привязанность к ней была так сильна, что кровные узы утратили для меня прежнее значение.

— Полагаю, это может отражать ваши личные чувства — возвращение к раннему детству, когда вы отличались, не были частью семьи.

Я сказала, если он снова собирается мне сказать, что каждый чувствительный ребенок воображает себя приемным, лучше не надо, потому что я никогда не воображала, будто меня удочерили.

— Удочерение в данном случае лишь метафора. Чтобы чувствовать себя чужой в семье, не требуется буквально верить в то, что вас удочерили.

Многие люди в тот или иной момент чувствуют, что другие родители могли бы их больше любить, больше ценить. У мифа о подменышах глубокие корни. Вокруг каждого малыша толпятся взрослые, указывающие на его сходство с той или другой стороной семьи. Мамины глазки, папин характер и т. д. Любой ребенок, слушая это, не может не спрашивать себя на каком-то уровне сознания: а если бы я не был так похож на них? Они все равно оставили бы меня в семье?

Я сказала, это было одной из самых мучительных для Кинтаны вещей, когда она поехала в Даллас: они все время говорили, что она похожа на тех родственников или на этих.

— Для нее это должно было быть сокрушительно. Ведь структуру ее семьи составляли вы, и Джон, и ваши родные. Вы и она были одинаково заинтересованы в том, чтобы она была “похожа на вас” — на каком бы уровне вы это ни определяли. По-человечески понятно, почему они в Далласе говорили ей это, но ничем другим они не могли бы расстроить ее больше.

Представьте, что вас усыновили, сказала я. Представьте, что вы — Кинтана. Вернемся к этому разговору о детях, которые гадают, не могли бы другие родители их больше любить, больше

ценить. Казалось бы, удочеренный ребенок будет думать в этом смысле о своих биологических родителях, но, насколько я знаю, Кинтана так никогда не думала.

— Разумеется, не думала. Они от нее отказались. Вы считаете, она могла этого не понимать?

И это значит, сказала я, когда она сердилась на нас, она сталкивалась с непреодолимым препятствием. Она не могла себе позволить разозлиться на нас. Потому что в воображении она допускала, что может нас потерять.

— Да, эта проблема особенно остро затрагивает усыновленных детей. Но она не чужда и всем остальным. Любые интенсивные отношения амбивалентны. Сама амбивалентность и делает отношения столь интенсивными. Любовь и ненависть. Взросление — процесс, в котором учишься принимать эту амбивалентность.

26 декабря 2001 года

Я рассказала доктору Маккиннону о том, что Кью сказала прошлым вечером, когда я спросила, как у нее с деньгами: она сказала, “все в порядке до апреля, ну, мая, пока не закончатся деньги от «Пэйн Уэббер»[49], и тогда придется принимать какие-то решения”.

— Кому придется? — спросил он.

Я сказала, до этого мы не добрались, просто сказали, что еще обсудим это.

— Решение, которое нужно принять, — это чтобы она нашла работу.

Я сказала, это очевидно, мы тоже так считаем. Я сказала, что думала об этом и сочла наилучшим просто поверить, что именно такое “решение” она держит в уме, и быть готовыми обсудить, какой именно вариант работы она имеет в виду.

— На что она жила до сих пор?

Я сказала, что на Рождество год назад она получила 100 тысяч долларов от нас и 10 тысяч от бабушки, то есть в сумме 110 тысяч, необлагаемые налогом. Если эти деньги закончатся в

---

[49] Примечания: 49
Американский инвестиционный фонд.

апреле, значит, она получает и тратит 6 тысяч 800 долларов в месяц, что более чем вдвое превышает ее доход за вычетом налогов в ту пору, когда она работала. Сверх того, мы оплачивали ее медицинские счета и страховку за квартиру, так что у нее было мало крупных расходов.

— Идея, конечно, заключалась в том, чтобы это было вложением в ее будущее, подушкой безопасности, пока она не приступит к собственной работе, но она явно восприняла это иначе. Из этого следует извлечь урок. Урок состоит в том, что, продолжая давать ей деньги, вы лишите ее мотивации учиться самой заботиться о себе. Я думаю, вам следует обсудить это с ней при ближайшей возможности, потому что ей необходимо начать поиски работы. Я знаю, что вы сами озабочены вопросами денег и будущего — какой разумный человек не озабочен сейчас вопросом денег и будущего, — но ваши собственные тревоги не имеют никакого отношения к этому разговору с ней. Если вы создадите у нее впечатление, будто вы лишаете ее вспомоществования, потому что у вас нет денег, вы сами выроете себе такую глубокую яму вины, что никогда из нее не выберетесь. Смысл не в том, чтобы она поняла, что у вас нет денег. Смысл в том, что ей нужно двигаться

дальше по собственной жизни, и вы пришли к выводу, что, продолжая ее содержать, вы мешаете этому движению. Вы можете и впредь помогать ей в ограниченном виде, например, оплачивать медицинские счета или страховку и так далее. Но регулярное пособие явно не идет ей на пользу. Как, по ее мнению, поступают большинство жителей Нью-Йорка, пока ищут новую работу? Актеры идут в официанты. Парни, пишущие романы, находят временную работу. Все находят способы зарабатывать, чтобы обеспечить себе возможность заняться любимым делом. Кинтана это, несомненно, поймет. Она знает, что вы и Джон пишете киносценарии, чтобы иметь возможности для другой своей работы.

Я сказала, до нее это, похоже, не доходит.

— Настало время для того, чтобы реальность бросила ей вызов. Поскольку она сама, по-видимому, не способна бросить вызов реальности. Думаю, это было бы полезно обсудить на совместной сессии с доктором Кассом.

Я сказала, полагаю, он имеет в виду, после обсуждения этого с Кинтаной.

— Вообще-то я собирался провести разговор с Кинтаной и доктором Кассом одновременно. Я предполагаю, что доктор Касс искал способы

мотивировать ее и уперся в глухую стену: ей не требуются деньги, поскольку ее содержат.

Я сказала, я думаю, подобный разговор загонит ее в ловушку.

— Это потому, что вы рассматриваете отказ в деньгах как наказание, а это не наказание. Это требуется ей для роста. Это всецело связано с тем, что пытается сделать доктор Касс. Разговор пойдет не об отказе в финансовой поддержке. Разговор будет об эмоциональной поддержке. Я думаю, вы очень легко можете предложить Кинтане обсудить это всем вместе с доктором Кассом. Подумайте об этом.

3 января 2002 года

Обсуждение золофта. Увеличить дозу до одной таблетки. Обсуждение глотания — таблеток и вообще.

Я сказала, что заметила, как мне стало трудно глотать, я давлюсь и задыхаюсь.

— С возрастом эти мышцы перестают работать автоматически. Это как равновесие — вам нужно бороться с этой проблемой, заново тренировать мышцы. С такими вещами нужно бороться, нужно отдавать себе отчет, какие у вас появляются слабости, и преодолевать их. Если вы три месяца последите за тем, как вы жуете и глотаете, думаю, вы заметите существенные перемены.

Я сказала, мы завели с Кью разговор о ее планах. Сказала, что в целом прошло хорошо, но обнаружилось одно трудное место: она не желала обсуждать книгу и оборудования для компьютера и то, в какой последовательности следует действовать.

— Надеюсь, вы подчеркнули, что нужно делать шаг за шагом и каждый сделанный шаг добавляет уверенности для того, чтобы идти дальше. Нельзя

думать обо всем, что предстоит сделать, нельзя добиваться всего сразу, иначе вы очень скоро поднимете руки, бросите полотенце на ринг.

Я сказала, мы старались подчеркнуть этот пошаговый процесс. Обсудили Гавайи. Я сказала, мы дали понять, что ей придется самой себя содержать. Сказала, что она сказала, она хочет жить более просто, например, она могла бы "работать на ананасных плантациях", но у нее, по-видимому, отсутствует сколько-нибудь ясное представление о том, что она могла бы или хотела делать.

— Очевидно, в основе этого разговора о переезде на Гавайи в данный момент лежит желание просто уехать. Уехать от вас, уехать от доктора Касса, начать все сначала. Как прежде "отправлялись на Запад".

Я сказала, традиционно этот образ "отправиться на Запад" включал и готовность встретить немалые трудности.

— Думаю, в этом суть ее слов о готовности заняться сбором ананасов. Именно это она говорит — что она готова к такой работе.

Я сказала, я думаю, это желание вызвано мыслью, что таким образом она сумеет уйти от представления о самой себе как о больной. Очевидно,

учитывая ее жизнь в последние несколько лет — реабилитацию, многочисленные госпитализации, — она воспринимает себя как ущербного человека. Она хочет перебраться туда, где никто не будет смотреть на нее так, по инерции воспринимать ее такой. Где никто не будет на автомате спрашивать: “Как ты себя чувствуешь, как у тебя дела?” Я сказала, я думаю, ее уже тошнит от этого. На самом деле это всплывает каждый раз, когда ей плохо. “Почему я должна быть таким больным человеком” — во множестве разных вариаций.

— Тогда это очень здоровый шаг. Я бы очень ободрился, если ее мотивация именно такова.

Я сказала, она подумывает поехать на две недели, попытаться найти работу и жилье, но мы не уверены, достаточно ли такого срока.

— Этого определенно недостаточно. Скажите ей, чтобы она не торопилась.

Я сказала, мы думали месяцах о трех.

— Да, это намного более правильный срок.

Я сказала, она в растерянности насчет своей квартиры здесь — что с ней делать, — и мы сказали, пока ничего не делать.

— Верно. Пока ничего. Ей нужно место, куда она сможет вернуться, если Гавайи окажутся не тем, чего бы она хотела.

Я сказала, я не знаю, стоит ли предложить — если бы она подождала до конца мая, до июня — поехать вместе с ней и убедиться, что она устроилась.

— Совершенно негодная идея. Если она не может сделать это самостоятельно, ей вовсе не следует этого делать. Чтобы обрести необходимую ей уверенность.

А что, если она не справится, сказала я.

— Значит, не справится. Вы не можете контролировать это, не можете как-то влиять. Единственная мысль, которую вы должны ей внушить, — что это не будет конец света. Это приключение. Дайте ей попробовать. Не ждите худшего, не относитесь к ней как к больной[50].

---

[50] Примечания: 50

Это последняя из сохранившихся подробных записей о визитах Дидион к Маккиннону, хотя она продолжала посещать его еще и в 2010 г. К тому времени он состарился (в 2010 г. ему исполнилось 83 года). Маккиннон оставил частную практику в 2014 г. и умер в 2017 г. В некрологе *New York Times Magazine* он назван “одним из самых опытных клиницистов его эпохи”. Он был известен как верный последователь Фрейда, упорный защитник терапии посредством бесед. Статья в *The New York Times Magazine* от декабря 1992 г. под заголовком “За пределами кушетки”, обсуждая скептицизм Маккиннона относительно лечения таблетками, именует его “Джоном Уэйном в синем костюме”.

9 января 2003 года

Кью опоздала на несколько минут. Доктор Касс пригласил меня войти. Я спросила, хочет ли он начать без Кью. Он сказал, на мое усмотрение, затем сказал: нет, вы правы, это спровоцирует ее паранойю.

Примерно минуту спустя явилась Кью, от нее так и веяло недовольством. “Он не выходил?” — тут же спросила она. Я сказала, мы ждем ее. Она резко прошла мимо меня в кабинет и села. Я последовала за ней и тоже села.

Я спросила, в какой мере доктор Касс осведомлен о недавнем инциденте. Кинтана перебила: он не осведомлен, она смогла записаться к нему только на сегодня. Тогда почему бы тебе не рассказать об этом, предложила я. Она сообщила, что была у доктора Роскана и заявила ему, что не видит смысла в дальнейших визитах к нему, поскольку она по-прежнему выпивает “время от времени”. Вот и вся история в ее версии.

Я сказала, есть и другая причина, по которой я сегодня пришла сюда, и рассказала о нашей встрече 30 января.

Доктор Касс сказал, что доктор Роскан звонил ему. При этом выяснилось, что решение прекратить лечение исходило не столько от Кью, как мы думали, а от самого доктора Роскана. Он сказал доктору Кассу, что не знает, чем помочь Кинтане на данном этапе, и он пришел к убеждению, что любая традиционная программа, включая стандартную 28-дневную реабилитацию, окажется неэффективной. Недостает главной составляющей — ее личного решения больше не пить. Он мог предложить, и то без уверенности, что это сработает, разве что более длительное лечение. Он назвал доктору Кассу заведение в Пенсильвании “Алима лодж”. Кинтана признала, что ей он об этом тоже говорил. Доктор Касс этого места не знает.

После разговора с доктором Росканом доктор Касс пришел к выводу, что ему тоже следует приостановить лечение: он не может впредь выписывать ей лекарства, зная, как много она пьет. Слишком опасно, риск от взаимодействия лекарств с алкоголем превышает потенциальную пользу.

Он сказал, был период, когда она, казалось, продвигалась вперед — в какой-то мере контролировала себя, сделала несколько шагов к тому,

чтобы восстановить свою жизнь. Теперь этот период закончился.

Тут она заговорила о том, как тяжело ей дались праздники (“Я не пытаюсь оправдываться”), как все вокруг рушится, отец болен, личные отношения потерпели крах, карьера потерпела крах.

Я сказала, это в ней говорит депрессия, ее отец поправляется, ее карьера как раз достигла той точки, где — стоит того пожелать — она сумеет начать сначала.

Доктор Касс заметил, что этот период ухудшения, период, когда она снова много пьет, начался еще до праздников.

— И сегодня вы тоже пили, и много, — сказал он.

Действительно, это было очевидно. Тут она заплакала.

Давайте это обсудим, предложил доктор Касс. Обсудим, пойдет ли вам на пользу радикальная смена обстановки. Вы постоянно говорите о переезде на Гавайи. Я не думаю, чтобы это вам помогло, — но объясните, почему вы думаете, что это может помочь.

Привычная пьяная болтовня про то, как она ненавидит Нью-Йорк, как все ее тут терзают, задают вопросы и мать вечно задает вопросы,

тревожится о деньгах и т. д.

Я сказала, я не понимаю, откуда такая враждебность. Я не задавала ей никаких вопросов. Я лишь старалась удержать ее в живых. Потому что она убивает себя день изо дня.

Мы с вами в этом заодно, сказал доктор Касс, и она не только убивает себя день изо дня, она еще и не может жить в оставшееся ей время — алкоголь лишает ее возможности осуществлять планы, поддерживать отношения, лишает всего, что составляет жизнь.

Я сказала, я говорила ей, что не смогу просто стоять рядом и смотреть на это. Потому что это убьет и меня тоже.

Доктор Касс сказал, по его мнению, этим ее обременять не следует. Ты и я сделали свое дело, когда она была ребенком, и сделали его достаточно хорошо — не идеально, но хорошо. Теперь мы не можем спасти ее. Только она сама может это сделать. Нет пользы в том, чтобы возлагать на нее ответственность за сохранение твоей жизни. Я воздержалась от упоминания совета доктора Маккиннона твердить ей это при каждой оказии, потому что, согласно его опыту, только это и могло удержать ее от самоубийства.

Обсуждение предстоящей в мае выставки.

Доктор Касс сказал, было бы обидно, если б долговременная терапия помешала ей участвовать в шоу. Я сказала, ей придется бросить пить перед поездкой в Калифорнию. Во-первых, она поведет машину и рискует убить себя или еще кого-нибудь, если сядет пьяной за руль. Во-вторых, она будет жить у друзей, и нельзя же вторгаться со своим пьянством в жизнь других людей.

Тут она сильно рассердилась и сказала, разумеется, она перестанет пить перед поездкой в Калифорнию, и точка, больше не о чем говорить, чего ради мы сидим тут и повторяем все время одно и то же.

Зайдя в тупик, я спросила доктора Касса, знаком ли он с Марком Галантером. Он сказал, да, конечно, он для него один из немногих авторитетов в области алкоголизма и наркомании, он и сам подумывал нам его рекомендовать. Галантер даже был одно время его наставником. Консультацию с Галантером он считает вполне логичным первым шагом. Хочет ли Кинтана, чтобы он сразу ему позвонил? Кинтана сказала, да. Доктор Касс позвонил в приемную доктора Галантера и попросил, чтобы тот позвонил ему, он направит к нему пациентку.

В понедельник 23 января доктор Касс ждет Кью

в 12.30. К тому времени она должна побывать у доктора Галантера, и тогда они обсудят дальнейшие планы.